

Д Ж О Н

БРАННЕР

*ВСЕМ СТОЯТЬ
НА ЗАНЗИБАРЕ*

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

ЭКСКЛЮЗИВНАЯ КЛАССИКА (АСТ)

Джон Браннер

Всем стоять на Занзибаре

«Издательство АСТ»

1968

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

Браннер Д.

Всем стоять на Занзибаре / Д. Браннер — «Издательство АСТ»,
1968 — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-104790-0

Планета задыхается. Население сходит с ума от тесноты, бедности и отсутствия перспектив. Люди плотно сидят на наркотиках, легализованных правительством, чтобы примирить граждан с их безрадостным бытием. Ведь даже тихие семейные радости теперь доступны далеко не всем. В развитых странах действует жесткое законодательство, запрещающее людям с несовершенным геномом иметь детей. Для большинства полноценная семья становится недостижимой и бесконечно желанной мечтой. И так бы все и шло, если бы не изобретение азиатского ученого, которое подарило надежду на здоровое потомство даже тем, кто не обладает идеальным физическим и психическим здоровьем... В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-104790-0

© Браннер Д., 1968
© Издательство АСТ, 1968

Содержание

Контекст (0)	6
Контекст (1)	7
В гуще событий (1)	8
Прослеживая крупным планом (1)	13
Контекст (2)	15
Режиссерский сценарий (1)	16
Прослеживая крупным планом (2)	20
Контекст (3)	25
Режиссерский сценарий (2)	26
В гуще событий (2)	28
Контекст (4)	30
Прослеживая крупным планом (3)	34
Режиссерский сценарий (3)	36
В гуще событий (3)	42
Прослеживая крупным планом (4)	45
Режиссерский сценарий (4)	47
Контекст (5)	53
Прослеживая крупным планом (5)	57
Контекст (6)	60
Режиссерский сценарий (5)	61
В гуще событий (4)	66
Прослеживая крупным планом (6)	68
Контекст (7)	71
Режиссерский сценарий (6)	73
В гуще событий (5)	79
Прослеживая крупным планом (7)	80
Контекст (8)	84
Режиссерский сценарий (7)	86
В гуще событий (6)	88
Прослеживая крупным планом (8)	91
Режиссерский сценарий (8)	98
Контекст (9)	104
Прослеживая крупным планом (9)	105
Контекст (10)	108
Режиссерский сценарий (9)	109
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Джон Браннер

Всем стоять на Занзибаре

Серия «Эксклюзивная классика»

John Brunner

STAND ON ZANZIBAR

Перевод с английского *А. Комаринец*

Серийное оформление *Е. Фerez*

Художник *С. Неживясов*

Печатается с разрешения наследников автора и литературных агентств Jane Judd Literary Agency и Nova Littera SIA

© John Brunner, 1968

© Перевод. А. Комаринец, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

Контекст (0)

Способ выражения Инниса¹

«В способе выражения Инниса нет ничего надуманного или произвольного. Если перевести эту форму изложения в традиционную линейную прозу, она не только потребовала бы огромного пространства, но было бы утеряно интуитивное понимание взаимодействия различных форм структурирования. Ради этого интуитивного понимания Иннис пожертвовал престижем и фиксированной точкой зрения. Фиксированная точка зрения становится опасной роскошью, когда подменяет собой интуицию и понимание. Разрабатывая этот подход, Иннис в своем представлении информации совершенно отбросил «точку зрения» как таковую. Связывая изобретение парового пресса с «консолидацией национальных языков», подъемом национализма и революциями, он не излагает точку зрения отдельного лица и менее всего свою собственную. Он выстраивает мозаичную конфигурацию или галактику интуитивного понимания... Иннис не стремится «разъяснить» взаимосвязи между компонентами своей галактики. В своих поздних работах он не предлагает готовых теорий, а только инструментарий для их построения...»

Маршалл Маклюэн «Галактика Гутенберга»²

¹ Гарольд Иннис – канадский экономист, исследователь культуры и формирующей роли средств коммуникации (*здесь и далее прим. пер.*).

² Маршалл Маклюэн – канадский философ, исследователь роли электрических и электронных средств коммуникации в развитии общества, автор концепции «глобальной деревни».

Контекст (1)

Сканализируй, мать твою

Сигнал заставки АУДИО: «В эфире СКАНАЛИЗАТОР, уникальный обзор всего-всего на планете от «АнглоСлуСпуТры», ваше Объективное, Общедоступное, Объемное Окно в большой мир!»

Сигнал заставки ВИДЕО: клип-монтаж, разделенный экран, ударный материал: новый тур мистера и миссис Повсюду (сегодня – осмотр проекта ПРИМА), рекламная врезка (сегодня – костюмы для свободного полета), транзит (сегодня – Симплтонский разгонотуннель в Альпах), в деталях (сегодня, как и в любой другой день, домоимидж с автокриком).

Сигнал автокрика: «События, события, события! СКАНАЛИЗАТОР СКАНАЛИЗАТОР СКАНАЛИЗАТОР СКАНАЛИЗАТОР СКАНАЛИЗАТОР...»

Сигнал заставки ВИДЕО: клип-монтаж на весь экран, крутится-вертится – шух-шух-шух – планета Земля, проступают меридианы: Гринвичский, Восточного стандарта, Западного побережья, Зоны Тихоокеанского конфликта.

Сигнал прямого эфира АУДИО: «Шесть папа-мама – для тех, кто сверяет время по гадкому Старикуну Гринвичу, – гм, сами знаете, каким сволочным бывает время! Ноль в ноль, начиная с сигнала «бип», обратный отсчет после цифры ша-е-эс-т – извини-и-ите! – ша-е-эс-ть – мы сверяем по оригиналу! Мы знаем, что происходит *происходит* ПРОИСХОДИТ в мире, но наш обзор всего-всего на планете только для вас, мистер и миссис Повсюду – или мистер и мисс, или мисс и мисс, или мистер и мистер, выбирайте сами, ха-ха! Обратный отсчет от одного папа-мама по старому доброму восточному стандартному времечку. Десять ноль одна антиматерии на Западном побережье. У всех, кто в одиночку ведет правый бой посреди океана, – семь ноль одна антиматерии – БИ-И-ИП!»

Сигнал времени: 5х1 сек., обратный отсчет секунд – соль в альтавом ключе, минут – до в альте.

Сигнал рекламной вставки: «Нет лучше времени для событий, чем настоящее время, и нет часов лучше, чтобы сверять по ним время, чем критониевые часы «Дженерал Текникс», такие точно-преточные, что по ним рассчитывают звезды».

Сигнал заставки ВИДЕО: клипы, разделенный экран, выдержки из дневных новостей.

Сигнал прямого эфира АУДИО: «Если хотите держаться на плоту – прошу прощения, на плаву, – то нет ничего лучше, чем СКАНАЛИЗАТОР!»

Сигнал автокрика. (Если вы до сих пор не выключили, то выключите сейчас.)

Сигнал рекламной вставки: «СКАНАЛИЗАТОР единственный ЕДИНСТВЕННЫЙ в своем роде обзор новостей в обработке знаменитого компьютера Салманасар «Дженерал Текникс», который все видит, все слышит, все знает, кроме того, что ВЫ, мистер и миссис Повсюду, решили от нас утаить».

Сигнал заставки: события.

В гуще событий (1) Читайте инструкции

Сегодня третье мая, двадцать десять по Манхэттену, под Фуллеровым куполом ожидается мягкая весенняя погода. Дитто на площади «Дженерал Текникс».

...но Салманасар – микриориогенный® компьютер, погруженный в жидкий гелий, и в его бункере жуть как холодно.

(ДИТТО. Употребляйте это слово! Означенный мыслительный процесс в точности аналогичен редукции частот в вашем телефоне. Заметили – значит увидели: новой информации слишком много, чтобы тратить время, задерживаясь на словах или объектах. Употребляйте «дитто». *Употребляйте!*

«Словарь гиперпреступности» Чада С. Маллигана)

Не вполне машина, но больше, чем человек, – понемногу того и другого, – Джорджетта Толлон Бакфаст в свои девяносто один функционирует в основном благодаря протезам.

Если вы в ПОЛНОМ УЛЁТЕ, то это благодаря новому сорту, специально выведенному «Хайтрип Калифорнией», чтобы на дюйм ствола вы получали больше мясистых листьев. Спросите «Чувака, который Чухал Чуйку»!

Эрик Эллерман – специалист по генетике растений, отец трёх дочерей; ему страшно, ведь у его жены развился отвислый живот.

«...а сегодня ПуэртоРико стал последним штатом, ратифицировавшим нашумевшую поправку о дальтонизме к евгеническому законодательству Соединенных Штатов. Теперь для тех, кто желает рожать неблагополучных детей, осталось только два пристанища: Невада и Луизиана. Поражение лобби младенцефермеров стирает давнее клеймо со светлого чела ПуэртоРико, нашего Младшенького штата, и день выбран как нельзя более уместно, поскольку присоединение Младшенького к всеобщему большинству почти день в день совпало с принятием первого евгенического закона касательно гемофилии, фенилкетонурии и врожденного слабоумия...»

Мак Шелтон годами мечтала о чудесах, и теперь чудо творится в ее теле, а в мечты вторгается реальный мир.

ТРУДНОЕ МЫ ДЕЛАЕМ СРАЗУ. НА НЕВОЗМОЖНОЕ УХОДИТ ЧУТЬ БОЛЬШЕ.
Первая версия девиза «Дженерал Текникс»

Норман Ниблок Хаус – младший вице-президент по подбору персонала в «Дженерал Текникс».

«Прошу прощения – слушатель в прямом эфире. Помните, только звонки слушателей СКАНАЛИЗАТОРА обрабатываются Салманасаром «Дженерал Текникс», давая наиболее адекватный отклик в кратчайшую единицу папа-мама...»

Настоящая фамилия Гвиневры Стил – Двиггинс. Ну, можно ли ее винить?
Отражают ли ваши слаксы ваш природный потенциал? Он виден с первого взгляда?

Если на вас маскью-лайн, то ответ «да». Устав от полумер, мы в «МасКью-Лайн, корп.» вернули гильфик на законное место, чтобы подсказать теркам: с чуваками не шутят.

Шина и Фрэнк Поттер уже сложили чемоданы ехать в Пуэрто-Рико, поскольку для Фрэнка что красный, что зеленый – все едино.

«Два звонка слушателей! Номер первый: прости, дружок, но нет... Мы не ошиблись, сказав, что решение ПуэртоРико оставляет всего два убежища для диссидентов. Изола действительно имеет статус полноправного штата, но сейчас во всём регионе Тихого океана, в котором расположены острова, введено военное положение, и получить туда пропуск можно только по военным делам... Но спасибо за вопрос! Такова жизнь: ты моя среда обитания, я – твоя, вот почему мы используем СКАНАЛИЗАТОР как двусторонний процесс...»

Артур Иди-с-Миром не расстраивается, когда не может вспомнить, куда что положил. Разыскивая одни вещи, он всегда находит другие, о существовании которых позабыл вовсе.

ТРУДНОЕ МЫ СДЕЛАЛИ ВЧЕРА. НЕВОЗМОЖНОЕ ДЕЛАЕМ ПРЯМО СЕЙЧАС.
Текущая версия девиза «Дженерал Текникс»

Дональд Хоган – шпион.

«Номер следующий: дальтонизм – медицинский термин для обозначения неспособности различать цвета, и уж поверьте, это врождённый порок. Спасибо вам, дорогой слушатель, *спасибо*».

Жер (сокращенное от Жеребец) Лукас – настоящий центровой: он расчетлив, осмотрителен и всегда в свободном полете.

(НЕВОЗМОЖНОЕ Означает: 1. Мне бы это не понравилось, и когда оно случится, я буду против; 2. Не надо меня этим донимать; 3. Бога нельзя этим донимать. Возможно, третье значение и обосновано, но остальные – на 101 % дерьмо собачье.

«Словарь гиперпреступности» Чада С. Маллигана)

Филипу Питерсону двадцать лет.

Устаревшая приставка автокрика действует вам на нервы? Её постоянно нужно перепрограммировать вручную, ведь она зовёт вас смотреть репортажи, снятые с программы неделю назад?

Мы совершили переворот в мире приставок: новый автокрик «Джи-Ти» программирует себя сам!

Саша Питерсон – мать Филипа.

«К другим темам. Бесчинствующая толпа напала сегодня на здание правокатолической церкви в Мальмё, Швеция, где проходила утренняя служба. Число жертв перевалило за сорок, среди погибших – священник и дети. Из своего дворца в Мадриде папа Эглантин обвинил курирующего папу Фому в намеренном подстрекательстве к этому и другим подобным выступлениям. Представители Ватикана решительно отвергают подобные обвинения».

Виктор и Мэри Уотмог родились в одной и той же стране и двадцать лет прожили в браке: она – во втором, он – в третьем.

Чего тебе хочется, когда ты видишь ее в мини-платье Максесс от «Форлорн&Морлер»?

Хочет ли она, чтобы ты увидел ее в мини-платье Максесс от «Форлорн&Морлер» и воплотил свои желания?

Если бы она не хотела, то не надела бы его.

Когда дело доходит до МАКСЕСС, максимальная доступность означает максимальную доступность.

Перед тобой модель «Куртизанка»,

Но ты ещё не видел «Потаскушку»!

Все, что в ней есть.

Элиу Мастерс – нынешний посол Соединенных Штатов в некогда британской колонии Бениния.

«В ответ на обвинения Сенатор от Южных штатов Лоуэл Кайт в этот папамама антима-терия заявил, что нарки сегодня несут ответственность за девять десятых правонарушений, совершаемых в его родном штате Техас *per annum*³ – прошу прощения! – *per annum*⁴, и что попытки федеральных властей решить проблему провалились. В частной беседе представители Наркоотдела выразили озабоченность тем, какую популярность приобретает у нарков триптин, новый продукт «ДжиТи»».

Джерри Линдт – новобранец.

Когда мы в «Джи-Ти» говорим «общий», мы имеем в виду «ОБЩИЙ». Мы предлагаем головокружительную карьеру любому, кто интересуется астронавтикой, биологией, химией, вакуумными технологиями, гидравликой, динамикой, евгеникой, зоологией, кваркологией, кинетикой, управлением промышленными предприятиями, металлургией, оптикой, патентным правом, реактивными двигателями, рентгеновским излучением, робототехникой, сверхзвуковыми двигателями, синтезом материалов, телекоммуникациями, ферромагнетизмом, юриспруденцией, ядерной физикой...

Нет, мы не пропустили вашу специальность. Просто в этом объявлении не хватило места.

Доктор медицинских наук, профессор Сугайгунтунг – декан факультета тектогенетики в Университете патриотизма Ведомой к Социализму Демократической Республики Ятаканг.

«Распространение мокеров попрежнему остается в центре внимания: вчера во Внешнем Бруклине мокер застрелил 21 человека прежде, чем уживузи его зафьюзили. Все еще в бегах мокер из Эванстоуна, штат Иллинойс, на чьей совести в общей сложности девять убитых и трое раненых. По ту сторону океана, в Лондоне мокерша прикончила четверых и своего собственного трехмесячного ребенка, прежде чем ее поколотили сознательные прохожие. Сходные сообщения, поступившие из Рангуна, Лимы и Окленда, увеличили число жертв за сегодняшний день до 69».

Грейс Роули – семьдесят семь, она теряет память.

«Сегодня здесь, а завтра там» уже не подходит современному человеку.

Сегодня здесь, сегодня там – вот наша феня.

Достопочтенный Задкиил Ф. Обоми – президент Бенинии.

³ Через зад (лат.).

⁴ За год (лат.).

«Несколько западнее: в этот антиматерия Вашингтон получил суровую ноту от правительства Ятаканга, в которой утверждается, что военные подразделения с морских баз на Изоле вторглись в территориальные воды Ятаканга. Официальный ответ будет учтывым, но ни для кого не секрет, что сто островов, составляющих территорию Ятаканга, постоянно предоставляют убежище китайским морским пиратам, которые, выскальзывая из так называемых нейтральных портов, нападают в океане на патрули США...»

Олива Алмейро – самая преуспевающая младенцефермерша в Пуэрто-Рико.

Вы знаете чуваков, которые держат по две-три терки на приколе. Вы знаете терок, которые каждые выходные сваливают с новым чуваком. Завидуете?

Не стоит.

Как и любые другие, эти навыки можно приобрести. Мы преподаем их на курсах, специально смоделированных под ваши личные предпочтения.

Мемориальный фонд миссис Гранди (чтоб ей перевернуться в гробу!).

Чад С. Маллиган был социологом. Он сдался.

«Причиной пожаров в Государственном заповеднике Западного побережья, на прошлой неделе опустошивших сотни квадратных миль ценных лесоматериалов, предназначенных на производство пластмасс, бумаги и органических химикатов, сегодня была официально названа халатность инспектора лесохозяйства Уэйна С. Чарльза. Однако к настоящему моменту неясно, кто несет ответственность за поджог: называющие себя партизанами предатели внутри страны или проникшие извне агенты красных».

Джога-Джонг – революционер.

Ключевое слово – ОПУСТОШАТЬ.

Не ищите его в словарях.

Оно слишком новое для словарей.

Но лучше бы вам поскорее узнать, что оно значит.

ОПУСТОШАТЬ.

Мы делаем это с вами.

И Пьер, и Жанин Клодар – дети пье-нуаров⁵, что, впрочем, неудивительно, ведь они брат и сестра.

«Прогнозы торнадо по следующим штатам...»

К западу от Скалистых гор Джефф Янг – главный поставщик весьма специфического товара: дистанционных взрывателей, взрывчатки, термитных зарядов, кислот и вредных бактерий.

«Теперь к сплетням: снова прошёл слух, что в небольшом независимом африканском государстве Бениния экономический хаос. Выступая в Бамако, президент Дагомалии Кутэ предостерег страны РЕНГ против попыток обратить ситуацию себе на пользу, в противном случае будут приняты все меры...»

⁵ *Piednoir* (фр., букв. «чёрноногий») – историко-культурный термин для обозначения группы алжирцев европейского (главным образом французского и еврейского) происхождения, составлявших значительную часть населения Алжира в период, когда Алжир входил в территориальный состав Франции.

Генри Мясник – вдохновенный проповедник панацеи, в которую верит.

(СЛУХ. Верьте всему, что слышите. Ваша жизнь может и не стать лучше, чем у окрестных болванов, но будет намного разнообразнее.

«Словарь гиперпреступности» Чада С. Маллигана)

Человека, известного как Беги, определенно нет в живых. С другой стороны, хотя бы в одном смысле он не мертв.

«Поговаривают, что Бертон Дент снова подался на сторону, в последние антиматерии его видели в обществе бывшего нефтяного магната Эдгара Джевела. Похоже, что тем временем – по Тихоокеанскому стандарту – Фенелла Кох, супруга Дента, на протяжении последних трех лет погрузилась в розовые мечты на супружеском ложе со «сливочной мечтой» Зоей Лейг. Как говорится, все мы равны, почему бы – бога в душу мать! – и нет?»

Мистер и миссис Повсюду – личности-концепты, эквивалент Джонсов нового тысячелетия, только вот пример с них брать не нужно. Покупайте персонализированный телевизор с приставкой домоимидж, которая гарантирует, что мистер и миссис Повсюду будут выглядеть, говорить и двигаться в точности как вы.

(ГИПЕРПРЕСТУПЛЕНИЕ. Вы уже совершили его, открыв эту книгу. Продолжайте в том же духе. Это наша единственная надежда.

«Словарь гиперпреступности» Чада С. Маллигана)

Бенни Ноукс сидит перед настроенным на СКАНАЛИЗАТОР теликом под триптином и раз за разом повторяет: «Ну и воображение у меня, мать твою!»

«В завершение выпуска: Раздел Маленьких Утешений. Один умник недавно сообразил, что если на каждого чувака, терку и бэбика выделить по клочку земли один на два фута, все человечество станет бок о бок на шестистах сорока квадратных милях – территории острова Занзибар. Сегодня третьего мая двадцать десять. Ждем вас снова!»

Прослеживая крупным планом (1) Господин президент

Достопочтенный Задкиил Ф. Обоми чувствовал, как на него черной тяжестью навалилась ночь – она облепила голову с седым ежиком курчавых волос пуховой периной, словно погрузив его в гнетущую тишину камеры сенсорной депривации. Он сидел в парадном кресле с резным орнаментом, изящно воспроизводящим стиль мастеров-резчиков шестнадцатого века; кто-то из них был его предком... предположительно. В истории страны зияло обширное белое пятно – период, когда было не до родословных.

На столе перед ним – его руки, точно два дряблых овоща. Одна – розовой ладонью кверху; много лет назад, когда он был ещё совсем маленьким, одна женщина, наполовину французка, наполовину шанго, увидела в узоре на этой ладони его героическое будущее. Другая рука лежит кверху тыльной стороной цвета красного дерева, с узловатыми пальцами, чуть согнутыми, будто изготовившимися выстукивать нервный ритм.

Она не шевелилась.

Высокий лоб интеллектуала и линия носа говорили скорее всего о предках-берберах. Но сразу за переносицей ноздри широко расходились и сплющивались, большой рот был под стать пухлым щекам, округлому подбородку и сильной пигментации. Все это от шинка. В те дни, когда еще было время на шутки, он нередко говаривал, что лицо у него – как карта его страны: со лба до глаз – захватчик, ниже, к югу – абориген.

Сами глаза, составляющие пограничную линию, были просто человеческими.

Левый почти прятался под опущенным веком: после попытки покушения в 1986 году он совсем отказал, длинный шрам до сих пор стягивал кожу от виска до скулы. Правый был блестящим, острым и быстрым, но сейчас расфокусированным, поскольку на второго человека в комнате господин президент не смотрел.

Мертвая ночь душила семидесятичетырехлетнего Задкиила Ф. Обоми, первого и пока единственного президента бывшей британской колонии Бениния.

Не видя, он чувствовал... За спиной – колоссальная пустота Сахары, до нее более тысячи миль, и все же, чудовищная и зловещая, она громоздилась в подсознании, будто грозовой фронт. Перед ним – за стенами, за шумным городом, за портом – ночной бриз Бенинского залива с запахом морской соли и пряностей с кораблей на рейде. А по бокам, словно кандалы, сковавшие его полусознанное желание шевельнуться и перевернуть следующую страницу, мертвым грузом лежит пачка подлежащих рассмотрению документов из процветающих стран, которым улыбнулась судьба.

Население на планете Земля насчитывает многие миллиарды.

В Бенинии – спасибо нарезавшему границы карту колониальному правительству – всего девятьсот тысяч.

Богатство планеты Земля невообразимо.

У Бенинии, по той же причине, чуть меньше, чем нужно, чтобы ее население не умерло с голоду.

Размер планеты Земля... пока достаточен.

Бениния покрыта шрамами и принуждена метаться на узком пяточке, а пространства для маневра все меньше.

В памяти у него звучат тихие, вкрадчивые аргументы.

С французским акцентом: *За нами география: географическое положение и ландшафт подсказывают, что Бенинии логично было бы присоединиться к Дагомалии; речные долины, дороги в предгорьях...*

С английским акцентом: *За нами история: у нас общий язык; в Бенинии шинка говорят с голайни, а иноко – с кпала на том же пиджине, на каком йоруба говорят с ашанти; присоединяйтесь к Республиканскому Единству Нигерии и Ганы... так сказать, ваши регги с РЕНГ...*

Внезапно его захлестнула ярость. Ударив ладонью по кипе бумаг, он вскочил на ноги. Второй человек тоже вскочил, на его лице отразилась тревога. Но не успел он открыть рот, как господин президент вышел из комнаты.

Наверху одной из четырех башен дворца, той, что была обращена внутрь страны – из неё была видна пышная зелень предгорий Мондо, а за ней ощущалась суровая безысходность Сахары, – находилась комната, ключ от которой имел только господин президент. Часовой на пересечении двух коридоров отсалютовал ему коротким взмахом церемониального копья; господин президент кивнул и прошел мимо.

Как всегда, он закрыл и запер за собой дверь прежде, чем включить свет. Несколько секунд он постоял в полной темноте, потом его рука легла на выключатель, и когда комната внезапно осветилась, моргнул здоровым глазом.

Слева на низком столике рядом с молитвенной подушкой покоился экземпляр Корана, переплетенный в зеленую кожу, с ручным тиснением золотой арабской вязью, перечислявшей все девяносто девять почтенных имен Единого.

Справа от него – *grîe-dieu*⁶ эбенового дерева с традиционной бенинской резьбой, повернутый к стене с висящим распятием. Прибитая к распятию жертва – такая же черная, как само дерево.

А прямо напротив двери – черные маски, скрещенные копья, два барабана и священная жаровня, увидеть которую без покрывала из пятнистых шкур позволялось только посвященным в «След леопардового когтя».

Господин президент сделал глубокий вдох. Потом подошел к низкому столику, взял Коран и методично порвал все страницы в клочья. Под конец он разодрал по корешку зеленый переплет.

Повернувшись на каблуках, он снял с гвоздя и сломал пополам распятие. Распятый упал на пол, и он раздавил куклу ногой.

Затем он сорвал со стены обе маски. Вырвал им цветные гривы из соломы, выколол драгоценные камни глаз, выбил слоновой кости зубы. Проткнул копьем кожу обоим барабанам.

Завершив работу, он выключил свет, запер комнату и в первый же мусоропровод выкинул один-единственный ключ.

⁶ Молитвенный стол (*фр.*, букв. «Молиться Богу»).

Контекст (2)

От редакции

Сигнал заставки ВИДЕО: клип-монтаж, на весь экран, панорамная аэросъемка и средний крупный план знаменитой аварии у Тернпайк в Нью-Джерси 1977 г. (на съемочной площадке потребовалось разбить три четверти миллиона машин, по 16 000 с чем-то тысяч в одну сторону) перебивка – панорамная съемка аварийного часа на Пятой ав., Оксфорд-ст., Красной пл.; затем наезд камеры, панорамная съемка, средний план: кретины, имбецилы, олигофрены.

Сигнал прямого эфира АУДИО: «Сегодня мы поздравляем Пуэрто-Рико с победой над лобби младенцеферм. Только что отпраздновавшей свой двадцать первый день рождения молодёжи трудно поверить, что всего тридцать лет назад автотрассы и города задыхались от груд якобы движущегося металла, которые настолько мешали друг другу, что мы наконец одумались. К чему беспокойство о двух тоннах мудреной техники, в которой, едва вы доберетесь до нужного места, пропадает всякая надобность и которая даже не довезет вас к этому месту в нужное время? Хуже того! Эта техника значительно сократит вашу жизнь: выхлопные газы увеличивают риск заболевания бронхитом и раком!

Словно живые существа, автомобили испустили дух, когда перенасытили свою среду обитания собственными экскрементами. Мы же с вами – живые существа *в буквальном смысле*. И не хотим, чтобы то же случилось и с нами. Вот для чего нам необходимо евригеническое законодательство. Хвала Младшенькому, наконец присоединившемуся к большинству, которое давно распознало надвигающуюся опасность и пошло на мелкие неудобства, вызванные решением контролировать человеческий элемент в огромной среде нашего обитания.

С вами была редакция «Большой Нью-Йорк таймс».

Режиссерский сценарий (1)

Благополучие, приправленное виной

В Нормане Ниблоке Хаусе все было рассчитанным и размеренным – как деления линейки, как точки на циферблате. *Пункт первый:* осветлять кожу и распрямлять завитки бороды и волос так, чтобы можно было извлекать выгоду из инстинктивной реакции коллег и при этом не упускать наиболее подходящих для стояка терок. *Пункт второй:* ровно столько эксцентричности в поведении, сколько стерпят от младшего вице-президента крупной корпорации, но чтобы при этом ясно дать понять – с ним шутки плохи. *Пункт третий:* объем работ, который он умудрялся проводить через свой офис: задания и проекты подбирались так, чтобы, заглядывая к нему, другие топ-менеджеры всегда заставляли его за крайне важными переговорами.

Работу он получил благодаря поправке к Акту о Равных Возможностях, который обязывал крупные корпорации вроде «Дженерал Текникс» нанимать белых и афроамериканцев в той же пропорции, в какой они представлены в населении всей страны, плюс-минус пять процентов. Не в пример многим другим «поправщикам», его приход был встречен вздохом облегчения тогдашним вице-президентом по персоналу, который почти оставил надежду найти достаточно афрам, готовых жить по корпоративным стандартам. («Докторская диссертация? Что такое диссертация? Подтирка для бледножопых!»)

Доктор социологии Норман Н. Хаус был просто находкой. Сознывая это, он заставил работодателей попотеть.

В третий раз в жизни проявив проницательность (первый – выбор родителей; второй – подножка единственному претенденту на занимаемый им ныне пост), вице-президент заметил, что его новый подчиненный обладает способностью производить впечатление на людей, которых никогда не встречал раньше и скорее всего больше никогда не увидит. Иными словами, он сам легко забывал других, но терпеть не мог, когда другие забывали его. «Стиль Хауса» – так это и стали называть.

Завидуя этому таланту, вице-президент взялся обхаживать Нормана в надежде, что частично очарование перекинется и на него. Надежда эта была безосновательна. Люди либо рождаются с таким даром, либо сознательно оттачивают мастерство на протяжении двадцати лет. Тогда Норману было двадцать шесть; требуемые два десятилетия он уже тренировался.

«Что я о нем думаю? Ну, рекомендации у него хорошие (говорилось рассудительно, с готовностью принять во внимание и оправдать), но мне кажется, если парень носит «маскью-лайны», то он не уверен в собственной компетенции. Там же подкладка спереди, вы помните».

Вице-президент, у которого таких брюк было шесть пар, ни одной больше не надевал.

«Что я о ней думаю? Ну, тестовый профиль у нее неплохой, но мне кажется, что девушка, которая носит Максесс от «Форлорн&Морлер» с глухими слаксами, никогда не доведет начатого до конца».

Вице-президент, который пригласил ее на обед и ожидал получить плату расхожей монетой, удалился под предлогом вымышленной болезни и, ворча, отправился ночевать домой к жене.

«Что я думаю о годовом отчете? Ну, по сравнению с прошлым годом график доходности пошел вверх, но мы для этого проекта поднимаем такой шум, что напрашивается мысль: прибыль могла быть на десять-пятнадцать процентов выше. Интересно, сколько мы еще так протянем».

В смятении вице-президент решил уйти на пенсию в пятьдесят, взяв премиальный пакет акций первой степени, вместо того чтобы подождать еще и получить вдвое большую третью степень, положенную в шестьдесят. Акции он почти сразу продал, а потом кусал ногти, глядя, как они месяц за месяцем ползут вверх. В конечном итоге он застрелился.

Он подозревал, что акции «Дженерал Текникс» стали расти только из-за замены его на Нормана. Это его и убило.

Норман быстро шел к общему лифту. Он с самого начала отказался пользоваться прямым лифтом с улицы в его кабинет: «Абсурд: работаешь с людьми и при этом в глаза их не видишь».

На днях как минимум один старший вице-президент тоже перестал пользоваться личным лифтом.

В любом случае сам Норман поднимался наверх.

У дверей ждала одна из корпоративных терок. Она улыбнулась: не потому что они были знакомы (сразу по приходу в «Джи-Ти» он дал знать, что настоящий мужчина вроде него способен найти себе терку и без фирмы), но потому, что время и силы, которые он вложил в мелочи вроде отказа от личного лифта, вернулись ему сторицей – во всеобщем убеждении, что мистер Хаус самый доступный и дружелюбный из всех двадцати вице-президентов компании. Это мнение разделяли даже грузчики на заводе электроники «Джи-Ти» в Западной Виргинии, которые в глаза его не видели.

Улыбка, которой он ответил автоматически, вышла натянутой. Ему было не по себе. Приглашение на ланч на президентском этаже в обществе больших шишек «Джи-Ти» можно было трактовать двояко: либо назревает повышение (по сети слухов, которую он усердно культивировал, ему не пришло и намек), либо планируется новая инспекция системы подбора кадров. С тех пор как он вступил в свою нынешнюю должность, прошло уже две таких инспекции, и обе они были чрезвычайно неприятны; к тому же порой он терял людей, ради продвижения которых он по несколько месяцев тратил на различные интриги и махинации.

К черту! Справлюсь с этими бледнозадыми. Уже справлялся.

В лифте зажглась стрелка вниз, негромко прозвучал звонок. Норман вернулся мыслями к настоящему. Часы над дверьми, настроенные, как и все прочие в небоскребе «Джи-Ти», на знаменитые главные критониевые часы, показывали 12.44 папа-мама. Если он пропустит направляющуюся вниз терку, то ровно на минуту опоздает на ланч с Чрезвычайно Важными Людьми.

Так и надо.

Когда двери открылись, он жестом пропустил девушку вперед.

– Мне наверх, – сказал он.

Что бы они там ни задумали, он поднимался наверх.

С рассчитанным минутным опозданием он вышел на президентском этаже. Пока он шел к группе воротил, столпившихся у плавательного бассейна, под ногами шуршала синтетическая трава. Четыре самых красивых корпоративных терки голышом резвились в воде. Вспомнилась периодически всплывающая шутка: «Почему бы «Джи-Ти» не стать первой компанией с корпоративными чуваками?», и он едва-едва успел подавить улыбку, когда его приветствовала сама Старушка Джи-Ти.

Глядя на Джорджетту Толлон Бакфаст, никто бы не догадался, что она одновременно и исключительная личность, и исключительный артефакт. Только из вторых рук можно было узнать, что ей за девяносто. Смотрелась она самое большее на шестьдесят: пухленькая, хорошо сложенная и сохранившая достаточно собственных русых волос, дабы опровергнуть давние обвинения в том, что в ней больше мужского, чем женского. Да, при внимательном рассмотрении ее грудь была непропорциональна от выпирающего кардиостимулятора, но в наши дни многие обзаводятся подобными аксессуарами к семидесяти годам, если не раньше. Только бла-

годаря дотошным расспросам Норман разузнал про трансплантат легочной ткани, пластмассовые венозные клапаны, пересаженную почку, штифты в костях и замену голосовых связок после удаления раковой опухоли.

По сведениям из надежных источников, она была слегка богаче британской королевской семьи. С такими деньгами можно купить здоровье, пусть и по частям.

Возле нее стояли Гамилькар Уотерфорд, казначей компании, много моложе Старушки Джи-Ти, но с виду – старше; Рекс Фостер-Стерн, старший вице-президент по проектам и планированию, мужчина одного с Норманом роста и сложения, рано обзаведшийся баками а-ля Дандрери⁷ и тем, что «Дети Х» называют «загаром беспартийных»; и афрам – лицо его казалось Норману мучительно знакомым, хотя прежде он его в небоскребе «Джи-Ти» не видел: под пятьдесят, приземистый, лысый, борода как у Кениаты⁸, вид усталый.

Норману пришла в голову новая причина, по которой его могли пригласить на этот ланч. На прошлом подобном приеме его представили средних лет незнакомцу – адмиралу в отставке, которого Старушка Джи-Ти подумывала взять на борт ради контактов в адмиралтействе. Впоследствии он ушел к производителю судов на воздушной подушке. Что ж, если это аналогичный случай, Норман будет вести себя как можно нахальнее, но так, чтобы, не дай бог, не повредить своей карьере. Больше ни один артритовый Дядя Том не сядет в кресло совета директоров через голову Нормана Хауса.

Тут Старушка Джи-Ти сказала:

– Элиу, позвольте представить вам Нормана Хауса, нашего вице-президента по подбору персонала.

И все сместилось в другую плоскость.

Элиу. Элиу Родан Мастерс, успешный дипломат, посол США в Бенинии. Но на что, черт возьми, сдалась Джи-Ти эта колом застрявшая в Африке полоска земли? Там нет ни рабочих рук, ни природных ресурсов, чтобы их разрабатывать.

Но на догадки нет времени. Норман протянул руку, обрывая этим жестом официальное представление Джи-Ти.

– Совершенно незачем представлять кому-либо мистера Мастерса, мэм, – оживленно заговорил он. – Личные качества этого человека – составляющая мировосприятия любого из нас, и у меня такое чувство, будто я хорошо знаю мистера Мастерса, хотя мне никогда не выпадала честь пожать ему руку.

На лице Старушки Джи-Ти (эта женщина построила себе гигантскую корпорацию и накопила огромное состояние, но на удивление плохо контролировала мимику) Норман прочел раздражение, что ее прервали, и удовлетворение, что комплимент вышел таким изящным.

– Выпьете что-нибудь? – наконец спросила она.

– Нет, мэм, спасибо, – ответил Норман. – Это противоречит завету Пророка, сами понимаете.

Бениния, хм... Это как-то связано с созданием африканского рынка для ПРИМА? В проект вложено полмиллиарда баксов, но продукцию богатейшего после Сибири месторождения минералов продавать некуда – так продолжаться не может. Но насколько я помню, Бенинии не по карману даже накормить собственное население...

Старушка Джи-Ти явно сконфузилась: она забыла или не знала, что один из ее вице-президентов мусульманин, и ударилась в раздражительность. Но «стиль Хауса» – это пуленепробиваемый жилет против едких реплик. Норман был доволен тем, куда повернулся разговор, и, чувствуя на себе взгляд Мастерса, всю наслаждался десятиминутной беседой, предваряв-

⁷ Лорд Дандрери – карикатурный персонаж из комедии Тома Тейлора «Наш американский кузен» (1858), пародирующий глупых аристократов.

⁸ Джомо Кениата (1889–1978) – кенийский политический деятель, возглавивший борьбу за независимость Кении, «отец кенийской нации».

шей приглашение к столу. Если уж на то пошло, то и гудение телефона, раздавшееся в одну или две минуты второго, он воспринял как сигнал к подаче блюд и продолжал рассказывать анекдот – шутку со слабым антиафрамским подтекстом, уместную в смешанном обществе и с перчинкой в виде уничижительного термина «лизоблюд», – и очнулся лишь когда Джи-Ти крикнула ему во второй раз:

– Хаус! *Хаус!* В зале Салманасара проблемы с группой экскурсантов! Это ведь ваша епархия, так?

Рефлекторно сохраняя внешнее спокойствие, Норман встал с полиморфного кресла.

Если это для того, чтобы меня подставить, я им такой обед устрою! Я...

– Прошу прощения, мистер Мастерс, – сказал он чуть скучливым тоном. – Уверен, это займет всего пару минут.

И, весь кипя, двинулся к лифту.

Прослеживая крупным планом (2) Центровой

«Талдычат все про окна пуска а я те'гв'рю какой-то админ поганый подергал за ниточки Салманасара-шмаланасара какого черта время тратить всю дорогу в Нью-Йорк тащиться погода дрянь даже без купола тут член отморозишь а терки лучше меньше одежды и травка крепче а то восемь сегодня и часа папа-мама нет ни одного барыги!»

В вестибюле перед бункером Салманасара: холодно. Стадо в сто девять голов (в основном туристы, кое-кто из них – потенциальные рекруты, которых заманили сюда листовками и рекламой по ТВ «Джи-Ти корп.», иные так часто видели себя здесь в облике мистера и миссис Повсюду, что уже не могут сказать, зачем в реальности поехали в такую даль; есть и другие «кое-кто» – подсадные утки «Джи-Ти», натасканные в нужный момент подавать реплики и создавать видимость событий) ждет окно пуска – этакий эвфемизм для обозначения того момента, когда гид «Джи-Ти» проснется и будет готов начать, – часть ожидающих уже решила не проявлять никакого интереса, что бы им ни показали. Холодно! В мае! Под манхэттенским геодезическим куполом Фуллера! Одеты в нейлопенопластовые кроссовки, маскью-лайны, миниюбетки-блузетки от «Форлорн&Морлер», увешаны японскими голокамерами со «встроенными вашим-нашим Нориск ЛенивоЛазерами» монохромными лампочками, долгоиграющими «Сэйян-в-ухо» диктофонами; карманы оттянуты «японскими газовыми баллончиками», «се-кьюри-шоккерами», кастетами-каратан-дами, которые *вы наденете на руку так же легко, как ваша бабушка надевала перчатку*.

Нервничают, чувствуют себя не в своей тарелке, следят за теми, с кем их свел случай на этой экскурсии с гидом.

Упитанные.

Рыщущие глазками, забрасывающие транки в чав-чав-челюсти.

Чертовски привлекательные.

Подозревающие, что любой из притирающихся поближе соседей вот-вот обернется мокром.

Новые нищие мира событий.

Жеру Лукасу не понравилось, каким взглядом окинул экскурсию соизволивший наконец появиться гид. Если вы окинете взглядом толпу, то можете и не заметить Жера Лукаса, индивидуума: возраст – двадцать, рост – шесть, одет в «сэр-фэр док-мартенсы» на платформе, могул-слаксы и чешуйчатую куртку-«крокодиловку» цвета «кровавый оникс» и с клепками из чистопробного золота.

Вы увидите лишь заскучавшее стадо неудачников, бродяг и позеров, в котором, впрочем, можно выделить несколько подвидов. Жера и его шестерок из Калифорнии, к примеру: они приехали туром «день – две ночи» от «Рекакт-экс-Курсия», хотели повисеть, но так ничего и не вышло. Мир так съежился, что его можно натянуть поверх ботинок, и все равно эффект расстояния между побережьями...

Больше ста голов и только четыре стоящие терки: одна закинутая, сейчас уже понятия не имеет не то что в каком здании находится, но и на каком астральном уровне пребывает; две висят на локтях своих чуваков, не оторвешь; одна словно только сегодня прилетела из РЕНГ: с дредами и черничной кожей, – Жеру ни к чему, чтобы кто-то видел, как он с ней трется.

Остальные – дерьмо. Просто не верится, откуда их столько взялось. Мусор – все до последнего, вернее, последней – в бесформенном буром мешке и с тяжеленным раздутым

ридикюлем, волосы стрижены ежиком, нервное лицо лоснится в местах, где от угрей еще осталось живое место. Наверное, божья дочь. Только религия способна заставить нормальную девушку так себя испоганить.

– Где терки, мать его? – пробормотал себе под нос Жер. В офисах, где же еще. Из всех мегаполисов в Нью-Йорке самые лучшие жратва и зарплата. В Эллее то же самое, только наниматель там – правительство: сплавляет призывников в зону Тихоокеанского конфликта. Но кто богаче правительства?

Ладно, убиваем время. Миримся с дерьмовой идеей потащиться в холодильник. Ждем завтрашней антиматерии, когда самолет унесет Жера и его шестерок назад к «любим на пляже Залива гаже».

– Где они держат Терезу, а? – пробормотал Цинк Ходес, ближайшая к Жеру шестерка. Он говорил о легендарной подружке Салманасара, предмете бесконечных скабрёзных шуток. Жер не удостоил его ответом. Цинк вчера прошвырнулся по магазинам и теперь был одет в «нейлотайп»-прикид. Жер был недоволен.

Впереди пара не с одним или двумя, а – считайте: раз, два, – с тремя! – волочащимися за ними бэбиками. Смущенные вниманием завидующих соседей в толпе предки громогласно объясняют, что это не все их, просто они взяли на день и «зеницу ока» кухни, и это задабривает людей вокруг, но не настолько, чтобы они утихли, когда гид наконец позвал к себе экскурсантов.

– Добрый день и добро пожаловать в небоскреб «Дженерал Текникс». Нет необходимости рассказывать кому-либо о компании «Джи-Ти»...

– Тогда почему бы тебе не завалить рыло, а? – проворчал Цинк.

– ...потому что она – составляющая мировосприятия для всех в нашем полушарии и даже за его пределами, от Лунной базы Ноль до Проекта Разработки Ископаемых Минералов в Атлантическом океане. Однако один аспект нашей многосторонней деятельности особо привлекает вас, дорогие мистер и миссис Повсюду; его мы вам сегодня и покажем.

– Намертво привлекает, прям засасывает, – пробормотал Цинк.

Щелкнув пальцами, Жер подозвал еще пару шестерок, шедших на шаг впереди, и жестом приказал им закрыть Цинка с обеих сторон.

– Оставим тебя здесь, – сказал Жер, – фанатик нейлоновый. Или высадим из самолета на тридцати тысячах, да еще под зад дадим для мягкой посадки.

– Но я...

– Давай, засасывайся, – велел Жер, и Цинк, в испуге выпучив глаза, повиновался.

– Обратите внимание на гранитную плиту над нами и надпись, выгравированную с помощью разработанного «Джи-Ти» процесса высокоточного направленного взрыва. Говорили, природный камень невозможно обрабатывать взрывами, поэтому мы подумали и сделали это, тем самым воплотив в жизнь девиз компании, который вы видите в самом верху.

Придурок рядом с Жером беззвучно шевелил губами, пытаясь разобрать косую надпись над головой.

– Ниже собраны лучшие образчики заблуждений человечества, например, там сами можете убедиться в том, что на скорости более тридцати миль в час люди не способны дышать, шмель не может летать, а на межпланетные пространства Господь наложил карантин. Расскажите это ребятам с Лунной базы Ноль!

Несколько подхалимских смешков. Услышав слово «Господь», божья дочь в нескольких шагах перед Жером перекрестилась.

– А почему тут так чертовски холодно? – выкрикнул кто-то в первых рядах, поближе к gidу.

– Если бы на вас, как на мне, была одежда из нового материала «Джи-Ти» Поликлиматик, вы бы не чувствовали холода, – мгновенно оттарбанил гид.

Опять подсадки хреновы. Интересно, сколько в этом стаде тех, кого компания наняла по распоряжению правительства и отражает на такую дурацкую работу, поскольку они ни на что больше не годны?

– Это напомнило мне еще один прекрасный пример того, как мы можем заблуждаться. Семьдесят-восемьдесят лет назад говорили, что если построить компьютер, сравнимый с человеческим мозгом, то для его размещения понадобится небоскреб, а для охлаждения – Ниагарский водопад. На плите вверху этой фразы нет, потому что они ошиблись только наполовину – относительно охлаждения. Ниагара не подойдет, водопад недостаточно холодный. Мы используем несколько тонн жидкого гелия. А вот насчет небоскреба они попали пальцем в небо. Подойдите к перилам, и я покажу вам почему.

Сто девять голов покорно разошлись по подковообразному балкону над студеным круглым залом. Внизу ходили взад-вперед идентичные с виду мужчины и женщины, временами они без особого интереса поглядывали наверх. Разобидевшись, еще десяток-другой из ста девяти решили не выказывать никакого интереса, что бы ни произошло.

Жер колебался. Его взгляд скользил по разложенному на восемьдесят или девяносто футов оборудованию: кабели, трубы, клавиатуры, дисплеи и датчики, пульта военного образца, устройства с бобинами перфоленты, стеллажи, заставленные поблескивающими металлическими разностями.

– Довольно большой, хотя целый небоскреб ему и не нужен, – воскликнул кто-то. Как пить дать еще одна хренова подсадка. Цинк шумно зашаркал ногами, но Жер воздержался от замечаний.

– А вот и нет, – отозвался гид и повернул смонтированный на перилах прожектор. Перепрыгнув людей и механизмы, луч остановился на ничем не примечательном конусе тускло-белого металла.

– Позвольте вам представить, – торжественно объявил гид, – Салманасар!

– Вот эта штука? – послушно воскликнул подсадка.

– Вот эта штука. Восемнадцать дюймов в высоту, диаметр у основания – одиннадцать дюймов. Это самый большой компьютер в мире, созданный благодаря уникальной запатентованной и зарегистрированной системе «Джи-Ти», известной как Микриогеника. По сути, это первый компьютер, который попадает в категорию мегамозга!

– Подлая ложь, – произнес кто-то в первых рядах.

Выбитый из привычной колеи гид замешкался.

– Как насчет К’ун-фу-це? – продолжил человек из толпы.

– Что? Боюсь, я не... – Гид бессмысленно улыбнулся.

А вот это уже поинтереснее запланированных вопросов подсадов, заключил Жер и пристал на цыпочки, чтобы поглядеть, что происходит.

– Конфуций! Я говорю про Конфуция! В Пекинском университете давно уже есть компьютер-мегамотг, их модель работает с...

– Заткните его! Предатель! Лживый подонок! Сбросьте его с балкона!

Рефлекторные, автоматические вопли последовали мгновенно. Протолкавшись вперед, Цинк орал вместе с остальными. Жер прищурился, достал из кармана пачку «Бэй Голд» и воткнул одну в уголок рта. Осталось всего четыре, придется разбавлять найтайповским дерьмом – ничего лучше на этом побережье не найдешь. Он с силой прикусил кончик автоматической подачи кислорода.

Какая разница, что там творят китаезы, если тебя, конечно, не зацапали в призывники? К чему вообще весь этот шум?

Корпоративная полиция выволокла мелкого прихвостня коммунистов до того, как ему успели съездить по лицу, после чего гид с облегчением вернулся к своей стандартной чуши.

– Видите, куда я направил луч? Это консоль ввода данных для СКАНАЛИЗАТОРА. Мы вводим в Салманасар новости со всех транслирующих агентств через особое считывающее устройство. Именно благодаря Салманасару Англоязычная служба спутниковой трансляции сообщает нам, что происходит в мире событий.

– Да, но ведь Салманасар нужен не только для этого? – визгливо подала голос еще одна подсадка, и Жер невольно передернул обтянутыми крокодиловой плечами.

– Разумеется нет. Главное назначение Салманасара – снова совершить невозможное. Для нас, в «Джи-Ти», это рутина. – Для пущего эффекта гид выдержал паузу. – Теоретически было доказано, что если подавать информацию в сложную логическую систему, какой является Салманасар, то рано или поздно в ней зародится сознание и даже самоосознание. И мы можем с гордостью утверждать, что уже имеются признаки...

Впереди началась какая-то суматоха. Несколько человек, среди них Цинк, протиснулись вперед посмотреть поближе, что происходит. Жер вздохнул и остался стоять на месте. Вероятнее всего, еще одна запланированная тревога. С чего эти идиоты взяли, что люди не сумеют отличить истинного события от поддельного?

Но...

– Богохульники! Дьяволово отродье! Сознание – дар Божий, нельзя встроить душу в машину!

...такое «Джи-Ти» не позволят орать подсадке.

Обзор застили: перед ним стал престарелый чувак на несколько дюймов ниже и несколько фунтов легче его самого. Оттолкнув чувака в сторону и заслонившись от упреков Цинком, Жер перегнулся через перила балкона. По подпиравшей балкон двадцатифутовой колонне спускалась по скобам терка в бесформенном буром мешке. Вот она спрыгнула с оставшихся пяти футов и стала бочком обходить встревоженных рабочих, которые поспешили было на перехват.

– Да это же Тереза! – крикнул кто-то в потугах на остроумие и получил в ответ парутройку равнодушных смешков.

Однако среди экскурсантов на балконе разом появились все признаки паники. Ничего подобного во время туров мистера и миссис Повсюду не случалось. Те, кто хотел получше видеть происходящее, начали расталкивать тех, кто хотел уйти, слышались гневные крики, атмосфера накалилась.

Заинтересованный Жер обдумывал и отбрасывал возможности. Ни одна божья дочь не станет носить при себе оружие, работающее с безопасного расстояния – никаких арбалетов, огнестрельного оружия или гранат. Значит, идиоты, с воплями бегущие к выходу или бросающиеся ничком на пол, попусту тратят силы. С другой стороны, в раздутом ридикюле у нее под мышкой хватит места для увесистого...

Телескопического топора с лезвием длиной в сложенную рукоять. Хммм!

Терка все вопила:

– Дело рук дьявола! Разбейте его и покайтесь, не то будете прокляты на веки веков! Не смейте посягать на Божье...

Бросив ридикюль в ближайшего техника, она рванулась к Салманасару. Один чувак, сохранивший ясную голову, швырнул в нее тяжеленным томом инструкций. Книга ударила ее по ноге, девушка пошатнулась и едва не упала. В это мгновение защитники сгруппировались, вооружились кнутахми из разноцветных проводов и стояками еще не собранных стеллажей – замечательные шестифутовые дубины.

Но они только трусливо кружили вокруг, не рискуя приближаться. Жер презрительно скривил губы.

– Ату их, терка! – заорал Цинк.

Жер промолчал. Он и сам мог бы выкрикнуть что-то подобное, но счел это ниже своего достоинства.

Грохот металла о металл эхом прокатился по залу, когда девушка сошлась с самым храбрым противником, вооруженным стояком стеллажа. Вскоре он взвизгнул и выронил дубину, словно его укусили, а девушка продолжала наступать на него, размахивая топором.

Его кисть – Жер ясно разглядел ее в полете – точно волан несколько раз перекувырнулась в воздухе, а лезвие топора окрасилось кровью.

– Ну и ну, – пробормотал он и еще на пару дюймов высунулся над перилами.

Из-за спины кто-то полоснул девушку куском провода, оставив красный ожог на щеке и шее. Она передернулась, но, не обращая внимания на боль, со всего маху обрушила топор на пульт ввода. Пульт разлетелся фонтаном пластмассовых осколков и сверкающих электронных плат.

– Ну и ну! – повторил Жер с чуть большим энтузиазмом. – Кто следующий?

– Давайте прошвырнемся вечерком, побузим малость! – возбужденно предложил Цинк. – Я сто лет уже не видел такой трахнутой терки!

Увернувшись от свистящих в воздухе кнутов, девушка левой рукой схватила что-то с тележки. Этим предметом она запустила в Салманасара. При ударе поднялось облачко искр.

Задумчиво взвесив предложение Цинка, Жер был склонен согласиться. Кровь с лезвия забрызгала бурый балахон девушки, раненый с воем катался по полу.

Он пососал кончик своей «Бэй Голд». Решение кристаллизовалось по мере того, как разбавленный один к четырем воздухом дым проникал в легкие. И задерживал его – он мог без особых усилий задерживать дым до девяноста секунд, – пока не вмешался крутой.

Контекст (3)

Его надо завалить

«Нет, появление мокеров – это не случайное стечение обстоятельств».

(СЛУЧАЙНОЕ СТЕЧЕНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ. Вы зашорены и не видите и половины того, что творится вокруг.

«Словарь гиперпреступности» Чада С. Маллигана).

История термина: «мокер» происходит от слова «амок». Не верьте тем, кто говорит, будто это переименованное «мокрушник». После встречи с мокрушником вы, если повезет, выживете, но если хотите пережить встречу с мокером... лучше вообще с ним не встречаться.

До начала двадцатого столетия наибольшая плотность населения наблюдалась почти исключительно в городах Азии. (Исключение составляет Рим, но к нему я вернусь позже.) Когда кругом оказывалось слишком много себе подобных, человек вооружался панга или керисом и шел резать глотки. Не важно, обучили его обращаться с оружием или нет, – те, с кем он сталкивался, пребывали в своей обычной системе координат и умирали. Он же существовал в системе координат берсерка. История феномена: берсерки вышли из общин, которые большую часть года просиживали штаны в долинах вокруг норвежских фьордов, где по обеим сторонам – горная гряда, на которую не залезть, сверху крышкой ужасная серая туча, из-за зимних штормов морем тоже никуда не сбежать.

У южноафриканского племени нгуни есть пословица: воина зулу мало просто убить – его надо завалить и убедиться, что он останется лежать. История феномена: Чака Зулу завел обычай забирать у родителей будущих держателей ассегаяев в раннем детстве и воспитывать их в условиях, сходных с казармами, когда у детей решительно нет никакой личной жизни и иного имущества, кроме копья, щита и набедренной повязки, чтобы прятать под ней пенис. Совершенно независимо от спартанцев, он сделал ровно такое же открытие.

Кроме того, именно тогда, когда Рим уже стал первым в мире городом с миллионным населением, укрепились восточные мистические культы с присущими им аскезой и членовредительством. То и дело кто-нибудь присоединялся к процессии в честь Кибелы, выхватывал у жреца нож и отрезал себе яйца, размахивая ими, бегал по улицам, а когда находил дом с открытой дверью, бросал их через порог. Ему давали женское платье, и он сам становился жрецом. Задумайтесь, как же людям давили на психику, если кто-то то и дело решал, что это самый легкий выход!

«Вы невежественный идиот» Чада С. Маллигана

Режиссерский сценарий (2)

Мертвая рука прошлого

Норман вышел из лифта, готовый обрушить на любого редкий, всегда дозированный приступ гнева, под натиском которого виновато съеживались его подчиненные. Он еще не успел толком оценить ситуацию в бункере Салманасара, как носком ботинка поддел что-то на полу.

Норман опустил глаза.

Это была отрубленная у запястья человеческая рука.

– А вот мой дедуля с материнской стороны, – говаривал Эвальд Хаус, – был однорукий.

В шесть лет Норман смотрел на прадеда круглыми глазами и не понимал, что рассказывает ему старик, но чувствовал, что это очень важно, так же важно, как не мочиться в кровать и не водить дружбу с сыном Кертиса Смита, белым мальчишкой его возраста.

– Не как сегодня, когда все лазерами чистенько и аккуратненько делают, – объяснял Эвальд Хаус. – Не на операционном столе. Он родился рабом, понимаешь, и... Видишь ли, он был левша. И он... он поднял кулак гнева на своего масса. Навалил ему в ручье так, что уши в коленки уперлись. Тогда масса позвал пяток ребят с плантации, и те приковали его к пню, какой был у них посреди сорокаакрового поля, потом взял пилу и... и отпилил ему руку. Вот здесь примерно. – Старик коснулся собственной высохшей, как чубук трубки, руки на три дюйма ниже локтя. – А он? Что он мог поделать? Он же рабом родился.

Теперь Норман внимательно и совершенно спокойно оглядел зал. Увидел стонущего и корчащегося на полу владельца руки, – тот зажимал запястье и пытался в тумане дикой боли отыскать точки, надавив на которые можно остановить хлещущую из вен кровь. Увидел разбитый пульт ввода, фрагменты которого хрустели под ногами запаниковавших, потерявших голову сотрудников. Увидел огонь в глазах белой мертвенно-бледной девицы, которая, дыша как при оргазме, отмахивалась окровавленным топором от наступающих на нее техников.

Еще он увидел больше сотни идиотов на балконе.

Не обращая внимания на происходящее посреди зала, он прошел к панели в боковой стене бункера. Два поворота задвижек, и – хлоп – панель отвалилась, обнаружив переплетение надежно изолированных шлангов и трубок, запутанных словно хвосты Крысиного Короля.

Вытащив вентиль квадранта, он резким движением – чтобы не обожгло холодом – ударил по механизму ребром ладони, высвободив тем самым шланг, который зажал под мышкой, чтобы весом тела вытащить его подальше. Не намного, но для его целей длины вполне хватит.

Не отрывая глаз от девушки, он направился к ней.

Божья дочь. С имечком вроде Доркас или Табита, а может, Марта. Думает об убийстве. Думает о том, как бы тут все разнести. Типичная христианская реакция.

Вы убили своего Пророка. Наши дожил в почете до глубокой старости. Вы своего снова убьете и сделаете это с радостью. Если бы наш вернулся, я мог бы поговорить с ним как с другом.

Он остановился в шести футах от девушки; шланг шуршал по полу точно чешуя чудовищной змеи. Встревоженная этим чернокожим человеком с холодным, мертвым взглядом, она помедлила, занесла было топор, но потом передумала, очевидно решив, что это отвлекающий маневр. Девушка дико оглянулась по сторонам, ожидая увидеть того, кто приготовился напасть на нее с тыла. Когда сотрудники поняли, что было в руках у Нормана, они украдкой отодвинулись подальше.

«А он? Что он мог поделывать...»

Рывком отвернув клапан на конце шланга, Норман сосчитал до трех и сорвал его.

Раздалось шипение, полетел снег, что-то покрыло белым льдом и топор, и сжимающие его пальцы, запястье и саму руку за ним. Потянулось бесконечное мгновение, в которое ничего не происходило.

А потом под весом топора кисть отломилась от руки.

– Жидкий гелий, – пояснил для зрителей Норман и с лязгом уронил шланг на пол. – Окуните в него палец, и он отломится как сучок. Не стоит проверять, мой вам совет. И тому, что говорят о Терезе, тоже не верьте.

Он не взглянул на упавшую на колени девушку (потеряла сознание, а возможно, уже мертва от болевого шока), но смотрел только на заиндеветую кисть, еще сжимающую рукоять топора. Должен же он хоть что-то почувствовать, хотя бы гордость за то, как быстро нашел решение. Ничего. Его сердце и разум замерзли – так же, как этот бессмысленный предмет на полу.

Повернувшись на каблуках, он вернулся к лифту с ужасным разочарованием в душе.

Цинк придвинулся ближе к Жеру.

– Ну и ну! – выдохнул он. – Не зря пришли, а? Пойдем, зададим вечером местным жару, оттянемся по полной. Во наширлся чувак, аж меня зацепило!

– Не-а, – отозвался Жер, не спуская глаз с двери, за которой скрылся черномазый. – Не в этом городе. Не нравится мне, как у них тут наводят порядок.

В гуще событий (2)

Мягкая клетка

«Уже более десяти лет фонды НьюЙоркской публичной библиотеки находятся вне города. Сейчас их местонахождение засекречено, но это не сократило, а, напротив, расширило возможности пользовательского доступа».

Самая многогранная из всех множительных систем – «Полноголографика Кодак»! Переверните лист, разрежьте по указанным линиям обычными ножницами, разберите фрагменты числом не более 24 – и на каждом из них окажется до 98 % информации оригинала!

Дональд Хоган был одним из 1235 читателей, любой из которых в любой момент мог просматривать ту же книгу или журнал, что и он.

Однако было крайне маловероятным, чтобы кто-то читал два идентичных текста в той же последовательности. Его поисковые запросы всегда зашифровывались, и в качестве дополнительной меры предосторожности он носил при себе расшифровку на якатангском – трудном и непопулярном языке, схожем с японским в смысле сочетания хаоса китайских иероглифов с двумя полными слоговыми азбуками, и отличным от него тем, что не развился естественно, как японская катакана. Нет, это был ублюдочный отпрыск арабского письма, завезенного на острова Южной Азии на исходе Средних веков мусульманскими проповедниками.

РЕЗЮМЕ. Авторы описывают ряд случаев спорной генеалогии на основе дел, представленных на рассмотрение в Департамент евгенической обработки штата Нью-Джерси. Наиболее удачной методикой выявления генов, ответственных за рецессивный дальтонизм, является...

ОБЗОРЫ СТАТЕЙ ПО СТРУКТУРЕ КЛЕТКИ СВОДНЫЕ РЕФЕРАТИВНЫЕ ЖУРНАЛЫ ПО БИОХИМИИ ТРУДЫ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА ЦЕРЕБРОХИМИКАТОВ

Если вам нужна сконструированная специально для вас бактерия, способная превратить жидкую глину в высокопродуктивный источник серы, обращайтесь в «Добыча и переработка Миннесоты, Инк.» и получите наши штаммы UQ-141. Оплата почтовой пересылки первого миллиона организмов – \$1000.

РЕЗЮМЕ. Компьютерное тестирование прототипа формулы яйцеклетки *Nannus troglodytes*⁹. По оценкам...

Наиболее полезный справочный труд, доступный нынешним ученым, изучающим наркозависимость, – «Деформация субъективного восприятия» Фрайберга и Малера. Он включает в себя обзоры по темам: опиум и его производные; кока и ее производные; канабис и его производные; пейотль и его производные; питури, каапи и т. п.; синтетические средства, начиная с лизергиновой кислоты и кончая ягинолом® и мозголомом®. Включает приложение о триптине®. Микрофиша – \$75 (только для дипломированных специалистов).

СОМАТИЧЕСКАЯ ЭКОЛОГИЯ ДОКЛАДЫ О ВИДАХ СПОРТА И МУТАЦИИ РЕФЕРАТИВНЫЙ ЖУРНАЛ НАСЛЕДСТВЕННОСТЬ РЕПТИЛЬНОГО МОЗГА

⁹ Крапивник обыкновенный (лат.).

РЕЗЮМЕ. Анализируемый феномен перекрестно-экономических отношений в поселке горной Боливии рассматривается как проявление синдрома Мергендалера, где стимулирующие факторы ослаблены религиозными и диетными

В продажу поступил разработанный «Джи-Ти» изолированный геноматериал Rana palustris¹⁰, а также Rattus norvegicus¹¹. Максимально возможная межвидовая контаминация менее 0,01 %.

РЕЗЮМЕ. Иногда, набрав по телефону номер энциклопедической справочной, отлетевший Бенни Ноукс удивляется услышанному и говорит: «Ну и воображение...»

СИСТЕМЫ КОММУНИКАЦИИ

ТЕКТОГЕНЕТИКА

РЕФЕРАТИВНЫЙ ЖУРНАЛ БИОХИМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

РЕЗЮМЕ. Доказывается, что восприимчивость к канцерогенному воздействию допущенного к коммерческому использованию тетрахлорметана коррелирует с наследственной, определяемой полом способностью определять на вкус мольную концентрацию в растворе менее 1 части на миллион

В современном мире ничто не вызывает большего разочарования, чем право рожать детей без способности их зачать. Мы специализируемся на имплантации уже оплодотворенной яйцеклетки...

БЮЛЛЕТЕНЬ ОБЩЕСТВА АБСОЛЮТНОГО ОРГАЗМА

ЖУРНАЛ СОЦИОЛОГИИ МУРАВЬЕВ, ПЧЕЛ И ТЕРМИТОВ

РЕЗЮМЕ. Когда некрасивый внешне и всем разочарованный неудачник ХЭНК ОГМАН изнасиловал свою мать и та забеременела (можно с почти полной уверенностью утверждать, что из-за ее ягиноловой зависимости у эмбриона уже развивается фокомелия), для почтенного старосты квартала УОЛТА ЭДЛШАЙНА дела начали принимать дурной оборот. Однако в последнюю минуту роскошная и разгоряченная страстью врач ИДА КЕЙПЛМОНТ вмешивается и находит способ отвести трагедию. «Как же я смогу тебе отплатить?» – спросил Уолт, и она назвала цену, которая...

Зевнув, Дональд Хоган отодвинулся от стола. Чтобы покончить с расписанными на день заданиями, ему требовалось не больше трех часов. Убрав в карман блокнот с зашифрованными поисковыми запросами, он побрел к лифтам.

¹⁰ Жабы болотной (лат.).

¹¹ Крысы норвежской (лат.).

Контекст (4)

Предмет дискуссии

<i>Развитые</i>	<i>Развивающиеся</i>	<i>Слаборазвитые</i>
США, Объединенная Европа, СССР, Австралия (напр.)	Китай, Ятаканг, Египет, Респуб. Единоство Нигерии и Ганы (напр.)	Цейлон, Бениния, Афганистан, Мозамбик (напр.)
Управ. общественной апатией	Управ. «революционными партиями»	«Бесхребетные» правительства
Курс валюты подвержен частым колебаниям вследствие инфляции	Официально поддерживается действиями властей	Подвержен произвольным колебаниям
Занятость на основе частных контрактов	Контролируется государством	Как повезет
СМИ и индустрия развлечений поддерживают правительство вследствие патронажа и политической инерции	Напрямую контролируется правит. структурами, монолитное мировоззрение	Существуют на дилетантском уровне, характерны ляпы и безвкусица, ненадежны
Питание разнообразно, но продукты производятся на фабриках или при помощи электричества, требуют дорогостоящих вспомогательных средств	Не столь многообразно, но продукты распределяются через эффективную систему рационарования, гарантирующую сбалансированное питание	Ниже необходимого для жизни уровня, меры по рационализации неэффективны

<i>Развитые</i>	<i>Развивающиеся</i>	<i>Слаборазвитые</i>
Здравоохранение частично бесплатное (материнство, здравоохранение детей, старость), частично платное, высокого качества	Здравоохранение бесплатное, безотносительно возраста, но обычно низкого качества	Полностью платное, но минимального качества; в некоторых странах распространены услуги знахарей
Выборочная воинская повинность; часты уклонения; лояльность призывников закрепляется методиками психической обработки	Всеобщая воинская повинность, число уклоняющихся незначительно; лояльность навязывается климатом в обществе	Армия и флот — прибежище для жертв нищеты, подвержены всплескам революционной активности и по большей части независимы от правительства
Квартиры во всех городах; частные дома в малонаселенных областях; ночевка на улицах разрешена, но не приветствуется	Квартиры в больших и малых городах; частные дома для фаворитов правительства; ночевка на улицах карается законом	Дома, лачуги, хибы; отсутствие жилищного законодательства, большая скученность
Сверхскоростные самолеты, разгонотуннели, скоропоезда, вертолеты, такси на солнечных батареях, автобусы на ветрогенераторах и т. д.	Сверхскоростные самолеты, автобусы на ветрогенераторах, такси на солнечных батареях, рикши, велосипеды и т. д.	Автобусы, грузовики, велосипеды, тягловый скот и т. д.
Телефоны с видеокранами повсюду	Надежно работают только в городах, в ряде сетей — только звук	Телефонные сети ненадежны

<i>Развитые</i>	<i>Развивающиеся</i>	<i>Слаборазвитые</i>
Евгеническое законодательство для предотвращения врожденного слабоумия, фенилкетонурии, гемофилии, диабета, дальтонизма и т. д.; строгий надзор за соблюдением	Евгеническое законодательство для предотвращения врожденного слабоумия, фенилкетонурии, гемофилии, диабета, дальтонизма и т. д.; соблюдение и надзор ограничены недостатком средств	Отсутствует либо нет возможности надзора
На одежду большое влияние оказывает мода; из-за дешевизны зачастую одноразовая	Одежда выбирается и изготавливается государством; все малоносское считается роскошью	Рубахи или тряпье; зачастую один предмет одежды носят несколько человек
Терпимость к гомосексуализму, амбивалентность воспринимается как нечто само собой разумеющееся	Крайняя нетерпимость; бисексуальность порицается обществом и карается законом	Отношение диктуется традицией или обычаями
Табак запрещен вследствие канцерогенного воздействия	Разрешен; подверж. исключению канцерогенов	Курят
Марихуана легальна, постепенно становится частью социума	Допускается	Традиционно часть социума
Алкоголь — часть социума, безотнос. легальности	Легален во многих странах, но употребление порицается	Самодельный
Психоделики нелегальны, отношение терпимое	Нелегальны, жесточайше преследуются	Слишком дорогие

<i>Развитые</i>	<i>Развивающиеся</i>	<i>Слаборазвитые</i>
Ресурсы истощены	Ресурсы усиленно разрабатываются	Ресурсы продаются за границу или разрабатываются
Население: люди	Население: люди	Население: люди

ЛЮДИ\ЧЕЛОВЕК. Это вы и есть. В противном случае вам известно, что вы марсианин, дрессированный дельфин или Салманасар.

(Если хотите услышать от меня больше – облом. Большого вам вообще никто не скажет.)

«Словарь гиперпреступности» Чада С. Маллигана)

Прослеживая крупным планом (3)

Даже не думай!

– И что мы будем делать? – в сорок какой-то раз спросила Шина Поттер. – И хватит глотать транки, я и так не могу до тебя достучаться!

– Ты пытаешься довести меня до язвы, – ответил ее муж Фрэнк.

– Лжец поганый.

– Тогда ты делаешь это неумышленно, а значит, тебя нельзя выпускать одну на улицу, не говоря уже о том, чтобы позволить тебе рожать себе подобных. – Фрэнк говорил с возвышенной, почти олимпийской отстраненностью: подарить такую могут только пять таблеток транквилизатора, принятые за единицу антиматерии.

– Ты думаешь, я хочу размножаться? По-другому сейчас запел. Давай ты будешь вынашивать этого кровососа! Теперь такое делается: накачают тебя женскими гормонами и вживят куда-нибудь яйцеклетку. В поджелудочную полость, например.

– Опять «Видеодайджест» смотрела? Впрочем, пожалуй. Узнала из СКАНАЛИЗАТОРА. Это же настоящая сенсация!

– Бред! Мне Фелиция рассказала, когда я вчера была в вечерней школе...

– Как много тебе дают эти уроки! Ты все равно фригидна, как Тереза! Когда тебя переведут в начальную группу Камасутры?

– Будь ты мужчиной, ты бы сам меня научил...

– Отсутствие реакции – недостаток пассивного партнера, а не активного, поэтому я...

– Ага! Теперь ты повторяешь рекламу, даже не программу новостей, а паршивый плаг какого-то вонючего...

– И дернул меня черт жениться на терке, у которой была только пара нелепых школьных...

– И дернул меня черт выйти за парня с наследственным дальтонизмом...

Повисла пауза. Они огляделись в квартире. На стене между окнами светлело пятно в точности такого же цвета, какого была краска, когда они только-только въехали. Картина, закрывавшая это пятно, лежала в красном пластмассовом ящике у двери. Возле красного стояли еще пять зеленых (с отверстиями под трубчатые ножки и крючками для крепления подушек); рядом – еще дюжина черных (с отверстиями, но без крючков); было еще два белых ящика, более или менее удобной высоты для сидения, – именно так Фрэнк с Шиной их и использовали.

В винном шкафу было пусто. Только пыль и засохшие винные пятна.

В холодильнике тоже ничего не было, кроме тонкой корочки льда в морозилке, но и лед растает, когда холодильник автоматически перейдет в режим размораживания.

Никакой одежды в платяном шкафу в спальне. Мусоропровод тихонько что-то перемалывал. И как только не поперхнулся ворохом одноразовой бумажной одежды и двадцатью с чем-то фунтами скоропортящегося из холодильника?

Со щелчком закрылись автозаглушки на розетках. Никакой ребенок тут никогда не жил, но по закону все розетки должны автоматически закрываться, когда из них выдергивают штепсель.

На полу у ног Фрэнка лежала папка с документами. Внутри – два билета туристического класса в Пуэрто-Рико, два паспорта, на одном из которых стоял штамп HEREDICHRO SUSTONHEREDICHRO¹², дорожные чеки на двадцать тысяч долларов и письмо из Департамента евгенической обработки штата Нью-Йорк, начинавшееся словами: «Дорогой мистер

¹² Наследственное расстройство цветовосприятия (иск. исп.).

Поттер, с прискорбием сообщаем вам, что наступление беременности вашей жены с вашим или иным отцовством наказуемо по параграфу 12, раздел V Кодекса законов о статусе родителей, вступившего в силу...»

– Откуда мне было знать, что Младшенький таких, как я, запретит? У лобби младенцефермеров, наверное, триллионы долларов, с такими деньгами море по колено!

Фрэнк был неопределенно привлекательным мужчиной: пожалуй, худощавым, пожалуй, темноволосым, манеры и осанка человека старшего, чем можно было бы ожидать от его хронологических тридцати.

– Я всегда говорила, что согласна на усыновление! Мы могли бы встать в очередь, и уже через пять лет у нас был бы ничейный ребенок!

Шина была на редкость красивой натуральной блондинкой двадцати трех лет. В отличие от мужа, она была склонна к полноте, но диетой довела себя до модных сегодня объемов.

– Какой смысл ехать? – добавила она.

– Не можем же мы тут остаться! Квартиру мы продали! И часть денег уже истратили!

– А нельзя поехать куда-нибудь еще?

– Конечно, нельзя! Сама слышала, как на прошлой неделе несколько человек пристрелили при попытке тайком пробраться в Луизиану... И сколько мы протянем на двадцать тысяч баксов в Неваде?

– Мы могли бы поехать туда, забеременеть и вернуться назад...

– И что тогда? Мы же продали квартиру, не понимаешь, что ли? Если мы еще будем здесь после шести папа-мама, нас могут посадить в тюрьму! – Он хлопнул себя по бедру ладонью. – Нет, надо выкручиваться. Придется поехать в Пуэрто-Рико, накопить там денег, чтобы добраться до Невады, или подкупить кого-нибудь, чтобы нам дали паспорт в Перу, или в Чили, или в...

За входной дверью раздался лязг.

Не двинувшись с места, он долго смотрел на жену. Потом наконец сказал:

– Я люблю тебя, Шина.

Она кивнула и под конец выдавила улыбку.

– Я отчаянно тебя люблю. Я не хочу ребенка секонд-хэнд. Я хочу твоего ребенка. Пусть он родится безногим, я все равно буду его любить, потому что он твой.

– А я буду его любить, потому что он твой.

Снова лязг. Он встал. Проходя мимо нее, чтобы впустить бригаду перевозки, он поцеловал ее в лоб.

Режиссерский сценарий (3)

Всего одно десятилетие спустя

Выйдя из библиотеки, Дональд Хоган поглядел в обе стороны по Пятой авеню, размышляя, в какой из десятка окрестных ресторанов пойти на ланч. С минуту принять решение казалось непосильной задачей. Своим нынешним делом он занимался уже десять лет. Почти. Рано или поздно он выдохнется.

Нехорошо, наверное, если величайшее твое желание исполняется на все сто, когда тебе стукнуло всего двадцать четыре...

По всей вероятности, у него впереди лет пятьдесят, и надежный шанс еще на десять. Принимая предложение, которое ему сделали, он не заговаривал про пенсию и тем более про отставку.

Да, на пенсию его со временем отпустят. Но он понятия не имел, позволят ли ему когда-нибудь уйти в отставку.

В последние недели его знакомые замечали вслух, что он выглядит старше своих лет и что у него появилась манера уходить в себя. Они удивлялись, что же с ним случилось. Но будь у кого-нибудь возможность сказать: «Дональд спрашивает себя, сможет ли бросить свою работу», даже самые близкие из этих знакомых – человек, на пару с которым он снимал квартиру, и бесконечная череда терок – поглядели бы на него в полном недоумении:

– Работу? Какую работу? Дональд не работает. Он – свободный дилетант!

На всем белом свете правду о нем знали приблизительно пять человек и компьютер в Вашингтоне.

– Садитесь, Дональд, – сказал декан и махнул узкой рукой в сторону стула.

Дональд послушался, внимательно разглядывая сидящую в кабинете незнакомку: у этой женщины едва за сорок был изящный овал лица, хороший вкус в одежде и теплая улыбка.

Он немного нервничал. В последнем выпуске университетского студенческого журнала он опубликовал кое-какие заметки, а потом пожалел, что предал их гласности, хотя, если бы на него надавили, он бы честно ответил, что действительно верил в то, что написал, и до сих пор верит.

– Познакомьтесь, доктор Джин Фоуден, – сказал декан. – Из Вашингтона.

Перед Дональдом замаячила пугающая перспектива: его аспирантский грант будет отозван на том основании, что он «неблагодарный подстрекатель». Поэтому он холодно и довольно неискренне кивнул посетительнице.

– Что ж, с вашего позволения я оставлю вас познакомиться поближе, – сказал декан, поднимаясь на ноги.

Это еще больше сбilo Дональда с толку. Он-то ожидал, что старый хрыч пожелает остаться и будет беззвучно хихикать на протяжении разговора: сейчас еще один нахальный школяр попадет под нож. Дональд никак не мог понять, зачем его сюда вызвали, а потом доктор Фоуден достала и развернула на столе тот самый студенческий журнал.

– Ваша статья произвела на меня большое впечатление, – решительно сказала она. – Вы считаете, что с нашей системой обучения не все ладно, не так ли, Дон? Можно я буду звать вас Доном?

– Да, если я смогу называть вас Джин, – угрюмо ответил Дональд.

Она задумчиво оглядела его. Четыре пятых нынешнего населения Северной Америки можно было считать привлекательными или красивыми: сбалансированная диета и недорогое компетентное здравоохранение наконец об этом позаботились. Теперь, когда вступило в силу евгеническое законодательство, доля красивых, по всей видимости, увеличится. И все же в

Дональде Хогане было что-то неординарное. Женщины обычно называли это «личностью». Однажды студент, приехавший по обмену из Англии, сказал ему, что это «упрямство», и это слово Дональд воспринял как комплимент.

У него были русые борода и волосы, он был чуть ниже среднего роста и с развитой мускулатурой, носил одежду, типичную для студента на рубеже века. Внешне он во всем соответствовал среде. Но внутри...

– Мне бы хотелось услышать вашу точку зрения, – сказала доктор Фоуден.

– Она в статье. Там все уже написано.

– Лучше расскажите. Текст часто способствует переоценке известного.

Дональд помедлил.

– Я не передумал, если вы на это намекаете, – сказал он наконец. Вонь пожара и треск горящих лодок были слишком живы в его памяти.

– Я прошу не об этом. Я прошу максимум краткости и связные соображения, вместо этого... этой довольно сумбурной жалобы.

– Ладно. Мое образование превратило меня и практически всех, кого я знаю, в мощных роботов для сдачи экзаменов. Я понятия бы не имел, как быть оригинальным вне узких рамок моей специализации, и единственная причина, почему я могу таким быть, по всей видимости, заключается в том, что большинство моих предшественников были еще более зашоренными, чем я. Об эволюции я знаю в тысячу раз больше Дарвина, это само собой разумеется. Но где между сегодняшним днем и годом, когда я умру, отрезок времени, в который я мог бы сделать что-то по-настоящему свое, а не наводить глянец на чужие труды? Ну да, разумеется, когда я получу степень, в сопутствующей ей воде будет что-то о – кавычка открывается – новаторской – кавычка закрывается – диссертации, но это означает лишь то, что слова в ней будут расставлены не так, как в предыдущей!

– У вас довольно высокое мнение о собственных способностях, – заметила доктор Фоуден.

– То есть я кажусь вам тщеславным. Да, пожалуй, я тщеславен. Но я говорю не об этом, а о том, что не желаю ставить себе в заслугу полнейшее невежество. Видите ли...

– И какую карьеру вы для себя избрали?

Выбитый из колеи Дональд моргнул.

– Ну, думаю, что-то, что займет минимум моего времени. Чтобы в оставшиеся часы зацементировать бреши в образовании.

– Ага. Вас заинтересовал бы годовой оклад в пятьдесят тысяч, при котором вы, по сути, будете заниматься лишь завершением своего образования?

Дональд обладал одним талантом, каким не обладало большинство: умением делать верные догадки. Как будто какой-то механизм в подсознании постоянно просеивал факторы окружающего мира, выискивая в них порядок, а когда такой порядок возникал, в черепе у него начинал бить беззвучный колокол.

Факты: Вашингтон, отсутствие декана, предложение оклада, схожего с тем, на который он мог бы рассчитывать в промышленности, но за учебу, а не за работу... Были люди, люди с самого верха, которых специалисты уничижительно называли «дилетантами», но которые сами величали себя «синтезаторами» и которые всю свою жизнь не занимались ничем, кроме установления перекрестных связей между самыми отдаленными и обособленными областями научных исследований.

Учитывая, что он приготовился услышать, что его грант отменили, в такое было трудно поверить. Дональд сложил руки, чтобы унять в них дрожь.

– Вы говорите о синтезе, я правильно понял?

– Да. Я из Управления дилетантов – или более официально – Комитета по координации научных исследований. Но сомневаюсь, что у вас на уме именно то, что я собираюсь предло-

жить. Я видела графики вашей академической карьеры, и у меня создалось впечатление, что если бы вы захотели, то могли бы стать синтезатором и не получив степень. – Доктор Фоуден откинулась на спинку стула. – Поэтому тот факт, что вы еще здесь – ворчите, но миритесь с положением вещей, – заставляет меня предположить, что вы недостаточно этого хотите. Потребуется жирная приманка, чтобы вас к этому подтолкнуть. Скажите, будь у вас такая возможность, что бы вы сделали, чтобы завершить образование?

Заикаясь и покраснев до ушей от собственной неспособности изложить ясные определенные планы, Дональд пробормотал в ответ:

– Ну... э-э... думаю... Во-первых, история, в особенности недавняя история. Ведь никто не учил меня ничему современнее Второй мировой войны, не нагрузив лекции кучей взвзятых хлама. Потом... области, соприкасающиеся с моей собственной, например кристаллография и экология. Включая и человеческую экологию. Мне понадобятся документальные подтверждения, поэтому хотелось бы покопаться в письменных источниках нашего вида, которому сейчас под восемь тысяч лет. Надо бы выучить по меньшей мере один неиндоевропейский язык. Потом...

– Хватит. Вы определили область знания большую, чем один человек способен охватить за целую жизнь.

– Неправда! – К Дональду стремительно возвращалась уверенность. – Разумеется, это невозможно, если вас учат так, как меня – через зазубривание фактов! Но нужно учиться видеть взаимосвязи, учиться систематизировать! Зачем трудиться, запоминая всю художественную литературу: научись читать и держи дома полку книг. Не надо запоминать таблицы синусов и логарифмов, купи логарифмическую линейку или научись нажимать кнопки на терминале публичного компьютера! – Он беспомощно взмахнул руками. – Не обязательно знать все. Нужно просто знать, где это найти, когда понадобится.

Доктор Фоуден кивала.

– У вас верный базовый подход, – согласилась она. – Однако тут я должна надеть шляпу адвоката дьявола и объяснить условия, связанные с моим предложением. Во-первых, от вас потребуется бегло говорить и читать на ятакангском.

Дональд слегка побледнел. Один его друг как-то начал учить этот язык, но потом перешел на китайский мандарин как более легкую альтернативу. Однако...

Он пожал плечами.

– Можно попробовать, – сказал он.

– А остальное я не смогу вам рассказать, пока вы не съездите со мной в Вашингтон.

А там человек, которого все называли Полковник (Дональду не сообщили, имя это или звание), сказал:

– Поднимите правую руку и повторяйте за мной: «Я, Дональд Орвилл Хоган... торжественно заявляю и свидетельствую...»

Дональд вздохнул. Тогда ему казалось, что сбываются самые заветные его мечты. Пять дней в неделю не делать ничего, только читать и читать, и не нужно из кожи вон лезть, чтобы представить какие-либо результаты. От него требуется только отправлять иногда по почте любые соображения, которые, на его взгляд, покажутся кому-нибудь полезными: например, подсказать астроному, что у агентства маркетинговых исследований появился новый метод выборочного статистического отбора, или посоветовать сообщить специалисту по этимологии о новой проблеме загрязнения воздуха. Казалось бы, рай на земле, особенно если учесть, что его наниматели не только не интересовались, чем он занимает свободное время, но и намекали, что ему нужно как можно больше новых впечатлений, чтобы не потерять остроты восприятия.

А ведь, надо признать, не прошло и десяти лет, как он уже начал скучать. Он почти надеялся, что они вспомнят о втором условии, том самом, из-за которого ему пришлось так долго копаться в своей душе.

Лейтенант Дональд Орвилл Хоган, вы активированы и должны немедленно, повторяю – НЕМЕДЛЕННО, явиться в распоряжение...

– Ох, нет!

– У тебя что, с головой не в порядке, тупица? – прохрипел у него над ухом грубый голос. Острый локоть ткнул ему в бок, и перед ним замаячило хмурое лицо. В растерянности Дональд сообразил, что, вероятно, подсознательно принял решение, в какой ресторан сегодня пойти, и забрел в толпу, запрудившую Пятую авеню.

– Что? О... нет, со мной все в порядке.

– Тогда перестань вести себя так, будто ты с катушек съехал! Смотри, куда идешь!

Разъяренный мужик, с которым он столкнулся, протиснулся мимо. Все еще несколько ошеломленный Дональд механически переставлял ноги. Пару минут спустя он пришел к выводу, что совету стоит последовать. Возможно, отчасти в его проблемах повинна рутина, которой он поддался настолько, что утратил живость и интерес к миру, которые привлекли к нему десять лет назад доктора Фоуден, в таком случае отставка становилась маловероятной. Много вероятнее – чего он почти боялся, – рано или поздно под туш фанфар и гром барабанов рассекретят Салманасара, а тот предскажет, что в автоматизированном будущем устареют даже синтезаторы.

А если придется уйти с такой синекуры, он предпочел бы сделать это на собственных условиях, а не потому, что его выгнали за некомпетентность.

Не без легкой дрожи он оглядел Пятую авеню. Высотные здания стиснули ее, как стены каньона, направляя человеческие потоки, а сверху рассеянным светом светился геодезический купол Фуллера. Разумеется, он защищал не весь Большой Нью-Йорк, а только Манхэттен, которому возвратил былое очарование и вернул больше жителей, чем район потерял из-за оттока в предместья в конце двадцатого века. Проект сооружения купола надо всем городом даже не рассматривался хотя бы из-за издержек на строительство, впрочем, по инженерным проектам выходило, что это вполне осуществимо.

Однако Нью-Йорк с тринадцатимиллионным населением все больше и больше терял свой прежний статус самого большого города в мире. Он уже не мог равняться с чудовищными конгломератами вроде того, что протянулся между Токио и Осакой, или Эллеем, раскинувшимся на добрые пятьсот миль и захватившим даже Фриско, не говоря уже об истинных гигантах среди современных мегаполисов – Дели и Калькутте с их пятьюдесятью миллионами голодающего населения в каждом. Это уже были не города в старом понимании, не населенная семьями группа зданий, а кишашие муравейники, разрушающиеся под молотообразными ударами уличных беспорядков, вооруженных ограблений и беспричинного вандализма.

Тем не менее, пусть Нью-Йорк и съезился до средних по современным меркам размеров, это был город настолько крупный, насколько Дональд находил в себе силы его терпеть, и к тому же до сих пор обладал определенным магнетизмом. Государство, крупнейший работодатель из всех, доминировало на Западном побережье. А здесь баловали те, кто был самую малость поменьше: корпорации были государствами внутри государства. Сейчас перед ним высился колоссальный зиккурат небоскреба «Дженерал Текникс», занимающий целых три квартала, и это зрелище наполнило Дональда унынием. Если он уйдет, если ему дадут уйти после того, как выбросили на него три четверти миллиона долларов налогоплательщиков, его ждет одна дорога – вот в такой мавзолей... Посмотрите только, в кого там превратили Нормана Хауса!

По безмерно расширенным тротуарам люди ползли точно насекомые, толклись у входов в туннели и подземку. По центральной – только для муниципального спецтранспорта! – полосе разъезжали патрульные полицейские машины, но временами и им приходилось останав-

ливаться или съезжать к обочине, чтобы освободить место для «Скорой помощи» или пожарных. По обе стороны от центральной полосы огромные гудящие автобусы без моторов (на тяге от ветряков, которые разгоняли до максимума всякий раз, когда автобус поворачивал назад в конечных пунктах своего маршрута) тащили до двух сотен пассажиров каждый, раз в два квартала заходили на платформы подъемника, позволяя обогнать себя электрическим такси. С тех пор, как возвели купол, в городе начисто запретили двигатели внутреннего сгорания: системы вентиляции и так едва справлялись с выбросами от углекислого газа и антропоксинов, а в теплые дни выделяемая людьми влага иногда перегружала кондиционеры и оседала подобием мороси.

Как мы это терпим?

Он предпочел жить в Нью-Йорке, потому что тут родился и потому что этот город стоял первым в коротком списке подходящих мест проживания, из которых ему предложили выбирать. Главным условием здесь было наличие доступа к крупным и современно оснащенным библиотекам, необходимым для его работы. Но сейчас он вдруг взглянул на свой город. Впервые за последние семь лет по-настоящему сосредоточенно и внимательно посмотрел... Куда ни повернись, он везде видел еще одну соломинку, нагруженную на двугорбый хребет города. Разумеется, вернувшись из колледжа, он обратил внимание на бездомных, но только сейчас заметил, что за прошедшие годы их число увеличилось стократно, что они все время перемещаются, катя перед собой самодельные тележки с немногими пожитками, а полиция все гонит и гонит их дальше. Теперь прохожие, когда их случайно толкали, нередко круто оборачивались и совали руки в оттопыривающиеся карманы еще прежде, чем до них доходило, что никакие мокрые на них не набрасываются. Кстати, о мокерах... Если уж на то пошло, он никак не соотносил с реальностью собственной жизни репортаж в программе новостей о том, как один такой воскресным вечером на оживленной Таймс-сквер убил семерых...

В него запустила когти паника, та же паника, которую он испытал в первый и последний раз, когда решился попробовать мозголом: ощущение, что такой личности, как Дональд Хоган, не существует вовсе, а есть только человечек в миллионе таких же, и все они версии беспредельного, высшего Я. Тогда он зашелся криком, и человек, давший ему наркотик, отсоветовал принимать его вторично, сказав, что он и есть его личность, а без нее растворится.

Иными словами: внутри у него пустота.

В нескольких шагах впереди две девушки остановились посмотреть на роскошные игрушки в витрине магазина. Обе одеты по последней моде: на одной – радиоплатье, набивной узор на ткани – впечатанные схемы и контуры, и, сдвигая вправо или влево пояс с пряжкой, она может выбирать, какая из программ будет подаваться в наушник, спрятанный у нее под пурпурными волосами, другая – в чем-то облегающем и явно металлическом, точно железный футляр для медицинских инструментов. У обеих – хромированные ногти, будто клеммы ввода-вывода машины.

В привлекшей их витрине были выставлены чудеса геной инженерии, искусственные домашние зверушки. Отрабатанному на вирусах и бактериях процессу была подвергнута плазма клеток животных, но на таком уровне побочные эффекты слишком уж непредсказуемы: из пятисот зверьков, вероятно, только один попадал в витрину, остальные так и оставались в лаборатории. И все же, невзирая на роскошный пурпурный мех, внушительный, крупнее обычно встречающихся в природе лемур галаго за стеклом выглядел ужасно несчастным, а у всего выводка ярко-рыжих щенков чихуахуа на полке под ним лапы подергивались так, словно у них вот-вот начнется припадок эпилепсии.

Но девиц заботило лишь то, что мех у галаго был в точности оттенка волос девушки в радиоплатье.

Сначала вы ездите в машинах, потом стираете в них, едите из них, потом их носите, а потом...

Дрожа с головы до ног, Дональд отбросил мысль о ресторане и свернул в ближайший бар, чтобы вместо ланча выпить.

Пару часов спустя он позвонил одной временно безработной поэтессе. Та сочувственно выслушала, никаких вопросов не задала и позволила ему проспать в своей постели. Когда он проснулся, мир выглядел несколько лучше.

Но он отчаянно желал, чтобы нашелся кто-нибудь – не обязательно эта девушка и, возможно, вообще не девушка, хоть какой-нибудь человек, – которому он мог бы объяснить, почему стонал во сне.

В гуще событий (3)

Дела жилищные

Натурал, хорошо обеспеченный афрам ищет квартиранта; вид на Лонг-Айленд. 5-комнатная квартира. Почтовый ящик NZL4

– Да, у меня есть три комнаты. Нет, ты их не получишь, даже если тебя погнали с квартиры. На кой черт мне сдалась орава хреновых курочек, которую ты сюда притащил? Плевать мне, что у тебя равные права! Не пушу я к себе того, кто по мужикам ходит!

В Дели, Калькутте, Токио, Нью-Йорке, Лондоне, Берлине, Лос-Анджелесе, в Париже, в Риме, Милане, Каире, Чикаго... уже больше не сажают тех, кто спит на улице, поэтому нечего и надеяться.

В каталажках теперь уже не хватает места.

Девушка-афроамериканка ищет комнату. Бисексуалка. Ящик NRT5

ИДЕАЛЬН. ЛЮКСАПАРТАМЕНТЫ. ТОЛЬКО СЕМЕЙНЫМ. \$100.000 МИНИМУМ 3 КМНТ РАЗДЕЛЬНЫЕ!

Разгонотуннель компании «ПригородТранзит» позволяет ВАМ работать в Лос-Анджелесе, а жить на чистом – так что хочется вдохнуть полной грудью – воздухе Аризоны, время проезда – полтора часа!

– Это Лора. Натуральная блондинка, разумеется. Дорогуша, приспусти и продемонстрируй. Ну да... совместное пользование подразумевается?

– Надеюсь.

– И я тоже.

Лора хихикает.

«Реак-текс» – практичная роскошь, – спросите у наших друзей из Горных штатов¹³, которые сохранили работу в центре благодаря нашей службе извлечения из пробок!

– Простая формальность, если вы не против. Протяните руку, барышня... Спасибо. Это займет пять минут. Подождите... Прошу прощения, мы не можем выдать вам временный пропуск в этот штат. Но поздравляю... Надеюсь, это ребенок.

ЕСЛИ СТРЕСС И ПЕРЕГРУЗКИ СТАНОВЯТСЯ НЕСТЕРПИМЫ, ЕСЛИ ВАМ КАЖЕТСЯ, ЧТО ВЫ ВОТВОТ ВЗОРВЕТЕСЬ, ВАМ ПОМОЖЕТ КЛЮЧИК К ЛЕГКОЙ ЖИЗНИ ОТ «ДЖИТИ». ДА ЗДРАВСТВУЕТ ПРОФИЛАКТИКА, НО ЭТО ТОЛЬКО НАЧАЛО. НАШИ ПРЕПАРАТЫ ДЛЯ НОРМАЛИЗАЦИИ БИОЛОГИЧЕСКИХ ФУНКЦИЙ ОРГАНИЗМА ЖЕНЩИН ОДОБРЕНЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ВСЕХ ШТАТОВ.

– Клянусь бородой Пророка, Дональд, если б я знал, что тебя на черное мясо тянет, я мог бы выбрать из...

¹³ Вермонт, Монтана и близлежащие штаты.

– Тогда почему бы тебе как-нибудь не попробовать брюнетку, скажем, итальянского типа? Кого ничем, кроме как белыми кусочками в станиоле, не кормят, тому время от времени хочется здоровую горбушку!

Впрочем, подобные перепалки неизбежно возникают между всякими людьми, живущими бок о бок.

Такого шанса, какой вам предлагает Агентство Оливы Алмейро, больше не представится. Детей с хорошей наследственностью мы предлагаем для усыновления больше, чем любое другое агентство в нашей сфере. Предложение недействительно в следующих штатах: Нью-Йорк, Иллинойс, Калифорния...

НАСТОЯЩИМ ПОСТАНОВЛЯЕТСЯ: наличие генов, перечисленных ниже, в Приложении А, *ipso facto*¹⁴ станет причиной для прерывания беременности по представлении матери в любой Департамент евгенической обработки в следующих...

– Кем ты собираешься заменить Люсиль?

– Не знаю. Пока не думал.

НАСЕЛЕНИЕ ПРЕВЫШАЕТ ВСЕ ПРЕДЕЛЫ. По информации из официальных источников, иммигрантам, въехавшим в наш штат с видом на жительство, выданным позднее 30 марта прошлого года, будет предложено на выбор подвергнуться стерилизации или депортации.

*Мы отпраздновали свой двадцатый первый век. А вы? Либеральная ассоциация ищет свободомыслящие пары и *ménage à trois*¹⁵, желающих расширить сферу своих интересов и возможностей. В нашей группе уже четырнадцать (!) детей!*

– Клянусь бородой Пророка, Дональд!..

– Извини! Я же сказал, извини! Но что поделаешь, мне приелись твои однообразные терки! Лора была нордическая блондинка, и Гортензия тоже, и Рита, и Моппет, и Корина... Откровенно говоря, ты попал в заезженную колею.

Надежная пара ищет возможность ухаживать за детьми; один или несколько раз в неделю. (Сертификаты в наличии, из дефектов – рудиментная перепонка на пальцах ноги.) Почтовый ящик NPP2.

НАСТОЯЩИМ ПОСТАНОВЛЯЕТСЯ: наличие генов, перечисленных ниже, в Приложении В, *ipso facto* станет причиной для стерилизации любого ребенка мужского пола по достижении полового созревания после...

– Отвали!

– А вот это на редкость христианский подход, Дональд. И бессмысленный, и варварский разом.

– Хватит играть на моем чувстве вины белого человека. Иногда мне даже думается, что ты бы не выжил в по-настоящему нерасистском обществе.

– Таких на свете не существует. Вот увидишь, в следующем поколении вы добавите гены темной пигментации кожи к списку...

¹⁴ В силу самого факта (*лат.*).

¹⁵ Брак втроем (*фр.*).

Лео Бренксом! Вернись домой! Мы не стали любить тебя меньше от того, что тебя стерилизовали! Ты – наш мальчик, наш единственный сын, и сбегать из дома было просто глупо! Тебе ведь только четырнадцать! Твои любящие, но несчастные родители!

– Тридцать четыре? И у тебя чистый генотип? Господи, да надо бы запихнуть эту пробирку тебе в задницу. У нас и есть-то только подозрение, не доказательство, а всего лишь подозрение, что у матери Гарольда была серповидноклеточная анемия, и я бы правую руку отдал, лишь бы иметь детей, а теперь ты, самодовольная сволочь, стоишь тут и...

Прослеживая крупным планом (4) Маск-комплект

Сознавая, что служит ходячей рекламой собственным салонам, сознавая, что даже софитам видеотехников не под силу отыскать изъян в ее косметической броне, с особым удовольствием сознавая, что женщина, которую послали взять у нее интервью, одета и накрашена заметно хуже нее, Гвиневра Стил ворковала в микрофон:

– Да ведь это просто! Своим успехом мои «Бьютики» обязаны двум факторам: во-первых, мои клиенты способны распознать, кто держится на квантовый скачок впереди преходящей моды, а кто от нее отстает, а во-вторых, они умеют судить, кто за их деньги предлагает им настоящее качество, а кто нет!

Гвиневра Стил кокетливо повела плечиками.

Будучи неопределенного возраста, она позволяла себе носить переливающиеся блузетки – на сей раз на ней была мерцающая желтая, поскольку цвет ее лица подпадал под категорию «загар Гойи». Блузетка утягивала ее грудь до почти совершенных циклоидальных изгибов, в высшей точке каждого помещался особый Сосколпачок® с дистанционным управлением. В настоящий момент оба активированы, поскольку будут прекрасно смотреться на видеоэкране. Такие колпачки всегда придут на помощь владелице: если собеседник (или собеседница) чем-то ее привлекает, она может их увеличить (достаточно прижать к боку локоть), но может и «спустить», а что может быть хуже для мужского эго, когда всем видно, что ее эрогенные ткани утратили интерес.

Еще на ней была юбетка, чуть шире пояса-переростка – и все, чтобы продемонстрировать исключительно изящные ноги, которые сужались к украшенным стразами сандалиям, ведь у нее головокружительно высокий подъем, вот только голые ступни пока приходилось прятать под ремешками, поскольку сногсшибательный подъем был плодом хирургической операции, и на левой ступне еще виднелись шрамы.

Выкрашенные в серебро волосы были собраны в четыре параллельных валика, ногти на руках и на ногах хромированы ярче зеркал и потому отбрасывали свет софитов в объектив камеры.

Около семидесяти процентов ее кожи было выставлено напоказ, но ни миллиметра не было голый, разве что, может быть, скальп под волосами. Помимо жемчужной крем-пудры на лице, на ней была еще и матирующая основа на все тело, а поверх нее – подкрашивающее средство и в общем и целом почти тридцать других составов (сплошь продукты ее «Бьюти-ков»), которые оставляли заметный слой на эпидермисе. Завершающим штрихом по тональному крему была прочерчена синим тонкая сетка вен.

– О, я думаю, это современно в том смысле, в каком должно быть, – улыбнулась она микрофону. – Мы живем не в мире наших предков, когда образ жизни нам диктовали грязь, болезни и... и то, что можно назвать случайной игрой генов. Нет, мы взяли в свои руки всю нашу среду обитания, и то, что мы выбираем в моде и косметике, идет в ногу с этими достижениями.

– Но сегодня господствует тенденция к более... более естественной внешности, – рискнула вставить журналистка.

– Важно воздействие, которое вы оказываете на тех, кто на вас смотрит, – самодовольно парировала Гвиневра. – Разумеется, на вас это сказывается тоже. Но самое главное – это полная уверенность в себе, какую мы даем нашим клиентам, плюс впечатление, какое вы хотите произвести.

– Спасибо, мисс Стил, – пробормотала журналистка.

Покончив с интервью, Гвиневра стремительно прошла в свой личный кабинет. И лишь почувствовав себя в безопасности за закрытой дверью, рухнула в кресло и позволила горечи закрасться в складку поджатых губ и суженных глаз.

Закурив «Бэй Голд», она поглядела на свое отражение.

Полная уверенность в себе? В ее-то бизнесе, где завтра мужчина или ближайшая подруга, да кто угодно решит, что хочет интимной близости? Чем более сложен, хрупок и красив макияж, тем больше эффект – и тем горше разочарование, когда его сцеловали, сласкали или стерли. Сегодня «Бьютиков» было уже семнадцать, по одному на каждый год в бизнесе. Лицензия на каждый выдавалась только после тщательной проверки будущего управляющего, который сперва должен был три месяца проработать под началом самой Гвиневры, которого она натаскивала под свои взыскательные стандарты и который подписывал контракт, обязывающий его выплачивать кругленькую сумму комиссионных за привилегию использовать ее имя. В каждом случае принимались все разумные меры предосторожности, но кому, как не косметологу, знать, что люди – существа далеко не разумные?

Нужно как-то отвлечься. Нужны новые идеи.

Некоторое время она размышляла.

Наконец она нацарапала список и потянулась к кнопке телефона, предварительно бросив взгляд на свое отражение, чтобы убедиться, что изображение на экране будет соответствующее.

Вечеринка с фанатами. Самый лучший способ поставить кое-кого на место. И первым делом заносчивого Нормана Хауса... а значит, придется пригласить и его несносного квартиранта. Довершат список все остальные, кто в последнее время не падал на колени, чтобы ей поклоняться.

Но за что назначать штрафы? Во что поиграть? Двадцатое столетие, как насчет двадцатого столетия? Древний Рим или какая-нибудь еще старина были бы повеселее, но как раз тут-то сброд вроде паршивого Дональда Хогана намного лучше организаторов разбирается, что верно для данного периода, а что нет. Нанять профессионального арбитра? Какого-нибудь учебного червя? Может, студентушку-практиканта? Нет, однажды пробовала, не сработало. Кое-какие штрафы шокировали простофилю, и он поддался, нет, поправка (нельзя ведь попасть под штраф), струсил, нет, тоже не то. Сдрейфил? Переметнулся? Проверить в словаре, как это говорили в двадцатом веке.

И если, скажем, уговорить прийти Мела Мужелома, да чтобы он прихватил с собой чудненький новенький порошок, с которым у них экспериментируют в больнице...

С прямо-таки свирепой радостью она принялась тыкать в кнопки телефона.

Одно только слово, хотя бы жест, выпадающий из контекста, и ты у меня штаны обмочишь, засранец черномазый...

Режиссерский сценарий (4)

Нация соседей

Когда в шесть папа-мама Дональд добрался домой, Норман уже был там: сидел в своем любимом кресле из дерева с алюминием, закинув ноги на пуфик, и просматривал сегодняшнюю почту. На «привет» соседа по квартире он ответил рассеянным кивком.

К тому времени Дональд уже достаточно оправился от приступа депрессии, который пережил среди дня, чтобы по некоторым видимым признакам догадаться о настроении Нормана. Будучи мусульманином, Норман не притрагивался к алкоголю, но в мусульманских странах Африки анаша была частью традиционного уклада жизни, и он позволял себе снять накопившееся за день напряжение парой косяков. Несмотря на чрезмерно завышенные цены (каждый штат, легализовавший траву, вводил драконовские акцизы, борясь с продукцией конкурентов, выращенной за его пределами), он курил марку, подобающую младшему вице-президенту «Джи-Ти»: общепризнанный фаворит «Бэй Голд». Косяк дымился рядом с ним в пепельнице, но дым уходил в воздух незамеченным.

Более того, на полу у его ног, точно брошенная в приступе раздражения, валялась карточка «Полногологафики» с бесконечной чередой ритмично сменяющих друг друга темных и светлых полос, по краю изображения была вытеснена эмблема Бюро генеалогических изысканий.

Дональд уже давно решил считать манией то, как сосед по квартире падок на различные уловки этого генеалогического учреждения, которое в одержимый идеей потомства двадцать первый век выдаивало деньги из граждан, обеспокоенных своим генотипом. Сегодня Норман впервые не бросился, едва войдя в дом, за монохромное считывающее устройство, чтобы немедленно прочесть последние присланные ему приманки.

Вывод: что-то основательно расстроило Нормана, напрочь выбило его из колеи.

Соответственно, Дональд не стал втягивать его в разговор, а, как всегда по возвращении домой, занялся собственной вечерней рутинной: проверил, не появились ли в его отсутствие новые сообщения на автоответчике (не появились), забрал почту из ниши доставки (как обычно, объемистую и состоящую по большей части из рекламных брошюр), настучав код на панели робобара, получил свой виски и со стаканом устроился в собственном кресле.

Но читать почту он взялся не сразу. Сперва оглядел комнату с тенью нервозности, будто ожидая, что привычное окружение вот-вот приобретет тот налет чуждости, как приобрела его около полудня Пятая авеню.

Просторным холлом, совмещавшим в себе гостиную и столовую и начинавшимся от входной двери, они пользовались сообща. И все же в нем почти не было следов Дональда Хогана. Квартира уже была отделана и отчасти обставлена, когда Норман согласился снимать ее на двоих. Въехав, Дональд, разумеется, привез с собой некоторые предметы, как, например, это кресло, несколько картинок, которые Норман одобрил, и массивный агрегат, в просторечии именуемый робобаром, из которого можно было добыть почти любое спиртное. Не употребляя алкоголя сам, Норман имел только небольшой переносной винный погреб, который по договору аренды предписывалось держать в квартире для угощения гостей другого вероисповедания. При ближайшем рассмотрении из этих вещей никак не складывалось, что собственно представляет собой Дональд Хоган. Более того, все они находились в одной части комнаты, точно между жильцами лежала невидимая граница.

Впрочем, никто бы не сказал, что комната отражала личность самого Нормана. Эта мысль оказалась для Дональда несколько неожиданной. Но внезапно он сообразил, что в подобранных Норманом оттенках и предметах есть некий внутренний порядок. Мерцающие красно-корич-

новые обои на стенах, ковер с орнаментом Уильяма Морриса, репродукции Пикассо, Поллока и Мура, даже выдавшее виды деревянно-алюминиевое кресло казались подобранными с тем, чтобы, войди сюда в любой момент какой-нибудь шишка из «Джи-Ти», он мог бы, оглянувшись по сторонам, одобрительно кивнуть, успокоенный обстановкой, и решить, что Норман Хаус и впрямь малый степенный, положительный и достойный повышения.

Дональда едва не передернуло, но, справившись с собой, он задумался, не пытался ли Норман произвести впечатление солидности и надежности и на него тоже, а не только на других, более влиятельных посетителей.

Всего одна вещь в комнате выбивалась из общего тона (собственное имущество Дональда, какое попадалось на глаза, было слишком нейтральным и в счет не шло, наверное, поэтому Норман разрешил ему остаться на виду), а именно стоящий за креслом Нормана в самом дальнем углу комнаты полиорган, собственность его нынешней терки Виктории. Полиорган был самую чуточку слишком современным, самую чуточку слишком броским и потому выбивался из общего стиля. Но в силу неизбежности надолго он тут не задержится.

Может, спальня Нормана более правдиво отражала его личность? Маловероятно, решил Дональд. К его собственной это не относилось, поскольку теоретически (хотя сейчас и не на практике) ее делила приходящая терка. Дополнительно у каждого из них было по маленькой комнате для полного уединения. Дональд никогда не переступал порога комнаты Нормана, хотя пару раз заглядывал туда через приоткрытую дверь. Он сумел увидеть слишком мало, чтобы судить, была ли она по-настоящему личной. Его комната, по всей вероятности, такой не являлась. Ее скорее следовало бы назвать библиотекой, и опять же половина книг в ней была выбрана и заказана его работодателями и вовсе не соответствовала его вкусу.

Если последствия совместного проживания столь уж негативны, думал он, как объяснить их с Норманом желание, да и вообще широко распространенный обычай снимать квартиру вместе? Как объяснить это иностранцу из менее здоровой – и потому менее перенаселенной – страны или старику, который помнит те времена, когда всякий ставший на ноги холостяк первым делом обзаводился собственной берлогой?

Ну... Тут было одно очевидное преимущество плюс еще некоторое число дополнительных мелочей. Во-первых и в-главных, совместное проживание позволяло им тот стандарт жилья, который по комфорту и простору превосходил все, что каждый из них мог бы позволить себе по отдельности. Даже при своем окладе в «Джи-Ти» Норману без квартиранта пришлось бы основательно затянуть ремень, чтобы жить столь просторно, особенно если учесть, как подскочили цены после постройки купола Фуллера.

Кое-какие дополнительные стимулы были почти так же очевидны: например, обмен терками, воспринимавшийся как нечто само собой разумеющееся. Уловить другие было труднее: например, всегда удобно, если незнакомые люди решат, что они не просто живут, но и спят вместе. Иногда устаешь, когда тебя раз за разом спрашивают: «Если тебе позволено завести детей, почему ты их не заводишь?»

В его собственной почте не нашлось ничего интересного, и Дональд спихнул всю кипу в мусоросборник. Прихлебывая виски, он почувствовал на себе взгляд Нормана и выдавил улыбку.

– Где Виктория? – поинтересовался он за неимением другой темы для разговора.

– Принимает душ. От нее пахнет, и я ей так и сказал. – Тон у Нормана был рассеянный, но за словами Дональд различил обратный снобизм современного афрама.

Ах ты грязная черная свинья...

Поскольку Норман был явно не склонен продолжать разговор, Дональд задумчиво перевел глаза на картинку «Полногологафики» на полу. Ему вспомнилась прошлая «приманка», которую Норман оставил лежать в общей комнате: в ней утверждалось, будто в Бюро способны провести точный генетический анализ на основании всего лишь обрезков ногтей одного из

родителей обследуемого. Ложь была настолько вопиющей, что Дональд подумал было, не сообщить ли о ней в Бюро по охране прав потребителей. Даже в наш век евгенической благодати шансы доказать, кто ваш отец – один к трем, что уж говорить о том, чтобы проследить индоевропейские корни в преимущественно афроамериканской наследственности.

Но он все же решил не подавать жалобу из страха скомпрометировать свое прикрытие.

Боже, да знай я, какая это будет одинокая жизнь, я бы наверное...

– Привет, Дональд, – сказала Виктория, выходя из ванной Нормана в облаке пара и духов «Двадцать первый век» от Арпеже. Пройдя мимо него, она вызывающе положила ногу на колени Норману. – Понюхай меня теперь. Подойдет?

– Подойдет, – не поднимая головы, ответил Норман. – Теперь пойдешь оденешься.

– Вот гнусный тип. Жаль, что ты мне нравишься.

При звуке закрываемой двери Норман прокашлялся.

– Кстати, Дональд, я все хотел тебя спросить. Ты собираешься что-нибудь сделать для...?

– Когда найду кого-то подходящего, – пробормотал Дональд.

– Ты уже несколько недель это твердишь, черт побери. – Норман помялся. – По правде сказать, я подумывал, может, мне лучше пустить вместо тебя Горация. Насколько я знаю, он ищет свободный татами.

Внезапно встревожившись, но скрыв свою реакцию, Дональд посмотрел прямо в лицо своему соседу и поверх него вдруг увидел ясно наложенным, так ясно, словно она еще не ушла из комнаты, лицо Виктории: натуральная блондинка исключительно скандинавской внешности – женщин другого типа Норман в квартиру не приводил.

Он это серьезно?

Его собственная последняя постоянная по имени Дженнис была его любимицей: не просто терка, обрабатывающая сеть менеджеров высшего звена, как большинство к ним приходивших, а сильная и независимая личность, женщина почти сорока лет, родившаяся в Тринидаде. Он не заменил ее отчасти из-за отсутствия желания, отчасти из-за ощущения, что не скоро найдет ей равную.

И снова он почувствовал смятение, почти тошнотворную растерянность: уж такого в собственном доме он никак не ожидал. Он-то вообразил, что верно оценил характер Нормана, записал его в категорию застенчивых афрам, неловко балансирующих между настойчивым желанием иметь белого соседа по квартире и плохо скрытым раздражением от того, что этот белый квартирант предпочитает черных подружек. Но только что упомянутый им Гораций был намного темнее самого Нормана.

К его облегчению, зазвонил телефон. Отвечая на звонок и через плечо сообщая Норману, что это Гвиневра Стил приглашает их на вечеринку с маскарадом и фантами, он мысленно сформулировал вывод, к которому пришел.

Однако если он открыто и сразу об этом заговорит, есть риск, что Норман приведет свою угрозу в действие. Этот афрам ненавидел всех, кто сумел заглянуть под маску спокойствия, какую он обычно носил.

А мне, боюсь, не по плечу снова привыкать к чужому человеку, как я привык к Норману. Пусть и нельзя утверждать, что мы друзья.

– Кстати, а на какую тему эта вечеринка с фантами?

– А? – Наливая себе еще на два пальца виски, Дональд повернул голову. – Ах да, двадцатый век.

– Говори и веди себя соответственно периоду, так она задумала?

Дональд только кивнул в ответ.

– Как раз такой глупости от нее и можно ожидать, правда?

– Разумеется, это глупость, – согласился Дональд, лишь наполовину обращая внимание на слова Нормана. – Она так одержима сегодняшним днем, что, наверное, думает, будто два-

дцатый век был единым пластом поведения и мышления. Сомневаюсь, что она помнит, что еще десять лет назад сама в нем жила. Поэтому гости у нее будут разгуливать, приговаривая: «Плесни мне, папик» и «Мочалок застегать!», а одеты будут в сборную солянку из нейлоновых топов и юбок «ню-лук».

– Я не это имел в виду, – сказал Норман. – С твоих слов выходит еще хуже, чем я думал.

– А что ты имел в виду? – спросил Дональд. В глубине души он почти испытывал потребность поговорить – и не обязательно о том потрясении, какое сегодня пережил. Любая болтовня докажет, что он способен раскрыться и не мучить себя недомолвками. Напряжение от того, что он ни с кем не способен на обычное человеческое общение, начинало действовать ему на нервы.

Углы рта Нормана опустились с намеком на горечь.

– Ну, готов поспорить, я был первым афрамом в списке приглашенных, а раз я согласился, то буду единственным, и обязательно появится кто-нибудь, запрограммированный вести себя... ну, скажем, под Булла Кларка. Тогда она заставит свою свиту сплотиться и объявить, что мой фант проиграл, мол, я не изображаю из себя Дядю Тома.

– Ты правда так думаешь? Тогда зачем, черт побери, ты согласился?

– Э-э, я ни за что на свете этого не пропущу, – с оттенком мрачного удовлетворения сказал Норман. – В двадцатом веке произошло многое помимо того, о чем нравится вспоминать Гвиневре, и я получу огромное удовольствие, ткнув ее в это аристократическим носом.

Повисло молчание. Обоим оно показалось нестерпимо долгим. Норман выкурил едва половину своего «Бэй Голд», недостаточно, чтобы время замедлилось, но замолчал он потому, что посмел краешком коснуться предмета, о котором такие, как он, ни за что не желали заговаривать, и Дональд вполне сознавал, откуда взялись эти недомолвки. Однако для него стусок отсылки на двадцатый век потянул за собой цепь ассоциаций, которые все ветвились и ветвились, и наконец он уже не мог понять, какие из них относятся к предыдущему разговору, а какие нет.

Может, зря я помянул о том, чтобы выставить Дональда и вместо него взять Горация. Одно можно сказать в пользу общения с белыми трутнями, особенно с докучными интеллектуалами вроде Дональда: проблемы у нас настолько разные, что не усиливают и не умножают друг друга.

Интересно, что стряслось сегодня с Норманом? Спору нет, что-то его встряхнуло. Что там творится в его черепушке? «Дети Х» таких чуваков, как он, не одобряют и их одержимость голубоглазыми блондинками тоже. Корпорация, уж конечно, этим упивается: большой переворот восьмидесятых и девяностых до сих пор свою тень отбрасывает. «Идеальная корпоративная жена сегодня – это на редкость некрасивая представительница другой расовой группы, безотцовщина с двумя кандидатскими степенями!»

Но корпорация не заменит родственную душу.

Хорошо бы спросить, почему он так не любит Гвиневру. Мне-то все равно, идти или нет, и на вечеринках у нее всегда полно полезных людей, поэтому мне до пинты китового дерьма. Примечание: нужно попытаться выяснить, когда эта фраза вошла в обиход. Если я правильно помню, изначально она означала грязное пятно на воде, когда случайно вспарывают пузырь нефти. Может, все дело в вине, какую подсознательно испытывает общество с тех пор, как его поставили перед фактом, что спасать китов уже слишком поздно. Последнего видели – когда? – кажется, в восемьдесят девятом.

Как я завидую отстраненности Дональда. Но никогда не осмелюсь ему про это сказать. Возможно, у него это тоже всего лишь маска. Но Гвиневра такая... а ему хоть бы хны. И в ее

вечеринке его раздражает – как он и сказал – анахронизм, ведь она попытается представить двадцатый век как единый гомогенный период. А он таким не был. И кому это знать, как не одному из нас.

Я отстал от жизни. Клянусь бородой Пророка, практически устарел. Ну и что с того, что я вице-президент самой богатой в мире корпорации? Разве я преуспел в том смысле, как сам это понимаю? Я только-только прорвался через гнилое чувство исторической вины, какую эти белые испытывали задолго до того, как я заполучил мое теплое кресло. И смотрите, к чему это привело.

Кстати, а сколько еще до закатной молитвы сегодня вечером?

Но гвинеvры мира сего – лишь пена на гребне волны. Они – броский мимолетный узор; береговую линию меняют подводные течения. И их потоки я чувствую даже сейчас.

Вообразите себе вице-президента крупной корпорации, который сорок лет назад снимает квартиру вместе с предположительно независимым, состоятельным дилетантом. Да он вообще ни за что не поднялся бы так высоко. Корпорация выискала бы какого-нибудь типа с презентабельной супругой, наплевала бы на то, что за закрытыми дверьми эта пара друг друга изводит, а детей сбаврила в закрытые школы, летние лагеря и еще куда подальше от дома. А сегодня они и пинты китового дерьма бы не дали, спим мы вместе или нет. Мы не размножаемся, уже хорошо. Все сегодня похваляются детьми, жалуются, что им не позволяют иметь детей, но евригическое законодательство никогда бы не ввели, если бы втайне люди не испытывали облегчения. Мы достигли того уровня восприятия, когда даже собственные дети невыносимо увеличивают напряжение, нужное для общения с окружающими людьми. Мы сегодня испытываем много большее чувство вины от того, что завидуем детям других, чем от существования людей, которые никогда и ни в чем не руководствуются продолжением нашего биологического вида.

Если уж на то пошло, мы воспроизводимся в психологическом, а не только в физиологическом смысле. Физиологический аспект мы теперь все больше и больше отодвигаем на более зрелые годы. К тому же многие вообще от него отказались. Нашим жалким интеллектом мы обязаны растягиванию периода отрочества, доминированию Lustprinzip¹⁶ вопреки всем разумным соображениям. Интересно, есть ли другой способ еще больше его растянуть? Это объяснило бы возникновение сети терок, тот факт, что крупные города кишат женщинами, никогда не имевшими постоянного дома, но живущими за счет секса по чужим постелям одну ночь, неделю, полгода, когда подворачивается чувак с квартирой, готовый их пустить. Надо посмотреть, не опубликовал ли Мергендалер что-нибудь на эту тему – похоже, это его область. Жаль, что Чад Маллиган свалил. Без него нам не понять, в какой заднице мы застряли, его догадки нужны нам, как пища!

Нет, это Виктории нужно указать на дверь, а не Дональду. Он десятки раз мне говорил, что я помешан на белокопых терках, а я никогда не слушал, но он прав. Борода Пророка, сколько трепа об эмансипации! Только одна из этих приходящих и уходящих, одинаковых, как дозы слабительного, терок была поразительно красивой, здравомыслящей, чудесной в постели и нормальной, уравновешенной личностью. И эта была Дженнис, которую привел Дональд, а не я. А я ее не оценил, потому что она была черномазая. Наверное, я с катушек слетел. Наверное, выжил из подгузников старого, плантациями взращенного ума!

Эмансипированные! Аллах, будь ко мне справедлив, я еще больше узник истории, чем самый дряхлый ветеран Красной гвардии в Пекине!

Интересно, достаточно ли давно мы знаем друг друга, чтобы он видел во мне Дональда – человека, а не Дональда – белого англосакса и протестанта? Интересно, верно ли его представ-

¹⁶ Принцип удовольствия (нем.).

ление обо мне? Из соображений строгой секретности, наверное, стоило бы его спровоцировать, заставить воплотить свою угрозу и съехать. Прожить так долго бок о бок с одним человеком – именно это Полковник и назвал бы эрозийным эффектом общения. Забавно, что это слово так застряло у меня в памяти... И все же, без сомнения, за мной присматривают. Когда сочтут, что я поставил под угрозу мое прикрытие, мне скажут.

Что, если я взял бы и честно сказал Норману: «Я не праздный разгильдяй, паразитирующий на унаследованном состоянии и выдающий себя за бедного родственника синтезаторов, поскольку творческого таланта у меня нет. Я – шпион...»?

Было бы глупо.

Интересно, будут ли у меня снова кошмары? Например, завтра в самолете бог знает куда. Ну да, конечно, поначалу постоянно снилось, что позвонят среди ночи, но теперь-то маловероятно, что меня вообще призовут из запаса. Десять лет прошло, я адаптировался, и пусть иногда у меня депрессии, нынешнее положение вещей меня устраивает. Я предпочел бы не приноравливаться к кому-то еще, как приноравился к Норману. Раньше я воображал, будто могу прожить без друзей, ведь если речь идет о близких людях, слишком жестоко день изо дня лгать. По крайней мере, с Норманом у меня есть оправдание, что я не говорю ему правду, так как уже слишком поздно: мы слишком давно живем вместе, у нас за спиной слишком много общего. Если придется так сблизиться с кем-то еще, сомневаюсь, что смогу притворяться.

Господи, надеюсь, послав Джин Фоуден меня завербовать, они ошиблись в прогнозе своих потребностей в агентах!

Все кругом валится в тартарары. Кто-то палкой замешал мне мысли. Можно подумать, я под действием мозголома, а ведь всего-то дую травку. Нужно поскорей за что-то зацепиться, иначе развалюсь на части.

Я никогда не говорил открыто, не разговаривал по-настоящему с чуваком в соседнем кресле. Интересно, а я вообще способен на это? Ведь если способен, то значит, что сегодня со мной и правда что-то стряслось, и это что-то вовсе не было случайным шоком.

Но я не могу начать на пустом месте. Надо бы найти какой-то обходной путь.

Разумеется, нет ничего проще, как выяснить, что он обо мне думает, взять и спросить?

– Дональд?

– Норман?

Они оба несколько неловко рассмеялись.

– Что ты хотел сказать?

– Нет, нет, ты первый.

– Ладно, я первый. Дональд, что ты можешь сказать о Бенинии? Хотелось бы освежить память.

Контекст (5)

Большие угодья

«За полвека с начала первых дебатов мы – отнюдь не безболезненно – сумели переварить дарвиновскую теорию эволюции в том, что касается физических характеристик. (Я говорю «мы», но если вы – не вылезающий из Библии фанатик, то сейчас, наверное, возьмете книгу за уголок и, держа на расстоянии вытянутой руки, церемониально отправите ее туда, куда складываете все самые разумные идеи наряду со всем прочим, чье существование вы никак не соизволите признать, а именно в мусор.)

Мы так и не усвоили ту простую истину, что эволюция приложима и к умственной деятельности, и из того, что собака есть собака, дельфин есть дельфин, следует, что они обладают сознанием, представляют себе, кто они есть, и это сознание и понимание, разумеется, отличается от нашего, но не обязательно хуже его или ниже. Разве яблоко хуже апельсина?

Впрочем, я пытаюсь рассказать о том, что творится с вами, а не с вашим невротичным пуделем Креп-Сюзетт. Хорошего психолога-ветеринара, вероятно, можно найти, позвонив в справочную. Вы не поверили бы ему, начини он рассказывать, сколько у вас общего с вашим питомцем, и вероятнее всего не поверите сейчас мне. А вот если я достаточно вас раздражаю, вы, возможно, хотя бы попытаетесь придумать аргументы, чтобы доказать, что я не прав.

По существу: у вас с Креп-Сюзетт две общие черты. Вы – стайное животное, и собака тоже. Вы защищаете свою территорию, и собака тоже. (Тот факт, что свои угодья мы размечаем стенами, а не мочой, особого значения не имеет.)

Сказки про Благородного Дикаря, отгоняющего волков от входа в пещеру, вооружившегося дубиной, чтобы встать один против всех, пока его самка и чада испуганно жмутся на заднем плане, сплошь дерьмо китовое. Когда мы развились настолько, чтобы искать убежища в пещерах, почти наверняка у нас было заведено собираться в стаи, как по сей день делают бабуины, а когда приходит свора бабуинов, все – заметьте, все! – остальные спешат убираться подальше. Сваливают даже львы, а льва не назовешь созданием беззащитным.

Львы, можно сказать, одиночки и обыкновенно в парах обрабатывают охотничьи угодья, поставляющие им для пропитания достаточно добычи. Или недостаточно, в зависимости от давления со стороны других представителей вида. (Заведите некастрированного кота и увидите весь процесс в миниатюре.) Эволюция на стороне стайных животных: вместе они смертельная угроза. Львы узнают это еще котятками, но потом не обращают внимания на такие практические мелочи, вот почему бабуины способны их оттеснить.

NB¹⁷: я сказал «все», а не «всё». Вы не распознали бы в своих предках людей, хотя они таковыми были, а вы до сих пор ими являетесь. Эти предки были заносчивыми сволочами – а как еще они могли стать доминирующим видом на нашем шарике грязи? От них вы унаследовали почти всё, что делает вас человеками, за вычетом нескольких завершающих штрихов вроде языка. А заодно вы унаследовали потребность пометать территорию. Если кто-то заходит на вашу, то вы, вполне возможно, превратитесь в убийцу-маньяка, пусть даже вам не нравится мысль, что вы можете убивать сами, – увы, в этом одна из наших немногих претензий на уникальность.

Защита территории работает следующим образом. Возьмите животных какого-нибудь быстро размножающегося вида, например, крыс или даже кроликов (хотя в отличие от нас с вами они травоядные) и дайте им размножаться в замкнутом пространстве, на всех стадиях обеспечивая им достаточное количество воды и пищи. Уже в самом начале вы увидите, что

¹⁷ Nota bene (лат.) – возьми на заметку.

при возникновении конфликтов они ведут себя в традиционной для крыс манере: драчуны становятся друг против друга, затем следует обманное движение, короткий внезапный удар, нападение и отступление. Победа достается более квалифицированному задире. Также матери заботятся о молодняке.

Когда загон заполняется до определенного предела, бои перестают быть символическими. Появляются трупы. А матери начинают поедать потомство.

Еще более наглядно это на примере зверей-одиночек. Посадите готовую к спариванию самку в слишком маленькую клетку, уже занятую здоровым самцом, и вместо того, чтобы поддаться инстинкту продолжения рода, он ее выгонит. Может даже убить.

Вывод неутешительный: нехватка территории, пространства, в котором можно свободно перемещаться и которое можно называть своим, ведет к нападению на представителей собственного вида, и это вопреки даже обычной групповой солидарности, свойственной стайным животным. А вы сами? Наорали вчера на кого-нибудь?

Однако будучи представителем вида, которому не откажешь в изобретательности, вы отыскали два способа, посредством которых свою территорию можно абстрагировать: один – посредством частной жизни, другой – посредством собственности.

Из этих двух первый – более физиологичный и более надежный. Ваша фундаментальная потребность – иметь уголке, свою территорию, границы которой признает группа равных, но вам нет необходимости поступать подобно собакам, котам и другим биологическим видам, то есть помечать его физическими следами, а потом постоянно патрулировать периметр, чтобы отгонять чужаков. Вы можете абстрагироваться в небольшое ограниченное пространство, куда никто не может вторгнуться без вашего разрешения, и в нем вы способны вести себя вполне рационально. Один из первых признаков богатства – изобилие, иными словами, стремительное повышение стандартов частной жизни: выходец из семьи со сравнительно низким доходом вынужден мириться с тем, что его детство пройдет в шумной, перенаселенной среде обитания, или, говоря языком современного квартиросъемщика, одна комната жилища (если в нем больше одной) будет общей для всей семьи и в ней сосредоточится деятельность стаи. Однако человек, родившийся в более состоятельной семье, с того момента, как учится читать, принимает как данное то, что есть комната, куда он может пойти и закрыться от всего мира.

Вот почему: а) люди из состоятельного слоя окажутся лучшими товарищами в условиях лишений, к примеру, в полете на Луну: тесное соседство других особей своего вида они не воспринимают как постоянное ограничение их права на территорию, сколь бы сильно она ни была абстрагирована от исходного клочка земли; б) стандартный путь из трущоб и гетто лежит через преступность: одни особи отвоевывают себе пространство за счет других и потому постоянно вторгаются в чужие уголки; в) банды возникают, как правило, в двух контекстах: во-первых, в трущобах или гетто, где частная жизнь как составляющая уголка невозможна и имеет место возвращение к первобытному состоянию с его охотой в стае и патрулированием физического клочка земли как такового; во-вторых, в вооруженных формированиях, где банда облагораживается, получая название «дивизия» или еще какое-нибудь напыщенное ругательство, но здесь возвращение к первобытному состоянию целенаправленно насаждается посредством лишения частной жизни (размещение в бараках) и лишения собственности (ты носишь не одежду, которую сам выбрал и купил, а военную форму, и эта форма С (на) ША). Участие в армейских боевых действиях подразумевает состояние психоза, усугубляемое психической обработкой, методы которой открывает – всякий раз заново – каждый сукин сын-завоеватель, вытащивший свой отсталый народ из спокойного, цивилизованного небытия (Чака Зулу, Аттила, Бисмарк и иже с ними) и пинками погнавший его резать соседей. Я не одобряю тех, кто поощряет психоз в других людях. Вы же, наверное, одобряете. Избавьтесь от этой привычки.

Мы размножаемся так быстро, что не можем предоставить популяции себе подобных адекватной частной жизни. Это не обязательно фатально: в конце концов, тяга к изобилию

стала непреодолимой лишь после того, как мы – я имею в виду человечество как биологический вид – это изобилие открыли. Но мы подрываем и альтернативную форму абстрагирования территории, а лишенные обеих, окажемся такими же психопатами, как хороший солдат.

Смысл абстрагирования в сторону собственности заключается в том, что угоды составляет экстернализованное подспорье самоотождествления. Поместите человека в камеру сенсорной депривации, и оттуда он выйдет трясущимся или орущим благим матом... Нам нужна постоянная подпитка от окружения, заверяющая нас в том, что мы действительно те, кем себя считаем. В первобытном состоянии такая подпитка исходит от угоды или территории. В состоянии, какое мы описали несколькими абзацами выше, способность абстрагироваться от постоянно колеблющегося давления других представителей нашего вида вынуждает к периодической переоценке идентичности. Мы можем опираться на группу предметов (этакий суррогат клочка земли), но только в том случае, если они обладают: а) жесткими личными коннотациями и б) постоянностью. Современная среда обитания отказывает нам и в том, и в другом. Находящиеся в нашей собственности предметы были изготовлены не нами (разве что нам повезло и мы обладаем ярко выраженными творческими способностями), а на автоматизированном заводе, и более того (что бесконечно хуже) – на нас оказывают давление, требуя, чтобы мы раз в неделю их выбрасывали, обновляли, иными словами, вносили перемены в ту область нашей жизни, где нам более всего нужна стабильность. Если вы настолько богаты, чтобы покупать антиквариат, значит, антиквариат вам нравится как прямой доступ в прошлое, а вовсе не потому, что вы ценитель.

Античная система рабовладения продержалась довольно долго, невзирая на парадоксальную дискретность общечеловеческой идентичности, подразумевающуюся в любом социальном устройстве. Американская система рабовладения начала разваливаться еще до начала Гражданской войны. Почему? Ответ, помимо всего прочего, содержится в Кодексе Хаммурапи, в первом из известных на сегодняшний день по-настоящему разработанных сводов законов. Впрочем, и для него верно, что наказание за нанесение увечья свободному человеку много тяжелее, чем за нанесение увечья рабу, – раб-то всегда под рукой. При римлянах раб обладал неким неотчуждаемым объемом собственности (NB!) и гражданских прав, нарушить которые не мог даже его хозяин. Для должника возможно было продать себя в рабство и вернуть долг в разумном – пусть притяннутом за уши, но не несбыточном – предвкушении того, что получится вернуть утраченное состояние. Первый известный преуспевший банкир был греческим рабом по имени Пасион, которые выбился в миллионеры, купил себе свободу и взял в компаньоны своих бывших хозяев.

В случае американского негра-раба подобная система возможностей вообще не предусматривалась. Раб имел те же права, что и скотина, то есть никаких. Предположительно добрый хозяин мог отпустить на волю раба, оказавшего ему услугу, или в дополнение к свободе назначить ему пенсию – так отправляют на пастбище в мире доживать свои старческие годы любимую лошадь. Но дурной хозяин мог раба изувечить, клеймить или засечь до смерти девятихвосткой с железными грузилами, и не было никого, кто бы призвал его к ответу.

Верно, вы не раб. Вам намного, намного хуже. Вы – хищный зверь, запертый в клетке, прутья которой не неподвижные, прочные предметы, которые можно глодать или о которые можно биться в отчаянии головой, пока не напьетесь вусмерть виски и не перестанете изводить себя. Нет, эти прутья – конкурирующие представители вашего собственного вида, в среднем как минимум такие же изворотливые, как вы, вечно перемещающиеся, так что вы не способны их пришить, готовые без малейшего предупреждения поставить вам подножку, дезориентирующие вас в вашей личной среде, пока вам не захочется схватиться за пистолет или топор и превратиться в мокера. (По сути, именно поэтому в них и превращаются.)

И таких сейчас больше, чем когда-либо прежде. Вы же привыкли ожидать частной жизни, чтобы время от времени сбросить напряжение, но частная жизнь становится все более и более

дорогостоящей, поэтому считается нормальным, что даже хорошо оплачиваемый бизнесмен пускает кого-то в свою квартиру, чтобы совместно пользоваться жизненным пространством, на оплату которого уже не хватает его собственного заработка – если в квартире, например, достаточно большие комнаты, чтобы вместить не только его самого, но и его личную собственность. А сегодняшняя агрессивная реклама приказывает вам выкинуть эту лелеемую собственность и приобрести другие, чужие для вас вещи. А еще вам день и ночь твердят из разных официальных источников, дескать, люди, которых вы не знаете, но которые придерживаются таинственных квазирелигиозных заповедей, известных как марксистско-ленинско-маоистская догма, и общаются на языке, знаки которого вы и письменностью-то не считаете, пытаются вторгнуться в угоды вашей банды, вашей нации. И еще...

В последнее десятилетие двадцатого века объем продаж транквилизаторов подскочил чудовищно – на тысячу триста процентов. Если ваша страна не слишком бедна и в состоянии обеспечивать поставки, два из пяти ваших знакомых – нарики и сидят на каком-нибудь, возможно, разрешенном и приемлемом в обществе наркотике вроде алкоголя. Впрочем, скорее всего они сидят на транках, которые, кстати, подавляют способность к оргазму и толкают человека, на них подсевшего, прибегать к оргиям, якобы стимулирующим ослабленную потенцию, или на таком препарате, как мозголом, который в качестве приманки обещает «уникальный личный опыт» и с большей вероятностью повлечет за собой старческую деменцию, чем курение табака – рак легких.

Короче говоря, ваша жизнь от рождения до смерти сродни шагам безнадежно пьяного канатоходца, чей номер до сего момента был настолько плох, что теперь его забрасывают тухлыми яйцами и пустыми бутылками.

А стоит вам упасть – с непреложной неизбежностью, – и случится вот что: вас изымут из привычной среды (она вам не нравится, но хотя бы не совершенно вам чужда) и поместят в другое место, где вы никогда раньше не были. Главным лишением станет лишение территории: вас запихнут в камеру, в которой нет решительно ничего, что помогало бы вам идентифицировать себя как самостоятельную личность. Вторичным лишением станет отсутствие абстрактных эквивалентов территории: у вас отберут одежду, которую вы сами себе выбрали, и дадут вам заношенные тряпки из вторых или двадцатых рук, и у вас не будет ни малейшей частной жизни или уединения, поскольку, сообразуясь с особым, беспорядочным расписанием (чтобы вы не могли даже определить время по приступам голодных резей в желудке), станут распахивать дверь и пялиться на вас, чтобы узнать, что вы делаете.

В конечном итоге вы изобретете собственный язык, поскольку иного способа изолировать себя у вас не будет; вы станете карябать на стенах письма своими экскрементами, так как в этом месте вам не принадлежит ничего, кроме продуктов вашего тела; и вас назовут безнадежным и «интенсифицируют» прописанное вам «лечение».

Не говорите, что с вами такого не случится. В последние сто лет шансы на это растут ежедневно. По меньшей мере пять ваших знакомых побывали в психиатрической клинике, и из этих пятерых по меньшей мере один приходится вам родственником, пусть только двоюродным или троюродным. Опять же, если это не так, то только потому, что вы живете в слишком бедной стране, которая не может себе позволить достаточно психбольниц, чтобы охватить все свое население в общепринятых масштабах.

Слава богу, что есть такие страны! Если то, что я здесь пишу, вас встревожило, вам следовало бы туда иммигрировать».

«Вы: Зверь» Чада С. Маллигана

Прослеживая крупным планом (5) Изменяющий парадигмы

По пути к прекрасным современным небоскреbam Университета патриотизма студенты, немного конфузясь (ведь власть предрежащие суеверий не одобряют), обычно заглядывают в разукрашенный многоцветными флажками и позолотой храм, чтобы, задабривая духов, возжечь пирамидки-вулканчики из благовонной пасты и благодаря этому чуточку полнее сосредоточиться на занятиях.

Многое изменилось в Ятаканге, но тот, кто, на взгляд людей влиятельных, больше всего был за это в ответе, чурался известности. Более того, один крайне важный фактор оставался неизменным: в Ятаканге, быть может, более, чем в любом другом месте на поверхности планеты, люди ощущали произвол высших сил.

Богатства сотни расхваливаемых островов, на которых раскинулась эта страна, были почти невероятны. Из всех стран Азии Ятаканг один мог экспортировать излишки продовольствия, по большей части сахар и рыбу. Источником последней, поставляемой тысячетонными партиями, служил специальный штамм *Tilapia* (в народе «тиляпия»), модифицированный профессором Люакартой Моктилонгом Сугайгунтунгом. Благодаря многочисленным месторождениям страна могла обеспечивать себя такими благами, как алюминий, бокситы и нефть, которая использовалась не как топливо, а для изготовления пластмасс и полимерных материалов. (Искусственно выведенная профессором Сугайгунтунгом бактерия сама разбивала местную маслянистую горючую жидкость на поддающиеся откачке более легкие фракции и проделывала это на глубине мили под землей.) Это была самая большая страна в мире, в которой не было ни одного завода по синтезу резины. (Местные плантации были беспощадно очищены от культур двадцатого века и заново засажены выведенным Сугайгунтунгом штаммом, который давал вдвое больше латекса, чем все прочее.)

Но все это процветание могло в одночасье – без предупреждения иного, нежели дрожь иглы на бумажной ленте, – рухнуть от ярости Дедушки Лоа, дремлющего у пролива Шонгао. Древний вулкан мирно спал с самого 1941 года, но рынок вулканчиков благовоний все равно процветал.

– А теперь я хотел бы, – сказал Сугайгунтунг орангутангу, – чтобы ты пошел в комнату с синей дверью. Понял? Синей! И заглянул в каждый ящик стола, пока не найдешь свое изображение. Принеси мне его. И поскорей!

Орангутанг почесался. Он, пожалуй, был не самым привлекательным представителем своего вида. Нежелательный побочный эффект наградил его плешивостью, и живот и часть спины у него были голыми. Но, обдумав инструкции, он послушался и, переваливаясь, побежал к двери.

Самым важным из четырех посетителей доктора Сугайгунтунга и единственным, который сидел, был массивный мужчина в простом серовато-белом костюме, его стриженные ежиком волосы покрывала традиционная черная шапочка. В надежде на скорое одобрение Сугайгунтунг обратился к нему:

– Уверен, вы признаете, что это демонстрирует его способность выполнять голосовые команды, а также распознавать цвета, обычно не воспринимаемые особями его вида, и, более того, отыскивать свое собственное изображение среди всех прочих. Учитывая сложность проблемы и короткий срок, отведенный на ее решение, это подлинный прорыв...

Посетитель носил с собой короткую трость. Желая поменять тему разговора, он ударял ею по ботинку. Именно это он сделал сейчас – со звуком, похожим на щелчок кнута. Рефлекторно, словно собака Павлова, Сугайгунтунг умолк.

Посетитель встал и в пятый или шестой раз обошел лабораторию, особо задержав взгляд на рамах на стене. Тут была и третья, и пятно не поблекшей краски еще выдавало ее прежнее место, но главе лаборатории вскользь дали понять, что даже номинация на Нобелевскую премию в области химии слишком непатриотична, чтобы выставлять ее напоказ. Остались только карта мира и портрет маршала Солукарты, главы Ведомой к Социализму Демократической Республики Ятаканг.

– Вы в последнее время смотрели на эту карту? – внезапно спросил посетитель.

Сугайгунтунг кивнул.

Сверкнув, трость превратилась в указку и легонько постучала по прикрывающему карту стеклу.

– Точно нарыв на теле Ятаканга остается эта язва американского империализма, этот памятник их откровенной алчности! Вижу, – кивнул он с чуть большим одобрением, – ваша карта хотя бы не замарана названием Изола.

Карта была доизольской, но Сугайгунтунг решил, что не может поставить это себе в заслугу, а потому промолчал.

– И хотя наши друзья и соседи китайцы, – указка сдвинулась к северо-западу, – такие же азиаты, как мы, поистине прискорбно, что они столь долго были жертвами европейской идеологии.

Сугайгунтунг выразил живое согласие. Речь гостя несколько отличалась от официальной линии, поскольку масса народонаселения Китая была слишком велика, чтобы оскорблять их страну, но выражала дозволенное внутри партии мнение.

Трость-указка описала продолговатую, похожую на банан петлю, охватившую широко раскинувшиеся острова Ятаканга.

– Вскоре все поймут, – негромко продолжал посетитель, – что настало время внести воистину азиатский вклад в будущее нашей части планеты. В пределах наших границ у нас двести тридцать миллионов человек с непревзойденным уровнем жизни и образования, непревзойденным уровнем политической просвещенности. Куда подевалась ваша обезьяна?

С упавшим сердцем Сугайгунтунг послал ассистента на поиски орангутанга. Он попытался объяснить, что все экспериментальные предшественники животного убили себя, поэтому одно то, что существо еще живо, уже победа, но посетитель снова хлопнул себя по ботинку. Повисло зловещее молчание, пока не вернулся юноша: ведя обезьяну, он тихонько ее отчитывал.

– Он нашел свое изображение, – объяснил он. – К сожалению, в том же ящике оказалась фотография его любимой самки, и он остался на нее поглядеть.

По физическому состоянию орангутанга – мучительно очевидному из-за проплешины на животе – было ясно, что он твердо научился распознавать двумерные изображения – продвинутое умение, которому некоторые группы людей, например бушменов и бедуинов, приходилось обучать миссионерам. Но Сугайгунтунг решил, что нет смысла пытаться донести этот факт до посетителя.

Последний фыркнул.

– Почему вы работаете с таким малообещающим материалом?

– Я не совсем вас понял, – рискнул возразить Сугайгунтунг.

– Мартышка остается мартышкой, подправили вы ей хромосомы или нет. Почему бы не работать на уровне, где большая часть работы уже проделана за вас?

Сугайгунтунг все еще смотрел недоуменно.

Посетитель снова сел.

– Послушайте, доктор! Даже запершись у себя в лаборатории, вы не можете забыть о внешнем мире, правда?

– Я исполняю мой гражданский долг. Я по несколько часов в день посвящаю изучению положения дел в мире и регулярно посещаю информационные собрания своего района.

– Хорошо, – саркастически одобрил посетитель. – Далее вы поклялись посвятить себя целям нашего народа: возвращению ныне находящихся под пятой американцев островов Сулу в состав нашей страны, на их исторически законное место, упрочению Ятаканга как естественного первопроходца азиатской цивилизации?

– Разумеется. – Сугайгунтунг сцепил руки.

– И вы никогда не уклонялись от внесения своего вклада в осуществление этих целей?

– Думаю, об этом свидетельствует моя работа. – Сугайгунтунг начал поддаваться раздражению, иначе ни за что не подошел бы так близко к похвальбе.

– В таком случае вы примете предложение, которое я сейчас сделаю, особенно потому что Вождь, – указка мимоходом отсалютовала фотографии на стене, – лично выбрал его как наиболее перспективный выход из наших сегодняшних и, разумеется, временных затруднений.

После, проиграв спор, Сугайгунтунг ловил себя (и не впервые за последние месяцы) на том, что жалеет, что традиция воссоединения с честью с духами предков в государстве двадцать первого века была запрещена как неуместная.

Контекст (6)

Выходишь там, где...

Бениния (Бе-ни-ния) – страна в Западной Африке, к северу от Гвинейск. залива, 6330 кв. миль, пригл. нас. (1999) 870 000. Ст-ца Порт-Мей (127 000). Рыб-во, с/х, ремесла.

1883–1971 – колония и протекторат брит. кор. С 1971 незав. респ.

Нас-ние: 85 % шинка, 10 % холаини, 3 % иноко, 1 % кпала.

Вер-ние: 30 % христиан, 30 % мусульман, 40 % раз. язык. культы.

«...и по сей день остается самым жестоким наследием колониальной эксплуатации. Страна, которая своей нынешней чрезвычайной перенаселенностью обязана притоку беженцев от племенных конфликтов на сопредельных территориях и которая почти совершенно лишена природных ресурсов и потому неспособна себя обеспечивать. Не раз получая помощь ООН, она была низведена до положения нищего в мировом сообществе, невзирая на гордый отказ президента Обоми от «технического содействия» Китая. Видя перед собой печальную судьбу бывших французских колоний, президент Обоми, возможно, прав с точки зрения видов на будущее, но это будущее пока не наступило, а краткосрочные прогнозы обещают голод и эпидемии...»

(НЕГР. Представитель подгруппы человеческой расы, который происходит (или чьи предки происходили) с части суши, обзываемой (не местным населением) Африкой. Негры стоят выше европеоидов в том, что не изобрели ядерного оружия, автомобиля, христианства, нервно-паралитического газа, концентрационных лагерей, эпидемий милитаризма и мегаполисов.

«Словарь гиперпреступности» Чада С. Маллигана)

– Старик Зэд сидит в своем кресле уже сорок лет, и я все спрашиваю себя: он так держится за пост потому, что этого хочет, или потому, что просто во всей этой захудалой стране нет никого, кто был бы способен его сменить?

Режиссерский сценарий (5)

Слушайте-слушайте

Из спальни Нормана Виктория вышла в прозрачном белом трико и домашних брюках Максесс: короткие, до середины бедра штанины были украшены сзади оборками, собранными на попке в подпрыгивающую розетку, а спереди состояли из трех слоев тяжелой золотой бахромы на шнурке, натянутом между тазовыми костями. По всей видимости, столько времени у нее ушло не на одевание, а на возню с прической и макияжем. Теперь ее почти белые волосы были уложены и закреплены в модном стиле а-ля антенна, вены прорисованы синим (один остряк окрестил эту моду «терка-контур»), а ногти, соски и контактные линзы – хромированы.

Поглядев на мужчин ровно столько, чтобы определить, что они заняты разговором, она ушла в угол, где стоял ее полиорган. Надев наушники, чтобы не мешать им своими упражнениями, она в который раз начала разучивать простое упражнение с тремя тактами левой рукой и пятью правой.

Всякий раз, когда его спрашивали о чем-то, лежащем за пределами его специализации, Дональд чувствовал себя ужасно неловко, сознавая глубину своего невежества. Однако когда он суммировал все, что мог вспомнить о Бенинии, – про себя удивляясь, почему бы Норману просто не взяться за телефон и набрать энциклопедическую справочную, – афрам был искренне поражен.

– Спасибо. Ты напомнил мне кое-что важное, о чем я совсем позабыл.

– Откуда вдруг интерес к такой незначительной стране? – копнул поглубже Дональд.

Норман глянул на Викторию, решил, что за нестройным рокотом органа в наушниках она все равно ничего не сможет подслушать, и криво улыбнулся.

– У тебя в службе безопасности «Джи-Ти» никого нет?

– Конечно нет, – с оттенком раздражения ответил Дональд и приготовился встать, чтобы налить себе еще.

Норман едва не взорвался («Ну, разумеется, бледнозлые все понимают вкривь и вкось!»), но взял себя в руки.

– Извини, я хотел сказать... – Он с трудом сглотнул. – Я хотел сказать, ты не против, если я поделюсь с тобой кое-чем, о чем, строго говоря, не следовало бы упоминать?

– Обещаю, дальше меня это не пойдет, – заверил его Дональд, снова откидываясь на спинку кресла. К чему это он? Так Норман еще никогда при нем не нервничал: сейчас он даже заламывал руки, будто мог выжать проступивший на ладонях пот.

– Скажи, как по-твоему, зачем бы Старушке Джи-Ти плюс казначею корпорации и старшему вице-президенту по проектам и развитию приглашать на ланч с Элиу Мастерсом, потом выставлять меня как... как комика кабаре и при этом не обсуждать ничего, повторяю, ничего, кроме банальностей?

Эти слова он произнес с нажимом, ведь они символизировали то, что могло бы быть важным прорывом.

Дональд был поражен, что Норман после столь долгого периода взаимной вежливости – иногда переходящей в ехидство – вдруг ему доверился. Постаравшись скрыть свою реакцию, он покопался в памяти, вспоминая названного человека.

– Элиу Мастерс? Ах да! Он был нашим послом на Гаити, так? Потом его послали в Бенинию, и ходили слухи о смещении с должности, намеки на какой-то скандал.

Норман вздохнул:

– Мы, афрамы, чувствительны как ссадина, а? Еще были обвинения в пристрастности и всевозможных зловещих махинациях. В слухах о скандале я бы усомнился, поскольку с интересом следил за его карьерой, и все, кого я знаю, хвалили его за честность, а что до остального... Ну, трудно себе представить, что его послали гнить в какой-нибудь глуши.

– Думаешь, за его переводом крылась какая-то причина? – предположил Дональд. – Что ж, такое возможно, но... при чем тут твоя корпорация? На мой взгляд, она тут не при делах, но тебе лучше знать.

После короткого промедления Норман сказал:

– Сперва я решил, что это может быть связано с ПРИМА.

– Проектом Разработки Ископаемых Минералов в Атлантическом океане? – Дональд несколько секунд это обдумывал, потом пожал плечами. – Ходят слухи, что Джи-Ти волосы на себе рвет: нашла сокровищницу минералов, а разрабатывать залежи ей не по карману... Так вот где собака зарыта?

– В общем, да, – согласился Норман. – Дело в том, что доставка пригодной к переработке руды с ПРИМА на поверхность стоит будет примерно столько же, сколько ее добыча из более традиционных источников. Сколько наши инженеры ни бились, они так и не смогли придумать, как удешевить этот метод. Цены на сегодняшнем рынке – на самом нижнем пределе для продукции ПРИМЫ, но конкуренты с радостью урежут свои доходы, лишь сбив цены, оставить в дураках «Джи-Ти». «Джи-Ти» придется конкурировать себе в убыток, а ведь разрабатывать золотую жилу так – идиотизм чистой воды, да?

– Ну и какая может быть связь между Бенинией и ПРИМА?

– Никакой, насколько я понимаю. Рынков там нет. Правительство слишком бедно, чтобы покупать даже со скидкой. Иными словами, дело не в «Джи-Ти», а, по всей видимости, в Государстве.

Дональд потер подбородок.

– Как? Разумеется, ни для кого не секрет, что и Дагомалия и РЕНГ зарятся на Порт-Мей. В потенциале это одна из лучших гаваней Гвинейского залива. В настоящий момент там всего лишь рыболовецкий порт, но если его основательно почистить и обустроить... Гм! Да, пожалуй, Государство может быть заинтересовано в независимости Бенинии.

– Но какой ему от нее прок? Порт-Мей как морская база?

– Там уже есть наша карманная республика Либерия. Можно сказать, в двух шагах. В любом случае Порт-Мей слишком уязвим: хорошо обученная армия могла бы за полдня изолировать город, а еще за двое суток оккупировать всю страну.

– Просто из принципа? Чтобы она не попала в руки соседям-экспансионистам?

– Сомневаюсь, что Государство стало бы вмешиваться до такой степени, даже если бы президент Обоми на коленях умолял. Посмотри, что вышло с Изолой. Двадцать лет прошло, а протесты все не утихают, то и дело кто-нибудь на демонстрации выходит, а ведь объединение произошло в результате плебисцита.

У Нормана вдруг отпала челюсть, точно его вдруг озарило. Дональд подождал, не озвучит ли он посетившую его мысль, а потом рискнул высказать свою догадку:

– Ты спрашиваешь себя, не Мастерс ли это обратился к «Джи-Ти», а не наоборот?

– Клянусь бородой Пророка! Дональд, ты что, скрытый телепат? Именно об этом я сейчас и думал. Странно было бы, чтобы такой человек, как Мастерс, ушел с дипломатической службы ради мягкого кресла в совете директоров, где больше престижа, чем честной работы. В отставку ему еще рано, к тому же он слишком успешен на своем поприще, чтобы его можно было перекупить и так заставить отказаться от выбранной карьеры. И за ланчем тоже не было сказано ничего, что позволяло бы предположить, будто Джи-Ти пытается перетящить его к себе, хотя если уж на то пошло, говорили-то там о пустяках.

Снова повисло молчание. Мозг Дональда гудел, обрабатывая рассказанное Норманом, и он готов был подождать, пока тот продолжит, – к чему рисковать случайным замечанием свести разговор на другое. Однако Норман погрузился в рассматривание собственной левой руки, которую поворачивал то тыльной стороной вверх, то ладонью, будто никогда прежде не видел. Если он и намеревался сказать что-то еще, то довольно долго тянул, подбирая слова.

Когда же он наконец как будто собрался открыть рот, его опередила Виктория, которая, стянув наушники, повернулась к ним на табурете.

– Норман! У нас есть какие-нибудь планы на вечер?

Вздвигнув бровь, Норман поглядел на часы. Потом вскочил с кресла.

– Извини! Я едва вечернюю молитву не пропустил. Сейчас вернусь, Дональд.

– А я ответа не получу? – подстегнула его Виктория.

– Гм? А... Нет, у меня нет настроения. Спроси Дональда.

Так она и сделала, вздернув одну выщипанную бровь. Он помедлил с ответом: не имея в данный момент собственной терки, которую мог бы предложить взамен Норману, он последние две недели редко бывал в обществе Виктории. Сейчас ее безупречное искусственное совершенство вызвало у него только раздражение, напомнив про Гвиневру Стил и препараты из ее прославленных «Бьютиков».

– Нет, спасибо, – пробормотал он и пошел за выпивкой, за которой собирался встать еще несколько минут назад.

– Тогда ты не против, если я пойду погуляю? – направляясь к двери, обиженно сказала Виктория.

– Гуляй сколько хочешь, – бросил через плечо Норман, прежде чем исчезнуть в своей спальне, где обращенный к Мекке уже был расстелен молитвенный коврик.

Хлопнула дверь.

Предоставленный самому себе, уже почти жалея, что отклонил предложение Нормана, Дональд принялся рассказывать взад-вперед по просторной гостиной. Окружающее только частично занимало его, из головы не шло нехарактерное поведение Нормана.

Вскоре случайные скитания привели его к полиоргану. С тех пор как Виктория у них поселилась, он ни разу внимательно его не рассматривал. Последней модели инструмент складывался – с сиденьем и всем прочим – до размера чемодана, к тому же был настолько легким, что Виктория могла поднять его двумя пальцами.

Дональд полюбовался глянцевым полихромно-переливчатым покрытием: в миллиметровом слое лака свет разлагался на спектральные компоненты, словно материал погрузили в радужные краски. Бездумно поднеся к уху наушник, он нажал наугад несколько клавиш.

Диссонансный рев грозил разорвать барабанную перепонку.

Он отдернул руку, будто инструмент его обжег, и поискал в череде переключателей тот, который уменьшил бы звук. За мгновение до того, как он повернул его, ему пришла в голову тревожная мысль.

При такой громкости Виктория играть не могла. Она бы оглохла. Зачем перед уходом на прогулку она выставила инструмент на максимум?

Без причины иной, нежели та, что подобные мелкие нестыковки всегда его привлекали (по той же причине, если уж на то пошло, он так громко роптал на убожество американского образования, что привлек внимание Управления дилетантов), он сел за консоль и начал разбираться, как устроен инструмент.

Не прошло и пяти минут, как он обнаружил пружинное реле, активируемое давлением чуть большим, чем обычно прикладывал музыкант, на расположенную на высоте его правого колена педаль контроля вибрато.

Размышляя, что ему теперь делать, он сидел почти неподвижно, пока из спальни не вышел Норман. Как обычно, несколько минут молитвы вернули афраму спокойствие и доброе расположение духа.

– Ты, часом, на этой штуке не играешь, а? – поинтересовался он, словно нисколько не удивился бы, узнав, что с самого появления в этой квартире Дональд скрывал свое музыкальное дарование.

Дональд принял решение. Что-то ведь крылось за небывалым для Нормана порывом довериться своему квартиранту. Еще один мелкий шок может стряхнуть внутренние барьеры и заставить его совершенно открыться.

– Иди сюда. Думаю, тебе лучше это послушать, – сказал он.

Норман недоуменно подчинился и взял протянутые Дональдом наушники.

– Мне их надеть?

– Нет, просто приложи один к уху. А теперь слушай.

Дональд нажал единственную клавишу, и раздался чистый музыкальный звук.

– Похоже на...

– Подожди-ка.

Дональд с силой нажал на контроль вибрато. Чистая нота бешено задрожала, пока реле не закоротило, и она не начала переходить то на полтона выше, то на полтона ниже своего основного звучания. Еще сильнее...

Музыкальный звук исчез.

Отдаленно, но отчетливо голос сказал: «... Именно об этом я сейчас и думал. Странно было бы, чтобы такой человек, как Мастерс, ушел...»

Дональд отпустил потайной переключатель, и вибрировавшая нота вернулась и звенела, пока он не убрал палец с клавиши.

Несколько долгих секунд Норман стоял как статуя. Потом, начиная с рук, все его тело задрожало. Дрожь била его все более крупная, он покачивался, едва держался на ногах. Наушники Дональд спас из его безвольной руки за минуту до того, Норман их отпустил, а потом сочувственно повел его к креслу.

– Прости, – сказал он, усаживая его. – Но я подумал, тебе следует узнать сразу. Принести тебе транк?

Уставившись в никуда расширенными глазами, Норман едва заметно кивнул.

Дональд принес таблетку и стакан воды, чтобы ее запить. Он постоял рядом, пока с прекращением дрожи не стало ясно, что препарат подействовал, потом сказал:

– Ну да ладно... уж конечно, в «Джи-Ти» тебя обвинять не станут. Там не могут не знать, что любой чувак в твоей должности сразу же становится объектом шпионажа, а на такой хитрый приборчик наткнуться можно только случайно, как я.

– Плевать мне на «Джи-Ти», – деревянным голосом сказал Норман. – «Джи-Ти» – крутая, сволочная корпорация и сама может за себя, сраную, постоять. Оставь меня в покое, ладно?

Сосредоточенно следя за малейшими движениями Нормана, Дональд осторожно отступил.

– Два таких потрясения за один день...

– Да не лезь ты! – взвился вдруг Норман и вскочил на ноги. Он успел сделать три длинных шага к двери, прежде чем к Дональду вернулся дар речи.

– Норман, господи помилуй, ты же не собираешься ловить Викторию! Какой смысл...

– Заткнись! – бросил через плечо Норман. – Разумеется, я не собираюсь ловить эту паршивую терку. Если она еще хоть раз осмелится тут показаться, я сдам ее за экономический шпионаж. И уж поверь, для меня это будет большим облегчением.

– Тогда куда ты идешь?

Уже на пороге Норман круто развернулся и уставился в лицо Дональду.

– Тебе-то какое дело? Ты бескровный, безликий зомби, у тебя все по полочкам разложено, ты холоднее сжиженного воздуха! Ты не купил право знать, что я делаю... своей дилетантской отстраненностью и бесконечной бледнозадой вежливостью! – Несмотря на действие только что проглоченного транквилизатора, он хватал ртом воздух, словно пробежал марафон. – Но я все равно тебе скажу... Я попытаюсь разыскать Мастера, чтобы исправить вред, который сегодня причинил.

И ушел.

Со временем Дональд обнаружил, что причина боли, какую он чувствует в ладонях, в том, что он с силой вдавливая в кожу ногти. Медленно-медленно он распрямил пальцы.

Сволочь, гад... какое он имеет право?..

Гнев потух точно умирающий огонь и оставил по себе кислое отвращение. Следующую порцию виски Дональд опрокинул залпом, едва почувствовав его вкус.

Не мог же Норман так съехать с катушек от одного только предательства Виктории. Должен же он был понимать, что как ребенок подставляется из-за своей неизменной привычки каждый год приводить в квартиру по три-четыре новые терки, причем одного и того же типа. Идя на такое задание, корпоративная терка сильно рискует, но когда объект экономического шпионажа вице-президент «Дженерал Текникс», премию сулят такую, что ни одна не устоит.

Интересно, какая корпорация ее наняла?

Но все это пустое, ненужное. Все вдруг почему-то показалось ему ненужным, кроме одной совершенно несообразной детали: в первый раз Норман был на грани того, чтобы довериться своему соседу, а вместо этого впал в ярость и понесся на поиски соплеменника-афрама.

Дональд стоял посреди пустой комнаты и думал, что вокруг него тринадцать миллионов человек – все население Большого Нью-Йорка. От этой мысли ему стало страшно, нестерпимо одиноко.

В гуще событий (4)

Слова не мальчика, но

Конфиденциально: в подразделениях морской пехоты и военно-морского флота, расквартированных на Иsole, были замечены случаи употребления выражений «маленький красный брат» и «коммуняки». Офицерам предписано напоминать своим солдатам и матросам, что официально утвержденные эпитеты «китаезы», «узкоглазые» и «желтопузые». Употребляющих в речи мягкотелые гражданские термины подвергать строгому взысканию.

«Что они не смогли удержать силой, они пытаются отвоевать с помощью своей иностранной валюты! Мы должны изгнать этих паразитов, этих аморальных кровопийц, которые растлевают наших женщин, насмежаются над нашими священными традициями и глумятся над бесценным наследием нашего народа!»

РУКИ ПРОЧЬ!

Всем кораблям: экстренное сообщение. Всем кораблям: экстренное сообщение. Прошедший в четверг ночью шторм разметал мины, которые сейчас дрейфуют на подходах к фарватеру Эг-Морта. Всем кораблям оставаться на местах. Прекращение боевых действий до сигнала от подразделений флота Единой Европы.

– Хотелось бы знать, сколько еще наше гребаное правительство собирается терпеть эту ложь?

ЧАСТНЫЕ ВЛАДЕНИЯ!

«Наши враги подбираются со всех сторон, выжидая, когда мы ослабим бдительность. Но мы не дадим им шанса, которого они так жаждут, шанса наброситься на нас и нас проглотить. Мы будем тверды, и наш народ будет очищен от шлаков в горниле самопожертвования».

НАРУШИТЕЛИ БУДУТ ПРЕСЛЕДОВАТЬСЯ ПО ЗАКОНУ

Всем комитетам партии: ревизионизм и отступничество были замечены в следующих департаментах...

– Ну да конечно, но я вот о чем, пусть даже у него генотип чистый-пречистый, чувак, сознающий свой долг перед обществом, просто не заводит в наше время пятерых детей! И плевать, что с почтой он получает «Бюллетень Населимита» – это ведь может быть прикрытием, так? Нет, по-моему, он из гадов-правокатоликов. И я хочу, чтобы его отсюда вышвырнули вон!

ЗЛАЯ СОБАКА

«То, что по праву, по закону и исторически принадлежит нам, стонет под пятой иноземного тирана!»

ТЕРРИТОРИЯ ОХРАНЯЕТСЯ «СПАСИ И СОХРАНИ ИНК.»

«Сами мы обрели свободу, но этого мало. Мы не будем поистине свободными, пока каждый ныне живущий не сможет честно и открыто сказать о себе того же».

ПРОХОДА НЕТ

«Сами мы обрели свободу, но этого мало. В наших собственных рядах встречаются те, кто превозносит преимущества чуждого образа жизни, который, как мы знаем, омерзителен и несправедлив!»

НИГТЕРЫ ЗАСЛОНЯЮТ ОТ ВАС СОЛНЦЕ

– Красные сволочи...

Царствие мое не от...

ПОЛНОПРАВНЫЕ ГРАЖДАНЕ – ПРАВАЯ ПОЛОСА, НЕНАТУРАЛИЗИРОВАННЫЕ
ИНОСТРАНЦЫ – ЛЕВАЯ ПОЛОСА

«Гиены капитализма...»

Англия пребудет!

BLANKES NIEBLANKES¹⁸

«В Кале гастарбайтеры начинают...»

*Vive la France!*¹⁹

ФЛАМАНДСКИЕ ВАЛЛОНЦЫ

– Чертовы китаезы...

ЙОРУБА ИБО

*Deutschland über Alles*²⁰

– Проклятые соседи...

*Nkosi Sikelele Afrika*²¹

ВАШЕ МОЁ

– Все они безумны, кроме нас с тобой и твоего маленького пи...

МОЁ!

МОЁ!!

МОЁ!!!

(ПАТРИОТИЗМ. Один известный английский писатель как-то сказал, что если ему придется выбирать между предательством своей страны и предательством друга, он надеется, что у него хватит порядочности предать свою страну.

Аминь, братья и сестры! Аминь!

«Словарь гиперпреступности» Чада С. Маллигана)

¹⁸ Белые / не белые (*африкаанс*).

¹⁹ Да здравствует Франция! (*фр.*)

²⁰ Германия превыше всего (*нем.*).

²¹ Боже, благослови Африку! (*коса*)

Прослеживая крупным планом (6) На чьей я стороне?

В Нью-Йорке Элиу Мастерс предпочитал останавливаться не в отеле и даже не в доме одного из своих многочисленных друзей, хотя знал, что многих его постоянные отказы обижали. Вместо этого он снимал комнату в общежитии Организации Объединенных Наций, и если (как в этот его приезд) оно настолько переполнено, что найти для него смогли только убогий закуток не больше шкафа, где кровать поднималась и складывалась к стене, чтобы жилец мог добраться до раковины под ней, сойдет и это.

Он страшился полюбить собственную страну, как сделал это его друг Задкиил Обоми, и боялся, что однажды его с трудом выпестованное, сознательно принятое решение служить человечеству рухнет под гнетом мыслей о горестной участи его братьев-американцев. Сегодня он опасно близко подошел к этой черте. Вид молодежавшего вице-президента в «Дженерал Текникс» бесконечно его опечалил...

Он еще не предал огласке причину, по которой обратился в «Дженерал Текникс», но не сомневался, что корпорация представит данные на рассмотрение Салманасару и получит вывод, весьма близкий к истине. Слишком многое в его жизни было достоянием гласности: например, его собственное прошение о переводе в Бенинию, когда при нормальном ходе событий ему логичнее всего было бы стать следующим послом в Дели, а после пожать плоды своих трудов и получить настоящую синекуру – в Париже, может быть, или даже в Москве. Какую шумиху тогда подняли из-за его назначения в Бенинию, особенно «Дети Х»...

Он сидел на единственном в комнате стуле, невидящим взором глядя на плоский экран настенного телевизора, на который чудо голографической передачи сигнала проецировало изображение, казавшееся плотным и вещественным, но менявшее перспективу, если зритель перемещался от одного края экрана к другому. На экране недавно шел выпуск СКАНАЛИЗАТОРА, и кадры боев в Тихом океане, актов вандализма, уличных беспорядков, погромов правокатоликов и нападений мокеров повергли его даже не в депрессию, а почти в ступор.

В одной безвольной руке он держал книгу, которую порекомендовал ему друг и которая вышла через несколько месяцев после его отъезда в Бенинию. Имя автора он, разумеется, уже слышал, знатоки считали его одним из десятка по-настоящему великих vulgarisateurs²² социологии в духе Вэнса Паккарда и Дэвида Рисмена²³.

Но автор объявил эту книгу своей лебединой песней и, верный своему обещанию (по словам друга Элиу, одолжившего ему этот том), исчез вскоре после ее публикации. Ходили слухи, будто он покончил с собой. И действительно, его пронизанные отчаянием саркастические сентенции более всего напомнили Элиу «Разум на краю своей натянутой узды» Уэллса, эту мрачную эпитафию чаяниям человечества, и заставляли предположить, что слухи, возможно, не лгут.

Шевельнувшись, Элиу поглядел на книгу новыми глазами. На обложке была изображена пороховая бочка, к которой тянулась по полу брызжащая искрами огненная дорожка. Без сомнения, картинку выбрал издатель, а не сам Чад Маллиган – он-то сознавал, что живет в двадцать первом веке, и, если бы его известили вовремя, подобного архаизма не допустил бы.

«Факт, Маллиган, в том...» – сразу хотелось заспорить.

²² Популяризаторов науки (*фр.*).

²³ Вэнс Паккард – американский журналист и социолог, наиболее известен благодаря работе «Тайные манипуляторы». Дэвид Рисмен – американский юрист и социолог, автор книги «Одинокая толпа».

Элиу медленно кивнул. Надо признать, он проникся уважением к автору, как уважал бы врача, который отказывается морочить пациента ложными утешениями. Маллиган, возможно, понял бы мотивы, способные привести яркую звезду дипкорпуса США не в сверкающие современные кварталы Москвы, а в заросшие грязью трущобы Порт-Мея. Сам будучи европеоидом, он возможно даже понял бы выбор, вставший перед таким человеком: или отказаться от себя ради вопиющих насущных потребностей своего народа, который в этом бравом новом веке по-прежнему в западне и поставляет львиную долю мокеров (хотя сводки новостей благоразумно не упоминают цвет их кожи), львиную долю нарков (хотя большинству из них мозголом и триптин не по карману и они травят себя сваренным на кухне ягинолом или грязными ножами соскребают маковый вар со стенок горшков), тех, кто говорит: «Мне не нужно геттоизировать мое будущее, потому что я родился в гетто!», – или непреклонно приберегать свою любовь только для друзей, а лояльность – только для всего человечества.

Цвет кожи тут ни при чем, просто человек по имени Элиу Мастерс не мог отождествить себя ни с алчными боссами в Бамако и Акре, переходящими от лесты и прошупывания Бенинии к яростным нападкам друг на друга, задуманным для того, чтобы отвлечь собственные народы от межплеменных распрей, ни с советом директоров «Дженерал Текникс». Пусть Даго-малия и РЕНГ ведут свои закулисные войны, похваляются перед соперником, кто из них более промышленно развит, более могущественен, более самоотвержен и готов броситься на защиту национальной самости. Для него тот факт, что Задкиил Обоми сумел найти равновесие между четырьмя языковыми группами, причем представители двух были пришлыми, потомками беженцев от межплеменной резни на сопредельных территориях в двадцатом веке, и заставить их петь хором в обстоятельствах, которые, по всеобщим прогнозам, способны привести к гражданской войне, был огромным завоеванием всей Африки.

И возможно... всего мира.

В его памяти и сейчас звучало это пение, перекрывавшее перестук пестиков в каменных ступах, потому что нет излишков кожи на такую роскошь, как барабаны. Подстраиваясь под их настойчивый ритм, он вдруг заговорил вслух.

– Нет, не потому так, что жить в трущобной нищете благо! – воскликнул он и, подчеркивая слова, хлопнул по книге ладонью. – Это потому, что их не научили той ненависти, какую мы, люди более искушенные, умеем питать друг к другу!

Еще произнося это, он понял, какую чушь мелет. Люди обманывают себя, утверждая, будто ненависть это то, чему их научили. Ненависть к соперникам, к пришлым, к более могущественному самцу или более плодovитой самке заложена в психологическую структуру человечества. И все же факт оставался фактом: при всей бедности Бенинии он уловил некое ощущение счастья перед лицом нищеты, какого не встречал нигде прежде.

Может, это благодаря самому Зэду? Нет, и это тоже ерунда. Даже Иисус, даже Магомет, даже Будда не мог бы на это претендовать. И все же я уверен, что это объективный феномен! Может, когда туда придет «Джи-Ти» и данные введут в Салманасар, он найдет какое-нибудь объяснение.

Но это было тем более нелепо, чистейший образчик логики самооправданий. Единственные факты, какие можно было бы заложить в компьютер, и так всем известны: Бениния – маленькая страна, одолеваемая голодом, управляемая президентом и десятком его талантливых помощников и давно перешагнувшая тот рубеж, когда ее более крупные соседи сдались и объединились в группы по языкам колонизаторов. А на заднем плане громоздились диковинные исторические казусы, например, почему арабы-работоторговцы, собирая партии невольников для продажи европейцам, начисто игнорировали шинка, почему, невзирая на традиционное отвращение к войне, это племя никогда не было подчинено соседями, почему при британском колониальном правительстве не было создано ни одной революционной партии, почему...

– Какой, черт побери, толк над этим биться? – сказал Элиу, снова обращаясь вслух к четырем стенам. – Я люблю эту страну, а если разложить любовь на группу факторов, которые сможет проанализировать компьютер, не останется ничего, ради чего стоит быть человеком!

Контекст (7)

Коррида

Сцена: кафедральный собор во время утренней службы.

Актерский состав: епископ и паства.

Деталь: пятно на переднем канте кафедры. Нанесено малярной кистью и состоит из боевого отравляющего средства (по формуле схоже с ипритом, но много действеннее) и галлюциногена (номер химиката по каталогу «Джи-Ти»: АКЗ-21205, посредством кипячения в слабом растворе серной кислоты превращается в продукт, окрещенный «Истина или последствия»).

Упреждение: когда епископ, как он это неизменно делает, положит руки на перила кафедры...

Истина: Сегодняшняя проповедь – на тему текста из Книги Откровений Иоанна Божьего, глава семнадцать, стих первый... («Ар-рх!») Подойди, я покажу тебе суд над великою блудницею, сидящею на водах многих.

Я нимало не сомневаюсь, что кое-кто среди вас («о-ох! Что во имя...?») будут несколько шокированы («от чего же так щиплет руки?») моим выбором стиха. Уверяю вас, я сделал это совершенно сознательно – («Может, если просто не обращать внимания, само пройдет?...») чтобы серьезнейшим образом обратить ваши взоры к истине, на которую некоторые люди, точно такие же верующие христиане, как мы с вами, закрывают глаза. («Адское жжение!»)

А рассмотреть мне хотелось бы – и я надеюсь убедить вас в том, что сделать это действительно необходимо – следующее, и дело тут простое... Поскольку Книга, из которой я взял данный текст, одна из многих, имеющих самое прямое отношение к повседневности нашего бытия, она не гнушается некоторыми малоприятными сторонами нашей жизни. Разумеется, она их не одобряет, но и, конечно, не подвергает порицанию как таковые, ведь это простые истины о нас самих, и нужно принять их, если мы собираемся вести жизнь такую, к которой обязывает нас наш христианский долг. («Ага, уже лучше, теперь уже просто тепло, почти как от варевек».)

И так как в природе человека заложена искра Божия, столпы нашей церкви не чураются использовать в нашем учении очень человеческие – можно даже сказать, упрощенно человеческие – аналогии.

Аналогию проститутки, которая продает свое тело ради наживы, еще несколько поколений назад большинство верующих сочли бы мерзостной. Но постыдным был уже тот факт, что само наше общество порождало подобных людей, это – позор и противоречит христианскому милосердию, заповеданному нам Господом. К счастью, мы научились распознавать всю меру ответственности, которая была на нас возложена, когда мы были созданы в материальных телах, и среди них – признание того, что факт символического брака между Господом нашим и Его невестой, Церковью, не был случайным, что, кратко говоря, союз между мужем и женой есть выражение любви, выражение любви, иными словами... а... выражение любви. («Надеюсь, они не заметят, если я прислонюсь к колонне у меня за спиной!»)

Разумеется, в наше время найти проститутку все труднее и труднее. В дни моей молодости среди моих братьев были такие, кто... э... посещал подобных женщин, хотя я считал, что они достойны жалости, поскольку они со всей очевидностью не искоренили в себе заложенную во всех нас потребность выражать приязнь, что подразумевается в акте, который служит не только продолжению рода человеческого, но и призван доставлять удовольствие одним лицом другому или другим.

(«Что я несу?»)

Говоря «другие», я, разумеется, имею в виду тот достойный сожаления факт, что, будучи людьми, мы далеки от совершенства и для полной реализации этой ниспосланной нам небом способности ублажать своего спутника жизни требуются, как и в любой другой человеческой деятельности, подготовка и практика, прежде чем оные способность и умение будут полностью развиты, поэтому нередко мы видим, как люди женятся впопыхах, а потом искренне раскаиваются, что выбрали именно этого партнера, который, как выяснилось, совершенно им не подходит и с которым они с сожалением расстаются, потому что...

Ну да ладно. (*«Никогда раньше не замечал, насколько потеешь в этом дурацком тяжёлом балахоне!»*)

Многие люди, как вам прекрасно известно, как раз вот этого не понимают. Я вот что хочу сказать... С самого великого раскола в конце двадцатого века мы принуждены наблюдать тошнотворный спектакль, в котором трусливые мадридские изуверы бомбардируют своих – как они их называют – братьев во Христе бесконечными энцикликами и корридами, и все только потому, что Римская католическая церковь возлюбила краеугольную истину, что в занятии любовью смысла больше, чем в серийном производстве детей, которых можно спрыснуть святой водой и отправить на небеса, дабы не стихали «аллилуйя», и признала необходимость противозачаточных таблеток. А папа Эглантин все разглагольствует, дескать, нельзя вмешиваться в Божий промысел и нарушать Его заветы, давая тем самым шанс остальным вашим детям вырасти в достатке, чтобы они смогли стать гармоничными личностями, о нет! – и удовольствия получать нельзя ни с кем, разве что ради того, чтобы плодиться, будто нас и так недостаточно на планете, будто мы не наступаем друг другу на пятки, не мешаем друг другу на каждом шагу, и наши ближние не вырывают кусок хлеба у нас изо рта поскольку они жадные эгоисты и о Господи от этого в мусульманство хочется податься правда-правда они ведь когда ты умрешь обещают тебе целую череду вечно девственных гурий да и что такое противозачаточные таблетки как не одноразовый эквивалент вечности и податься некуда когда живот у твоей жены вырастет и ночь за ночью будешь лежать один и от подавленного желания не сможешь уснуть а сами знаете через пару часов становится просто больно а треклятые полудурки вроде Августина который вволю позабавился с уличными женщинами пока был парнишкой а потом вдруг развернулся на сто восемьдесят градусов и всем остальным это запретил думаю у него просто был сифилис и спирохеты попали ему в лимфу от чего развился прогрессивный паралич и если бы не тот факт что они скорее всего импотенты то же можно было бы подумать про папу Эглантина и его банду правокатоликов почему бы мне не заткнуться и не перестать забивать вам голову этой чушью, когда вы должны были бы забивать кому другому и совсем другим?

Последствия: паства до крайности смущена.

Режиссерский сценарий (6)

Продан с аукциона

– Мистер Хаус. – Тон был совершенно нейтральный. – Мы встречались сегодня. Боюсь, вам придется сесть на кровать. Или вы предпочли бы спуститься в общий вестибюль?

– Нет, нет, все в порядке, – в смятении ответил Норман, опускаясь на краешек узкой койки. Его взгляд беспорядочно перескакивал с предмета на предмет в крохотной комнатке.

– Выпьете что-нибудь? Насколько я помню, вы не употребляете алкоголя, поэтому, может быть, кофе или...

– Спасибо, нет. Хотя я закурил бы, если вы не против.

– А, «Бэй Голд»! Я сам когда-то предпочитал именно эту марку... Нет, спасибо, я не буду. Бросил. Я прибежал к ним, когда хотел избавиться от ясности в мыслях, и в результате пару раз едва не попал в беду.

Пристрелка. Внезапно Нормана осенило, как объяснить, что у него на душе. С еще не зажженным косяком в руке он сказал:

– Послушайте, мистер Мастерс, давайте я скажу то, что пришел сказать, а потом уйду и больше не буду вам докучать. Прежде всего я знаю, что за ланчем произвел на вас не слишком благоприятное впечатление.

Элиу откинулся на спинку стула, положил правую ногу на левую, свел кончики пальцев и стал ждать.

– Я говорю не о том, ради какого впечатления притащили меня на этот ланч Старушка Джи-Ти и прочие из ее клики. Ко мне как к личности это отношения не имеет – сплошь цирк с корпоративным имиджем, мол, перед вами просвещенный работодатель, у которого цветной вице-президент, но все это вчерашний день. Крупные компании уже лет пятьдесят-шестьдесят так поступают, и все лишь бы задобрить свою нечистую совесть. Я пришел извиниться за то, какое впечатление я сам хотел произвести.

Он впервые поглядел Элиу прямо в лицо.

– Скажите откровенно, что вы обо мне думаете?

– Что я о вас думаю? – откликнулся Элиу и печально хмыкнул. – У меня не было шанса составить о вас какое-либо мнение. Если хотите, я скажу вам, что подумал о том, как вы били на эффект при знакомстве.

– Именно это я и имел в виду.

– Вы показывали высокопоставленному посетителю, что можете быть еще большей сволочью, чем члены совета директоров «Джи-Ти».

Возникла пауза. Наконец Элиу уронил руки на колени.

– Что ж, я ответил на ваш вопрос, но, судя по вашему молчанию, пользы вам от этого никакой. Теперь ответьте на мой. Что с вами случилось, когда вас отозвали из-за конфликта в бункере Салманасара?

Норман мучительно сглотнул, его адамово яблоко дернулось.

– Ничего важного, – пробормотал он.

– Я вам не верю. Вернувшись, вы были на автопилоте. За все время ланча в вас не просмелькнуло ни тени индивидуальности, во всем, что вы делали или говорили, просматривался только набор условных рефлексов, отработанных настолько хорошо, что обманули бы любого, кроме, пожалуй, психолога... или дипломата. По одному тому, как человек входит в комнату, я научился видеть разницу между честным переговорщиком и делегатом, которого проинструктировали повторять как попугай официальную позицию правительства. Вы, возможно, в

состоянии обмануть белых, на которых работаете, но я поседел, изучая человеческие уловки, поэтому я-то знаю.

Подавшись вперед, он взял левую руку Нормана в ладони и кончиками пальцев осторожно надавил между сухожилиями. Норман был слишком ошарашен, чтобы как-то среагировать, потом выдернул руку, словно что-то его ужалило.

– Как вы догадались?

– Не догадался. Когда я был послом на Гаити, один старик из переулков Порт-о-Пренса – думаю, вы назвали бы его знахарем – научил меня понимать язык тела. На мгновение мне подумалось, что вы серьезно повредили эту руку, но никаких следов травмы я не обнаружил. Так чья это была рука?

– Моего прапрапрадеда.

– В дни рабовладения?

– Да.

– Отрублена?

– Отпилена. За то, что ударил своего хозяина и столкнул его в ручей.

Элиу кивнул.

– Вы, наверное, были совсем маленьким, когда впервые про это узнали.

– Лет шести, думаю.

– Нехорошо рассказывать подобное детям такого возраста.

– Как вы можете так говорить? Именно про это им и надо рассказывать. В шесть лет я был уже достаточно взрослым, чтобы узнать, что парнишка, который в нашем квартале нравился мне больше всех, которого я считал своим лучшим другом, без раздумья присоединится к другим ребятам, которые мне не нравились и которые называли меня грязным ублюдком-ниггером.

– Вы заметили, что теперь не так часто слышишь именно это оскорбление? Наверное, нет. Я замечаю сдвиги в словоупотреблении, потому что по многу лет провожу вне страны, а по возвращении вижу, сколько воды утекло. Сегодня вместо «ублюдок» говорят «паршивец» или «кровосос», имея в виду, надо думать, «больного гемофилией».

– Что? – Норман растерянно тряхнул головой.

– Если смысл моих слов неясен, я скоро к нему вернусь. Как на вас сказались истории о вашем предке?

– В детстве у меня часто болела рука. – Норман показал взглядом на левую кисть. – Говорили, это ревматизм. Но это был не ревматизм. Боли были психосоматические. Мне снились кошмары, в которых одни люди меня держали, а другие отпиливали мне руку. Я просыпался с криком, а мать орала мне из-за стены, чтобы я заткнулся и дал ей поспать.

– Вы не рассказывали ей о кошмарах?

Уставившись себе под ноги, Норман покачал головой.

– Наверное, я боялся, что она станет ругать дедушку и запретит ему со мной про это разговаривать.

– А зачем вам было про это разговаривать? Не важно... вам не обязательно все объяснять. Что такого случилось сегодня, что вытащило на свет ту психологическую травму в шестилетнем возрасте?

– Какая-то Божья дочь попыталась порубить Салманасара топором. Оттяпала кисть одному нашему технику.

– Понимаю. Ее смогут пришить?

– О да. Но врач сказал, что часть моторных функций, возможно, не восстановится.

– И вы оказались совершенно не готовы к случившемуся?

– Клянусь бородой Пророка, не готов! Откуда мне было знать, что там не очередная гребаная демонстрация с выкрикиванием лозунгов и размахиванием флагами?!

– Почему полиция компании не уладила все до вашего прихода?

– Сплошь бестолочи. Сказали, что не решились стрелять с балкона из страха попасть в Салманасара, а к тому времени, когда они спустились в зал, я с девицей уже справился.

– Итак, вы с ней разобрались. Каким образом?

Норман зажмурился, закрыл лицо руками. Когда он заговорил, его голос был едва слышен сквозь пальцы.

– Я однажды видел утечку жидкого гелия из находившегося под давлением шланга. Это навело меня на мысль. Я вытащил один из шлангов... и полил ей руку. Начисто заморозил. Скристаллизировал. Под весом топора она обломилась.

– Надо полагать, ее теперь назад не пришьешь?

– Борода Пророка, нет! Если ее разморозить, она, наверное, тут же загниет – как замороженное яблоко!

– Вас ожидают серьезные последствия? К примеру, вы предстанете перед судом за то, что изувечили посетительницу?

– Разумеется нет, – вырвалось у него почти презрительно. – «Джи-Ти» заботится о своих, а учитывая, что девка пыталась сделать с Салманасаром... В этой стране мы всегда больше печемся о праве собственности, чем о правах человека. Кому, как не вам, это знать?

– Ну, если дело не в последствиях, значит, в самом поступке. И какого вы теперь о себе мнения?

Норман уронил руки.

– Вы прошляпили свое призвание, да? – горько сказал он. – Вам надо было бы стать психоаналитиком.

– Мои неврозы нельзя проецировать на других невротиков. Я кое о чем вас спросил, и, если я не слишком ошибаюсь, именно об этом вы и пришли поговорить. Так почему бы нам с этим не закончить?

Дрожащей рукой Норман поднес к губам почти забытый косяк. Теперь он запалил его, затянулся и задержал первую тягу. Полминуты спустя он сказал:

– Что я чувствую? Какого я о себе мнения? Такое чувство, будто меня поимели. Мне стыдно. Я наконец сравнял счет. Я добыл трофей – я добыл руку Белого Человека. И как же я пришел к тому, что смог ее отрубить? Следуя правилам жизни, установленным Белым Человеком. А они ни к черту не годятся. Потому что какой прок от этой руки моему древнему предку? Он же мертв!

Он снова пыхнул и на сей раз задерживал дым целую минуту.

– Да, пожалуй, мертв, – после недолгого размышления согласился Элиу. – Вернемся к сегодняшнему дню. Как, по-вашему, его следует оплакивать сегодня?

Норман помотал головой.

– Вот и хорошо. – Элиу вернулся к прежней позе: локти на подлокотниках, кончики пальцев сведены. – Пару минут назад я упомянул кое о чем, что показалось вам ни к чему не привязанным – о том факте, что сегодня люди не называют друг друга «ублюдок», что значит «незаконнорожденный». Это показательно. Родился ты в браке или вне оно, уже не имеет значения, так же было и для нас в дни рабства, когда наши прабабки и прадеды не женились – они просто размножались. Слово, которое употребляют сейчас в качестве оскорбления, по всей вероятности, означает «больной гемофилией». Это отражает озабоченность нашего общества: рожать детей, имея подобный пагубный ген, сегодня считается отвратительным и асоциальным поступком. Вы понимаете, к чему я?

– Мир меняется, – сказал Норман.

– Вот именно. Вам уже не шесть лет. Хозяин не может сделать со своими подчиненными то, что давным-давно сделал Белый Человек с вашим трижды прадедом. Но стал ли мир из-за этих банальностей раем?

– Раем?

– Ну конечно же нет. Разве в настоящем недостаточно проблем, чтобы терзать себя из-за проблем прошлых?

– Да, но... – Норман беспомощно развел руками. – Вы даже не представляете, в какой тупик меня заманили! Я годами трудился, создавая самого себя теперешнего. Годами, десятилетиями! Что мне теперь делать?

– Это вам решать.

– Надо же, какой легкий ответ – «Это вам решать»! Вы сами только сказали, что годами живете вне страны. Вы не знаете, что представляет собой Белый Человек, не знаете, как он все время на нас насаждает, раздражает, провоцирует. Вы просто не жили моей жизнью.

– Думаю, это разумное возражение.

– Например... – Невидящими глазами Норман уставился на стену над головой Элиу. – Вы слышали про женщину по имени Гвиневра Стил?

– Полагаю, она создала механический стиль, который сегодня в моде у женщин и который делает их похожими скорее на роботов с конвейера, чем на живых существ, рожденных от матери.

– Верно. Она планирует вечеринку. Это будет квинтэссенция всего, о чем я говорил, эдакий склизкий микрокосм в стенах одной квартиры. Стоило бы потащить вас с собой, тогда бы вы...

Он остановился посреди фразы, внезапно ужаснувшись тому, что и кому говорит.

– Мистер Мастерс, прошу меня простить! Я не имею права говорить с вами в таком тоне! – Он вскочил на ноги, чтобы скрыть смущение. – Мне следовало бы самым искренним образом поблагодарить вас за терпение, а я вместо этого вас оскорбляю и...

– Сядьте, – сказал Элиу.

– Что?

– Я сказал, сядьте. Я еще не закончил, и вы тоже. Вы считаете, что вы передо мной в долгу?

– Конечно. Если бы я не смог сегодня с кем-нибудь поговорить, то, наверное, сошел бы с ума.

– Как точно вы выражаете мои чувства, – с тяжеловесной иронией сказал Элиу. – Могу я сказать, что в данный момент вы не слишком озабочены сохранностью секретов корпорации «Джи-Ти»?

– Я чертовски хорошо знаю, что они не в сохранности.

– Прошу прощения? – Элиу моргнул.

– Личная проблема... А, чего таить? Терка, которая последнее время у меня жила, сегодня вечером оказалась экономической шпионкой. Мой сосед по квартире обнаружил подслушивающее устройство в полиоргане, которой она привезла с собой. – Норман лающе рассмеялся. – Все, что хотите узнать, только спросите... Я всегда могу потом сказать, что это она украла тайну.

– Я бы предпочел, чтобы вы сказали мне открыто, если вообще готовы сказать.

– Да, мне не следовало этого говорить. Спрашивайте.

– С какой целью, по мнению людей из «Джи-Ти», я обратился к вашей корпорации?

– Не знаю. Мне не сообщили.

– Но вы догадались.

– Не совсем. Пару часов назад мы обсуждали это с моим соседом. Но ни к какому определенному выводу не пришли.

– Что, если бы я, предположим, сказал, что намереваюсь продать ближайшего друга в рабство Белому Человеку и верю, что это для его же блага? Что тогда?

Рот Нормана открылся, губы сложились в правильное «О». Он щелкнул пальцами.

- Президента Обоми? – сказал он.
- Вы очень умный человек, мистер Хаус. Ну... и ваш приговор?..
- Но что у них такое есть, что могло бы понадобиться «Джи-Ти»?
- Не «Джи-Ти» как таковой, скорее Государству.
- Которое не желает получить еще один кризис наподобие Изолы?
- Вы начинаете меня изумлять, и я не шучу.

Норману стало не по себе.

– Откровенно говоря, это был один из вариантов, которые мы с моим соседом прокручивали. Хотя не услышь я об этом от вас, то не поверил бы.

– Почему? Годовой доход «Джи-Ти» почти в пятьдесят раз превышает валовой национальный продукт Бенинии, корпорация могла бы купить и продать не одну слаборазвитую страну.

– Да, но, даже принимая во внимание возможности корпорации, коих я не могу оспаривать, факт остается фактом. Что такого есть в Бенинии, что могло бы понадобиться «Джи-Ти»?

– Двадцатилетний проект восстановления страны, который создаст экономически развитый промышленный плацдарм в Западной Африке, опирающийся на лучший порт Гвинейского залива, способный на их условиях и на их собственной территории конкурировать с Дагомалией и РЕНГ. Государство получило данные компьютерного анализа, которые показывают, что вмешательство третьей силы станет единственным фактором, способным предотвратить войну из-за Бенинии, когда мой добрый друг Зэд умрет, а это случится скорее, чем мне хотелось бы думать. Он загоняет себя в могилу.

- И страна будет принадлежать «Джи-Ти»?
- Страна будет... скажем так, заложена «Джи-Ти».
- Тогда не делайте этого.
- Но если альтернатива – война?..

– Изнутри, с позиции младшего вице-президента корпорации, скажу, что по сравнению с тем, как способна тебя унизить и лишить самоуважения «Джи-Ти», война – это еще не самое худшее. Послушайте! – Норман с серьезным видом подался вперед. – Знаете, во что они меня втянули? Я подписываюсь на выпуски «Бюро генеалогических изысканий», этого придурочного учреждения, которое утверждает, будто на основании гено типа способно отыскать ваших предков. А знаете ли вы, что я не стал платить им, чтобы они отыскили мои африканские корни? Я не смогу сказать, с каких двух тысяч миль вывезли моих черных предков!

– А предположим, это ваш – или мой – кузен отдаст приказ, и на Бенинию двинутся армии! Что ждет страну? Победенный, отступая, выжжет за собой землю, и не останется ничего, кроме щебня и трупов!

Норман вдруг разом остыл и кивнул, пожав плечами.

– Наверное, вы правы. В конце концов, все мы люди.

– Позвольте я расскажу, в чем план. «Джи-Ти» даст кредит на финансирование проекта, а Государство через подставных лиц – в основном это будут африканские банки – выкупит пятьдесят один процент займа. «Джи-Ти» будет гарантировать пять процентов годовых на двадцать лет проекта и публиковать оценки роста акций из расчета восемь процентов. Это, кстати, прочно основано на компьютерных расчетах Государства. Когда эти данные будут заложены в Салманасара, он скорее всего их подтвердит. Тогда корпорация наберет преподавательский состав в основном из среды тех, кто в прошлом занимал посты в колониальной администрации, иными словами, привык к условиям жизни в Западной Африке. Первые три года будут отданы диете, санитарии и строительству. Следующее десятилетие пойдет на обучение: первой ступенью будет обучение грамоте, затем последует программа технического образования, составленная так, чтобы превратить в квалифицированных рабочих восемьдесят процентов населения Бенинии. По вашему лицу видно, вы сомневаетесь, но скажу, что сам я верю в то, что это

сработает. В любой другой стране мира не прошло бы, но в Бенинии пройдет. Последние семь лет уйдут на строительство заводов, установку конвейеров, проведение линий электропередачи, выравнивание дорог, – иными словами, на создание промышленности и инфраструктуры, которая сделает Бенинию самой развитой страной на континенте, не исключая и Южную Африку...

– Да смилуется над нами Аллах! – прошептал Норман. – Но откуда вы возьмете ток, который пойдет по этим проводам?

– Электричество будет поступать от гидростанций на приливных волнах, солнечных батарей и батарей от термальных источников на морском дне. В основном от последних. Перепад температур между поверхностью и морским ложем на этих широтах, по всей видимости, способен обеспечивать энергией страну намного большую, чем Бениния.

Норман помедлил.

– В таком случае, – помолчав, рискнул предположить он, – сырье будет предположительно поступать от ПРИМА?

Тон Элиу потеплел еще больше.

– Как я уже сказал раньше, мистер Хаус, вы меня изумляете. Когда мы сегодня познакомились, ваш... э... поверхностный имидж был столь безупречен, что совершенно заслонил вашу интуицию. Да, это станет той морковкой, которой мы заманим осла «Джи-Ти» подписать контракт: перспектива уже созданного рынка позволит им получать прибыль с залежей минералов ПРИМА.

– На основании того, что вы мне рассказали, – продолжал Норман, – предполагаю, они ухватились за эту мысль.

– Вы первый в «Джи-Ти» слышали план хотя бы в общих чертах.

– Пер... Но почему? – Вопрос вырвался у Нормана почти криком.

– Не знаю. – Вид у Элиу внезапно стал усталый. – Наверное, потому что я слишком долго держал это в себе, а вы подвернулись, когда прорвало плотину. Хотите я позвоню мисс Бакфаст и скажу, чтобы вести предварительные переговоры в Порт-Мее послали вас?

– Я... Подождите-ка! Почему вы так уверены, что она согласится, ведь вы еще даже не изложили ей суть проекта?

– Я с ней познакомился, – сказал Элиу. – А я с первого взгляда могу распознать в собеседнике человека, которому захочется приобрести девятьсот тысяч рабов.

В гуще событий (5) Гражданин Бацилла

*Si monumentum requiris, circumspice*²⁴.

Подведем итоги, гражданин Бацилла,
Теперь вас ведь столько миллиардов,
Течете вы из ванных вскрытых вен
В бескрайний океан,
Итоги тому, за что тебя вспомнят.

Надгробья, гражданин Бацилла?
«Здесь покоится с миром любимый муж
Мэри, отец Джима и Джейн»?
Но ведь кладбище на углу Пятой и Оук закрыли,
А на его месте теперь – многоквартирный дом.

Идеи, гражданин Бацилла?
Тебя взрастили грамотным и образованным,
Снаряженным проявлять инициативу.
Но технологическое общество сегодня
Настаивает, чтобы ты вел себя как статика.

Плоды трудов, гражданин Бацилла?
Что ж, не так уж невероятно,
Ведь ты даровит и талантами не обижен.
Только вот лента в станке химической молотьбы
Точна до одной молекулы в диаметре.

Сын, гражданин Бацилла?
Подай прошение в Департамент евгенической
обработки,
А с ним образец своего генотипа.
Будь готов получить отказ
И не жалуйся громко, не то соседи услышат.

Нет, нет, гражданин Бацилла!
Вот твой памятник и стоит он высоко!
Машины, которые ты портишь, одежда, которую рвешь,
Консервы, которые ты жрешь, мебель, которую ломаешь,
И прочее дерьмо, каким закупориваешь канализацию.

Si monumentum requiris, circumspice...

²⁴ Если ищешь памятник ему, оглядись вокруг (*лат.*). Эпитафия на надгробии архитектора Кристофера Рена, создавшего собор Св. Павла в Лондоне и похороненного в одном из помещений собора.

Прослеживая крупным планом (7) Все жилы вытянут

До недавнего времени Эрик Эллерман думал, что самое худшее время суток – это промежуток от пробуждения до приезда на работу, когда собираешься с духом перед неизбежным испытанием встречи с коллегами. Но, похоже, больше «худшего времени» уже не было.

Вся жизнь превратилась в сущий ад.

Притулившись за кухонным столом со второй утренней чашкой синтетического кофе (из-за налога на третьего ребенка пришлось распрощаться с надеждой покупать настоящий), он глядел, как солнце сверкает на крышах теплиц, карабкающихся на дальний склон, выплескивающих за холм и исчезающих в следующей долине. Над крышами громоздилась гигантская оранжевая вывеска «МНЕ ПОДАВАЙ ТОЛЬКО ПРОДУКТ «ХАЙТРИП КАЛИФОРНИИ», ГОВОРИТ «ЧУВАК, КОТОРЫЙ ЧУХАЛ ЧУЙКУ»!

И сколько еще я смогу жить, круглые сутки видя перед собой работу?

Из-за хлипкой стены, отделяющей кухню от детской, доносился капризный визг близнецов, представленных самим себе, пока Ариадна собирала Пенелопу в школу. Пенелопа тоже плакала. Ну и сколько еще, пока из соседней квартиры не начнут бить кулаком в стену? Бросив нервный взгляд на часы, он обнаружил, что у него еще есть время допить кофе.

– Арри! Разве ты не можешь их утихомирить? – крикнул он.

– Делаю что могу! – послышался злобный ответ. – Если бы ты помог мне с Пенни, было бы гораздо быстрее!

И – словно эти слова послужили сигналом – в стену застучали кулаком.

Появилась Ариадна: волосы растрепаны, халат на обвисшем животе распахнут. Перед собой она толкала Пенелопу, так как девочка терла заплаканные глаза и отказывалась смотреть, куда идет.

– Успокаивай, как сумеешь! – бросила Ариадна. – Желаю удачи!

Внезапно Пенни метнулась вперед, выбросив перед собой руки. Одна ручонка задела чашку, которую держал Эрик, и остатки содержимого пролились на подоконник и закапали с него на пол.

– Ах ты маленькая дрянь! – взорвался Эрик и дал дочери затрещину.

– Эрик, прекрати! – крикнула Ариадна.

– Только посмотри, что она наделала! Просто чудо, что на одежду мне ничего не попало! – Вскочив на ноги, Эрик увернулся от темно-коричневой жидкости, стекавшей с края встроенного складного стола. – А ты заткнись! – добавил он, обращаясь к старшей дочери.

– Ты не имеешь права на нее орать! – не унималась Ариадна.

– Ладно, извини, пожалуйста. Это тебя устраивает? – Эрик схватил пакет с ланчем. – Но, бога ради, пойди и заткни близнецов. Пока никто не постучал в дверь с жалобой и не увидел тебя в таком виде! И сколько раз тебе говорить, не выходи за порог без нового корсета. Может, это положит конец слухам, какие о тебе ходят.

– Я не могу делать больше, чем уже делаю. Противозачаточные я покупаю в универмаге на углу, чтобы все знали, что я беру, а когда выхожу из дому, то всегда ношу под мышкой «Бюллетень Населимита»...

– Знаю, знаю! Но какой смысл говорить это мне. Попытайся это рассказать нашим клятым соседям. А теперь, ПОЖАЛУЙСТА, пойди заткни близнецов!

В дурном настроении Ариадна пошла попытаться, Эрик же схватил за руку старшую дочь.

– Пошли, – пробормотал он, направляясь к входной двери.

Они практически в лицо мне говорят, что пора развестись. И, возможно, они правы. Черт, я уверен, что мне полагалась прибавка за то, сколько я труда убил на разработку нового сорта от «Хайтрип», – Господь знает (нет, только бы не оговориться, не произнести этого слова вслух, иначе они убедятся, что я действительно таков, как обо мне судачат), как мне это нужно, и, может, я получил бы что хочу, если бы не их подозрения насчет Арри...

Потянув на себя дверь, он вытолкнул Пенелопу в коридор и только тогда увидел, что было под табличкой с номером квартиры. К обивке двери была приклеена скотчем крест-накрест топорная мексиканская пластмассовая фигурка, статуэтка Девы Марии, какую за доллар можно купить в местном магазине игрушек. В приоткрытый рот куклы была заткнута таблетка противозачаточного.

Ниже кто-то поспешно вывел: «Что подошло ей, должно подойти и вам!»

– Куколка! – воскликнула Пенелопа, забыв о своем решении плакать до изнеможения. – Можно я ее себе оставлю?

– Нельзя! – взревел Эрик.

Сорвав куклу, он топтал ее ногами, пока она не превратилась в кучку цветных осколков, потом тыльной стороной ладони растер нацарапанные мелом буквы, чтобы они стали неразборчивыми. Пенелопа заревела снова.

В дальнем конце коридора раздался громкий визгливый смешок – судя по голосу, мальчишка лет десяти-двенадцати. Эрик круто повернулся, но успел углядеть только исчезающую ногу в кроссовке.

Опять мальчишка Гэдсденов. Маленький паршивец!

Но какой смысл кого-то обвинять? Пыжащемуся от сознания того, что у него никогда не будет больше одного ребенка, набившему руку в мелких интригах так, что его трижды выбрали старостой квартала, Деннису Гэдсдену даже не понадобится отрицать вину своего сына.

Но что я мог поделать, если наш второй отпрыск оказался близнецами? Разве я планировал, чтобы все трое кровососов родились девочками? Определение пола стоит кучу денег! И вообще, в этом нет ничего противозаконного: у нас обоих чистый генотип, никакого диабета, никакой гемофилии, ничего!

Ну да, законом не возбраняется. Но кому, черт побери, есть до этого дело? Не было бы – да и не могло бы быть – вообще никакого евгенического законодательства, если бы общественное мнение само не решило, что иметь три и более ребенка нечестно по отношению к другим людям. Для страны с населением в четыреста миллионов, где каждого воспитали на мечте об открытых просторах, где человек волен делать что вздумается, это было вполне логично.

Мы больше не можем тут жить.

Но... куда податься? Они на грани разорения – спасибо государственному налогу на семьи с более чем двумя детьми. Стоимость проезда до работы из любого другого города в Калифорнии была бы непомерно высока, и даже если они отдадут одну из близняшек на усыновление, им придется переехать очень далеко, чтобы сбежать от своей репутации. Впрочем, они могли бы улизнуть от налога, перебравшись через границу в Неваду, но именно потому, что этот диссидентский штат отказался устанавливать налог на детей и ввел минимум евгенического законодательства, цены на жилье там вдвое, а то и втрое выше, чем в Калифорнии.

Хотя... Так ли уж стоит цепляться за эту работу?

Просто чудо, что в лифте на первый этаж они с Пенелопой ехали одни. Во время короткого спуска он поиграл с мыслью бросить работу и пришел к тому же выводу, что и всегда: если он не переедет очень далеко, не разведется с Арри (чрезмерная плодовитость могла служить поводом для развода в суде Невады, хотя Калифорния и остальные штаты пока на такое не решались) и оборвет все связи с семьей, у него не будет ни малейшего шанса получить должность, сравнимую с нынешней.

И опять же, лучше всего он разбирается в генетической селекции и выведении новых штаммов марихуаны; это самое востребованное его умение. И «Хайтрип Калифорния» без труда может в судебном порядке, по Акту об экономической тайне, запретить ему работать, чтобы он не переметнулся к конкурентам.

Замкнутый круг.

Двери лифта открылись, и он повел, как всегда, протестующую Пенелопу по длинному коридору к школе квартала. Подавив угрызения совести (ну правда ведь, нехорошо бросать девочку на милость сверстников) обычным правдоподобным рассуждением, мол, ей нужно научиться плавать, иначе она утонет, он быстрым шагом направился к остановке скоропоезда.

Хотя бы центровой и четверо его шестерок, которые в последнее время его преследовали, вот уже два дня не показывались. Может, им наскучило. Может, их интересовал не он лично.

Вставив свой билет в автоматический турникет на входе, он прошел на платформу ждать гудящего монорельсового вагона.

Вот тут-то они и были – все четверо стояли, прислонясь к колонне.

В это утро платформа была переполнена еще больше обычного. А значит, поезда идут не по расписанию – наверное, снова саботаж на линии. Система скоропоезда была главной мишенью пропекинских «партизан»: даже самое бдительное патрулирование бессильно против такой тактики, как бросание на рельсы бутылок, содержащих невинный с виду слабоалкогольный коктейль, на самом деле приправленный колонией саботажных бактерий, способных превратить сталь и бетон в хрупкий коралловый риф. Обычно Эрика это приводило в ярость, как и всех остальных, но сегодня толпа раздраженных пассажиров позволяла надеяться, что удастся скрыться от глаз шоблы.

Он стал бочком пробираться к дальнему концу платформы, стараясь держаться так, чтобы между ним и четверкой парней в блестящих «крокодиловках» было как можно больше тел. Поначалу ему показалось, что трюк удался. А потом, когда наконец подъехал вагон, он почувствовал, как его толкнули в спину, и, оглянувшись, увидел, что обидчики до него добрались и теперь зажали по двое с обеих сторон.

С неискренней улыбкой вожак кивнул ему проходить первым, и он, содрогнувшись, подчинился.

Разумеется, вагон был переполнен. Пришлось стоять. Только те счастливы, кто входил на первой станции линии, могли наслаждаться поездкой сидя. Но из-за шума можно было вести приватную беседу – если, конечно, говорящий придвигался к уху слушающего, и именно это затеяла шобла.

– Ты Эрик Эллерман, – сказал один из них, и со словами на щеку Эрика упали несколько брызг слюны.

– Ты работаешь в «Хайтрип».

– Ты живешь в квартире 2704, вон в том блоке.

– Ты женат на телке по имени Ариадна.

– И боевиков у тебя слишком много, верно?

Боевиков? Отупевший от ужаса ум Эрика отказывался переваривать это слово, но все же Эрик сообразил: это исковерканное шумом «бэбиков» – детей.

– Я Жер Лукас.

– Много кто может рассказать тебе о Жере. Люди, которые научились делать, как он просит, и горя не знали, – сказали с другой стороны.

– А это мой кореш Цинк. Он крутой чувак. Настоящий зверюга.

– Поэтому слушай внимательно, милый Эрик. Ты нам кое-что достанешь.

– А если нет, уж мы позаботимся, чтобы все твою подноготную узнали.

– Например, что у тебя есть и другие щенки. В твоём родном городе, в Пацифик-Палисейдс. От другой терки.

– И что на самом деле у тебя их не трое, а пятеро... или шестеро.

– Ох как тебя будут за это любить. Просто обожать!

– А еще, правда ведь, всем приятно будет узнать, что ты тайком ходишь на мессу к правокатоликам, ведь правда?

– И что у тебя особая индульгенция от папы Энглантина в Мадриде на покупку «Бюллетеня Населимита»...

– И вообще у тебя не такой чистый генотип, как ты всем раструбил, но один законспирированный правокатолик в Комитете по евгенике за взятку изменил твои показатели...

– И когда твои щенки вырастут, они скорее всего будут шизофрениками...

– Или их щенки ими станут...

– Чего вам надо? – выдавил Эрик. – Оставьте меня в покое... Оставьте меня в покое!

– Ну конечно, конечно, – умиротворяюще сказал Жер. – Сделаешь по-нашему, и мы оставим тебя в покое, честно-пречестно. Но... э... ты работаешь в «Хайтрип», а у «Хайтрип» есть кое-что, что нам нужно.

– Штамм нового сорта, – подсказал из-за другого плеча Цинк.

– Один крохотный пакетик с семенами, – сказал Жер. – Всего на корабль. Нам больше коробка и не надо.

– Но... но это же нелепо!

– Ну... И вовсе не нелепо.

– Но она не растет напрямую из семян! И на всех стадиях роста ей нужны особые химикаты... и, Господи помилуй, ее нельзя посадить в ящик за окном!

– А ведь Бог – твой дружок, правда? Ты то и дело снабжаешь его новыми рекрутами для небесного хора. Ты плодишься, как он вам и заповедовал, а, католик ты недорезанный?

– Придержи язык, Цинк. Из чего же ее выращивают? Из черенков?

– Д-да.

– Черенки подойдут. Платить три с половиной бакса за пачку из десяти косяков – это уж слишком. Но надо признать, славная трава. Так вот, милый, программа такова: один кисет плодоносящих черенков... И не забудь дать нам инструкции, как ее выращивать. А мы расщедримся и сохраним твою тайну. Насчет твоих щенков в Пацифик-Палисейдс.

Монорельсовый поезд замедлялся перед следующей остановкой.

– Но это невозможно! – в отчаянии сказал Эрик. – Служба безопасности... Охранники глаз с нее не спускают!

– Кого еще к ней подпустят, как не генетиков, которые ее вывели? – ответил Жер и в окружении шестерок двинулся к дверям; остальные пассажиры, боязливо рассматривавшие жутковатые «крокодиловки» шоблы, расступились.

– Подождите! Не могу же я...

Но двери открылись, и четверка растворилась в мельтешении тел на платформе.

Контекст (8)

Изоляция

«По сути дела, человечеству как биологическому виду идеализм подходит как корове седло. Наилучшее доказательство тому – неспособность ни одной из сторон, увязших в неразрешимом конфликте в Тихом океане, добиться поставленных целей, а ведь идеалы и той, и другой сформулированы так просто, понятно и привлекательно, что беспристрастный наблюдатель не может не удивляться, почему за декларациями намерений не последовало – с непреклонностью рассвета по окончании ночи – перехода к последовательным действиям.

«Отдайте богатства тем, кто их создал!» Вот идеал, способный отправить в крестовый поход всех, кто понимает его как экспроприацию собственности у землевладельцев, раздачу земли, чтобы каждая семья могла получать разумное пропитание, и отказ от выплаты долгов кредиторам, дававшим под грабительские проценты. Отталкиваясь от этого, китайцы ринулись вперед – только вот они сами себя перехитрили, замахнувшись на слишком многое. Они утратили способность различать между злом, на которое ополчились, и влиятельными традициями, которые – буквально – лежали в основе образа жизни тех людей, которых они надеялись привлечь под свое знамя. Вскоре они попали в ту же яму, что и их соперники, которые десятилетиями игнорировали тот простой и очевидный факт, что для умирающего с голоду слово «свобода» подразумевает миску риса или, если воображение у него богатое, здорового быка, который тащил бы его плуг, и ровным счетом никакого отношения не имеет к голосованию за депутата от той или иной партии.

Аналогично солдаты царской армии во время Первой мировой войны дезертировали en masse²⁵ не под влиянием большевиков, а потому что им надоело воевать и они хотели работать на своих полях, к тому же до этих рьяных поборников красного знамени дошло, что пока они умирали за границей, дома разваливалось то, что они желали охранять. Поэтому они все бросили. Китай, как до него Россия, обнаружил, что окружен целым роем наследников мантии покойного маршала Тито, причем немало таких нашлось на территории самого Китая.

Однако к тому времени вследствие неумелости, расовых предрассудков против белых, ведения верных войн неверным оружием и скверной организацией, дела оппозиции (или, если хотите, «нашей стороны», хотя у меня язык не поворачивается назвать эту кучку неумех «нашей стороной») были настолько плохи, что одномоментный захват значительной территории не склонил чашу весов в ее пользу, только восстановил приблизительное равновесие в этом противостоянии, которое и по продолжительности, и по безрезультатности вполне способно переплюнуть Столетнюю войну.

Мы не можем даже со всей честностью утверждать, что этот захват стал плодом предвидения и планирования: подвернулась возможность что-то присвоить, и мы это присвоили. Не верьте тем, кто пытается утверждать, будто существование Изолы доказывает превосходство западной системы. Китайцы просто не смогли бы подмять ее под себя. Не было никаких проявлений недовольства, которые они могли бы использовать. Как разжечь ненависть к далеким, жирующим в столице землевладельцам и взяточникам, если амбиции простых людей не простираются дальше того, чтобы выбиться в первые или занять соответствующий пост, чтобы оказаться на положении вторых?

Жизнь на Филиппинах стала невыносимой задолго до гражданской войны 1980-х годов. Сложившаяся ситуация (которую некоторые ошибочно называют победой анархии, но которая, как скажет вам любой пристойный словарь, таковой не являлась, а представляла собой всего

²⁵ Здесь: массово (фр.).

лишь распоясавшееся свободное предпринимательство) привела страну на грань окончательного развала. Среднегодовое число нераскрытых преступлений достигло тридцати тысяч при населении менее пятидесяти миллионов. С точки зрения жителей архипелага Сулу, где совершалась большая их часть, преступление, из-за которого они восстали и за которое в конечном итоге застрелили президента Сайха, заключалось в том, что он попытался ограничить их традиционное право резать и воровать. Это было непростительно с его стороны.

Среди столь превозносимого большинства в восемьдесят восемь процентов голосов на референдуме за вхождение в состав США, несомненно, были и те, кто уповал, что правительство и полиция Большого Брата в Вашингтоне гарантируют им более спокойную жизнь, избавив от необходимости закрывать окна пуленепробиваемыми ставнями и рыть в саду окопы. Однако много больше было таких, кто рассчитывал, что посулы Большого Брата (права полноправного штата и миллиард долларов экономической помощи) станут тем сладким пирогом, от которого они смогут отхватить жирный кусок.

Ну и чьи же мечты сбылись? Ты, верно, шутишь, дорогой читатель. Хваленый миллиардный бюджет на восстановление до карманов туземцев не дошел. Его потратили на строительство дорог и аэродромов, на оснащение портов и военных баз. И хотя до того безнаказанно орудовавшим контрабандистам и спекулянтам бесспорно перекрыли кислород, чтобы избавиться от них, новые хозяева ввели военное положение, которое с 1991 года так и не отменили!

Окрещенный «Изолой» на том основании, что Монтана была гористой местностью, а новое приобретение – изолированной островной территорией, Последний штат попал из огня да в полымя. Американцам, однако, на тот момент отчаянно требовалось построить военные базы как можно ближе к побережью Китая и Вьетнама, поэтому Большой Брат был более-менее доволен.

Когда же китайцы попытались нанести контрудар, обхаживая Ятаканг, их ждало разочарование. Ятакангцы – потомки народа, некогда доминировавшего в Юго-Восточной Азии, и твердо держатся традиционного милитаристского афоризма: задумывая альянс, первым делом надо готовиться к тому дню, когда твой союзник ударит тебя в спину. То, что они азиаты, еще не означает, что они готовы пустить к себе своих желтых братьев. Не следует предполагать (как это сделал ряд известных мне пустоголовых остолопов в Вашингтоне) и того, что стукнув головой в пол по-пекински, они решили стать второй Изолой. К чему? В Ятаканге все замечательно: это одна из великих мировых держав, к тому же, по азиатским меркам, страна эта сказочно богата и, судя по нынешнему положению дел, может до Судного дня забавляться, стравливая Пекин и Вашингтон.

До Судного дня? Ну, это, пожалуй, небольшое преувеличение. Есть одно светлое пятно в общей мрачной картине, известной как зона Тихоокеанского конфликта. По моим расчетам, к 2500 году или около того мы перебьем всех до последнего представителей нашего вида, настолько безмозглых, чтобы участвовать в таком бесполезном времяпрепровождении, как война «идеалов», и – если повезет – генов от них не останется, поскольку их, как правило, будут убивать в возрасте, по меркам нашего общества, слишком раннем для того, чтобы брать на себя ответственность за деторождение. А после ради разнообразия мы, возможно, проживем в мире и покое».

«Лучшие? Чем что?» Чада С. Маллигана

Режиссерский сценарий (7)

Безделье и оружие

В опустевшей и казавшейся теперь неприкаянной квартире Дональд себе места не находил. Он почти порадовался бы возвращению Виктории и необходимости вести себя как ни в чем не бывало, пока Норман не «запрограммирует» власти, чтобы ее арестовали.

Он набрал телефонный код, чтобы из кухни квартала принесли обед, но между заказом и появлением судков его аппетит как будто разъела апатия. Он поставил пластинку, которую недавно купил, и сел смотреть на подстроенную под музыку игру красок на экране. Композиция только-только началась, а он уже снова вскочил и принялся беспокойно бродить по гостиной. Ни на одном канале телевизора не нашлось программы, которая бы его заинтересовала. Пару дней назад один знакомый уговорил его купить полиформ-набор. Подняв крышку, он подумал было, не начать ли лепить копию роденовского «Поцелуя», но убрал руку и дал крышке упасть снова.

Злясь на самого себя, он устался в окно. В эти вечерние часы коллаж Манхэттена сиял ярче всего – пещера Аладдина в многоцветных огнях, великолепных и зрелищных, как звезды в центре галактики.

Вон там – миллионы людей... Точно смотришь в небо и спрашиваешь себя, которое из этих солнц светит таким, как мы. Господи, когда я в последний раз смотрел в ночное небо?

Он вдруг сам себе ужаснулся. В последние годы огромное число людей вообще не выходит из дома по вечерам, разве только по конкретному делу, а тогда вызывают к подъезду такси и на открытом пространстве проводят не дольше, чем требуется, чтобы пересечь тротуар. Бродить по вечерним улицам города не обязательно опасно: сотни тысяч, которые еще продолжают по ним гулять, достаточное тому доказательство. На четыреста миллионов жителей страны приходилось по два-три мокера в день, и все равно многие вели себя так, будто и за угол нельзя завернуть, чтобы на тебя не напали. Случаются ведь потасовки, ограбления, стычки между бандами, а иногда и уличные беспорядки.

Но ведь может же и нормальный человек пойти по своим нормальным делам, правда?

Привычка укоренилась в сознании Дональда незаметно, так из легкой дымки незаметно сгущается непроглядный туман. Он перестал выходить после шести или семи вечера без дела, лишь бы не сидеть дома. По выходным обычно бывали вечеринки, а в промежутках иногда заходили друзья Нормана или их обоих приглашали к кому-нибудь на обед, концерт или фривент. В приезжающем за ними такси сидел за бронированным стеклом водитель, дверцы машины открывались только с нажатием кнопки на приборной доске, а возле аккуратного сопла кондиционера было прикреплено уведомление, предупреждающее, что цилиндры с усыпляющим газом одобрены муниципальным комитетом по лицензиям. При всей своей обтекаемости и тихом ходе на батареях такси походило на танк, что только усиливало ощущение, будто выезжаешь на поле битвы.

Что я теперь знаю о своих собратях-людях?

Он почувствовал, как на него снова накатывает паника, которую он испытал, выйдя из библиотеки, и ему отчаянно нужно было поговорить с кем-нибудь, чтобы доказать, что в мире действительно существуют другие реальные люди, а не просто марионетки на невидимых нитках. Он подошел к телефону. Но говорить, обращаясь к изображению на экране, мало. Ему хотелось видеть и слышать незнакомых людей, убедиться, что они не игра его сознания.

Тяжело дыша, он добрался до двери квартиры, но остановился на пороге и вернулся в спальню, где открыл нижний ящик стенного шкафа. Под стопкой одноразовых бумажных рубашек он нашел что искал: заправляемый картриджами газовый пистолет с эмблемой «Джи-Ти»

по лицензии «Джапаниз Инда-стриз Токио» и каратан-ду. Он задумался, не надеть ли ее, с любопытством повертел в руках: с того дня, как купил, он ни разу толком и не взглянул на каскет. По сути, это была митенка из чувствительного к столкновению пластика толщиной, наверное, в четверть дюйма. При сжатии, щипке, растяжении или на руке пластик сохранял гибкость и мягкость хорошей кожи, а при соударении с твердой поверхностью магически менялся: внутренний слой оставался мягким и выполнял роль прокладки, а вот внешний становился твердым, как металл.

Натянув каратан-ду, Дональд с разворота ударил рукой в стену. Раздался глухой «бух», мускулы руки и плеча заныли, но перчатка повела себя как и следовало. Прошло несколько секунд прежде, чем, преодолевая сопротивление расслабляющегося пластика, он смог разжать кулак.

В коробке, в которой он ее купил и хранил, была еще брошюра с рисунками различных способов использования каратан-ду: топорный (как сделал он только что) удар сжатым кулаком или более изящный – ребром ладони и кончиками чуть согнутых пальцев. Дональд с нервическим вниманием прочел весь текст, как вдруг ему пришло в голову, что он ведет себя в точности так, как не желает себя вести – исходя из предпосылки, что отправляется в рейд на вражескую территорию. Стащив каратан-ду, он сунул ее в карман вместе с баллончиком.

Если бы позвонил телефон и Полковник с экрана объявил бы, что меня активируют, и приказал бы немедленно явиться в штаб с рапортом – вот как бы я себя чувствовал. Господи, только не это. Потому что если от одной только мысли выйти вечером из дому я стал параноиком, меня активируют, и я просто рехнусь.

С нервозным тщанием заперев дверь, он направился к лифтам.

В гуще событий (6) Видели на улицах

*Не вижу небес, но верю в ад...
Живу в Нью-Йорке и знаю его насквозь
Когда небо закрыли Фуллеровым куполом
Господь все бросил и ушел домой*

В ОДИН КОНЕЦ, НА СЕВЕР

– Ну вот, вышвырнул только что пассажира. Подумать только, паршивец наставил на меня тазер, пришлось полить гада газом. Нарк, разумеется, кто же еще. Сразу его раскусил, но, мать вашу за ногу, если бы я сваливал от каждого нарка, какого увижу, то где вообще взять пассажира после семи папа-мама?.. Ну так вот, я сейчас отключу рацию, пока не отбрехаюсь от дурацкого ябеда...

ПОДЗЕМНЫЙ ПЕРЕХОД

Сдаются комнаты, \$3 час.

– Слышал новый про Терезу?

ТОЛЬКО В ОДИН КОНЕЦ, НА ЗАПАД

*Лицензированный попрошайка, муниципалитет Большого Нью-Йорка. Малдун Бернард
А. № PH2 428 266.*

ТОЛЬКО ДЛЯ ПЕШЕХОДОВ

– Ну, я и сказал ему, слушай, папаша, сказал, не знаю, как ты, а я свой двадцать первый отпраздновал. Я из твоей дочки, говорю ему, шлюхи не делал, я же шлюх-то в глаза не видел, они ведь устарели, как твоя затея со свадьбой под дулом обреза. Да ладно тебе, говорю ему, разве, по-моему, не лучше того, что она там затевает со своей сбрендившей дешевкой-мачехой. Тут он почесал репу. Прямо топливо слило из его бака, голову даю!

ТОЛЬКО В ОДИН КОНЕЦ, НА ЮГ

Меню \$8.50, \$12.50, \$17.50

– Мистер и миссис Повсюду вчера гуляли по Таймс-сквер... будет многолюдно.

ДЕРЖИТЕСЬ ПРАВОЙ СТОРОНЫ

Показ каждую ночь – и ведь мы ПОКАЗЫВАЕМ!

ТОЛЬКО В ОДИН КОНЕЦ, НА ВОСТОК

– Ну... э... я этот квартал лучше других знаю. Хочешь, окажу услугу? Сейчас у меня ягинола малость больше, чем я сам могу употребить, и...

ЖДИТЕ

Публичные лекции ежедневно, демонстрации по средам и пятницам. Аупаришитака, Сан-гхатака, Гауютика и т. д. Обучают эксперты. Записывайтесь в любое время. Мемориальный фонд миссис Гранди (чтоб собаки ее кости глодали!).

– Они заложили в Салманасара формулу гормонального препарата, понимаешь, и...

ИДИТЕ

Колоссальные, невероятные, невозможные скидки! Универмаг с миллионом чудес! Освидетельствование посетителей на наличные или кредит.

НЕ ЗАДЕРЖИВАЙТЕСЬ

Внимание-внимание: получено сообщение о таксисте-мошеннике, разъезжающем в Нижнем Ист-Сайде, поливает газом и избивает пассажиров. Останавливать и проверять все такси в округе Сикс-стрит – авеню Би.

НЕ ПЛЕВАТЬ

Сдается офисное помещение. Возможно, переоборудование под жилое на средства съемщика.

– Ничего лучше новой приставки «домоимидж» в жизни не видела.

СОБАКИ, ГАДЯЩИЕ НА ТРОТУАРЕ, БУДУТ УНИЧТОЖЕНЫ

Психометрист и ясновидец направит и укрепит духом неуверенных в завтрашнем дне.

ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ КАРМАННИКОВ

– Точно вселенная – это яма, сечешь? А меня размазало по стенкам, сечешь? А иногда это как комната, вывернутая наизнанку, а я – точки на шести сторонах игральной кости. Или еще... А, чего с таким придурком разговаривать?

К СКОРОПОЕЗДАМ

Постановление муниципалитета № 1214/2001. Лицам без постоянного места жительства зарегистрироваться в ближайшем полицейском участке и получить разрешение спать на скамейке.

– Тебя волочет быстрее и дальше, чем могут забраться Повсюду!

ГИГИЕНИЧЕСКИЕ УБОРНЫЕ

Косяки Кыся – Н.-Й. Марки \$3 за 10, марки из других штатов \$5, \$6

ТОПЧИТЕ ЭТОГО ТАРАКАНА! ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ПОЖАРОВ!

– Эй, чуваки, сваливаем! В соседнем квартале патрульная машина!

ТОКСИЧНЫЕ ОТХОДЫ В НЕГЕРМЕТИЧНЫЕ КОНТЕЙНЕРЫ НЕ КЛАСТЬ

*Что нам делать с нашим прекрасным городом?
Опасным и грязным, вонючим гребаным городом?
Если ты друг Нью-Йорку, если ты брат Нью-Йорку,
Найди кувалду и на хрен его разнеси.*

Прослеживая крупным планом (8) Ветры враждебные

Догадайся я, что до этого дойдет, – с яростью говорил себе Джерри Линдт, – то, наверное, увилинул бы...

Атмосфера в квартире была как в похоронном бюро, – сплошь приглушенные голоса и хождение вокруг да около, будто бланк с казенными фразами на столике у его кровати был симптомом неизлечимой болезни.

А была-то это всего лишь повестка, какие каждый день рассылали тысячами, а значит, нечто вполне ординарное. И, разумеется, не неизбежное: от призыва можно было увилинуть десятками способов, как легальных, так и нет. Законные пути для Джерри были закрыты: девятнадцать лет, вполне хорош собой – с белокурыми вьющимися волосами и голубыми глазами – и в отличной физической форме. И хотя про альтернативные методы ему было известно все, невозможно ведь дожить до девятнадцати лет и про них не знать, они пугали его гораздо больше, чем перспектива встретиться с узкоглазыми коммунаками.

Парни из его квартала, которых он знал с тех пор, как научился говорить, с радостью за них хватались: обливались духами и тискали друг друга в общественных местах, чтобы доказать свой гомосексуализм (хотя этот трюк был связан с некоторым риском: тебя все равно могли призвать, а потом, как только попадешь под устав, отправить на принудительную терапию), или шли грабить ближайший магазин и совершали при этом максимум глупостей, лишь бы заполучить судимость с желанной припиской: «антиобщественное поведение», или раскладывали прокитайские листовки там, где их неминуемо увидело бы начальство школы или колледжа, или калечили себя, а то и (и это ужасало Джерри больше всего) садились на тяжелые наркотики, предпочитая попасть в клинику, но не под присягу.

Поэтому с завтрашнего дня, знакомьтесь: рядовой Линдт.

Он оглядел комнату. Он жил в ней с раннего детства и привык к этому узкому пеналу – половинке исходной комнаты, которую поделили, когда родилась его сестра. Но теперь он был шести футов росту и, раскинув руки, доставал от стены до стены и уже предвидел, что, возвращаясь домой в увольнение, будет злиться, что она такая тесная.

Сейчас она была захламлена больше, чем когда-либо, потому что он вытаскивал вещи из шкафа, собираясь согласно инструкции в повестке: «Призывнику следует иметь при себе...»

Но со сборами и укладкой уже покончено, а вечер только-только начался. Он прислушался к шумам вокруг и различил три совершенно разных типа шагов – отца, матери и сестры, – которые передвигались по квартире, убирая со стола посуду после ужина, расставляя по прежним местам мебель.

Невыносимо думать, что весь вечер придется провести с ними. Это плохо? Неестественно для сына? Но сестренка смотрит на меня круглыми печальными глазами, словно мерку для гроба снимает, потому что думает, будто этот ее новый чувак Джейми сам господь бог, а он сказал, что только человек с суицидальными наклонностями откажется увиливать от призыва. Ма так храбро сдерживает слезы, что самому хочется разреваться... А па... ну, если он еще хоть раз мне скажет: «Сын, я тобой горжусь!», боюсь, я сломаю ему шею...

Сделав глубокий вздох, он приготовился принять бой.

– Ты куда? Неужели ты не проведешь последний вечер дома?

Последний вечер. Приговоренный плотно поужинал.

– Погуляю немного по округе, попрощаюсь кое с кем. Я недолго.

Выбрался. И в половину такого труда не стоило, как боялся.

Он испытал такое облегчение, что, только выйдя из здания, сообразил, что понятия не имеет, куда направляется. Остановившись как вкопанный, он огляделся по сторонам, смакуя солоноватую свежесть ночного ветерка, обещавшего разогнать затянувшую небо облачную дымку.

Действительность никак не совпадала с порядком вещей, какой он подсознательно предполагал. По книгам и телепесам выходило, что, впервые покидая надолго родной кров, он должен испытывать обостренную любовь к дому своего детства, вспоминать как будто позабытые, а на самом деле запавшие в душу подробности и мелкие происшествия. А он минуту назад думал о том, что, когда вернется, ужаснется тесноте своей комнатенки, а теперь, выйдя на улицу, думал то же, что и всегда: почему никто не уберет с мостовой мусор, бумажки, пластмассу, пленку, банки, коробки и пачки, и давно пора отремонтировать фасад дома на перекрестке, где «партизаны», чтобы заполучить оружие, разграбили склад спорттоваров, да и вообще «его кров» оставляет желать лучшего.

Столь же туманно маячила на задворках сознания неясная мысль о девушке, которой полагается скрашивать ему последний вечер на гражданке. С тех пор как ему исполнилось пятнадцать, терок он находил без малейшего труда, но предки у него, как, наверное, и все родители, были старой формации, и хотя не поднимали шума, если он возвращался домой под утро, он так и не набрался смелости привести девушку к себе. Он планировал заявить о своих мужских правах сегодня вечером, когда они постыдятся сетовать. И вот он – один-одинешенек. Услышав о том, что он дал вербовщикам взять себя за яйца, девчонки, которые нравились ему больше других, разбежались, и это повальное бегство так его подкосило, что пока ему не удалось заменить их на новых.

Разумеется, было полно мест, где наверняка можно снять терку, но это казалось неуместным. Если верить рассказам и слухам, за время службы ему придется часто это делать, выхода другого не будет.

Нет, ему нужно зайти к кому-то, кого он давно знает. Он перебрал своих друзей и пришел к тревожному выводу, что среди них нет практически ни одного, кто не наговорил бы ему тех же тошнотворных глупостей, что и его семья.

Разве что может быть...

Он сжал кулаки. Был один человек, на которого можно положиться, этот не станет громоздить фальшивые, отвратительные банальности. Его он не видел с тех пор, как решил, что примет повестку, потому что сомневался, что сумеет сопротивляться его убедительным контраргументам. Но сейчас, когда уже не передумает, было бы по меньшей мере интересно узнать реакцию Артура Иди-с-Миром.

Артур Иди-с-Миром жил не в многоквартирном блоке, а в доме начала двадцатого века, который когда-то давно поделили с тем, чтобы втиснуть жильцов по числу комнат. Назвали это «холостяцкими берлогами», но получилась убогая мебелирашка.

Джерри нервно нажал на кнопку древнего звонка и назвал по интеркому.

– А, Джерри! Поднимайся, – произнес слегка механический голос, и дверь распахнулась.

Артур подждал его на площадке второго этажа: непонятного и неряшливого цвета кожи человек лет сорока в шортах и тапочках. Его нечесаная борода без какого-либо перехода сливалась со свалявшимся ворсом на груди. Джерри пожалел, что этот ворс не тянется дальше солнечного сплетения: у Артура появился дряблый пивной живот, который неплохо было бы скрыть. Однако выставленный на всеобщее обозрение живот вполне укладывался в отрицание Артуром всяческого конформизма, и если вы против его живота, то, значит, против существования самого Артура.

В руках у него было блюдо с каким-то белым и рассыпчатым веществом, в которое была заткнута ложка. Переложив блюдо в левую руку, Артур протянул правую Джерри.

– Подожди минутку, ладно? – извиняясь, сказал он. – Бенни, похоже, сегодня еще ничего не ел. Надо, пожалуй, отнести ему сахара для поддержания организма, если не для чего другого.

Он толкнул одну из выходящих на площадку дверей, и Джерри мельком увидел полулежащего в кресле молодого человека лет двадцати пяти, одежды на нем было еще меньше, чем на Артуре. Передернувшись, он отошел подальше ждать Артура под его дверью и не слышать доносящихся до него уговоров.

Мразь. Ну просто мразь. И что это за жизнь?

Замок фирмы «Спаси и Сохрани Инк.» внизу открыли ключом, и по лестнице к нему стала подниматься девушка: лицо у нее было прекрасно, тело закутано в плащ ниже колен. В руке – сумка с продуктами. Заметив его, она механически улыбнулась и взялась за дверную ручку Бенни.

Тут она застыла, а Джерри все никак не мог переварить увиденное: она вела себя настолько обыденно и естественно, что было ясно – она тут живет.

– У Бенни кто-то есть? – требовательно спросила она.

– Э... Артур туда пошел. С сахаром. – Джерри с трудом сглотнул.

– Тогда ладно, – сказала девушка и, взмахнув полами, скинула плащ.

У Джерри перехватило дыхание. Под плащом на ней оказался домашний прикид от «Форлорн&Морлер» из тех, какие однажды попыталась носить в квартире сестра, только вот предки от ужаса на стену полезли. Состоял он из высоких сапог из красной фишнетки, закрепленных мягким шнуром у нее на талии – и все.

Открылась дверь Бенни, и появился Артур.

– А, Ник! – с облегчением сказал он. Во всяком случае, имя прозвучало как «Ник».

– Спасибо, – ответила терка. – Но это было не обязательно. Я уговорю его поесть – ему нравится, как я готовлю.

– Тогда плацдарм свободен, – с пародией на поклон ответил Артур. – Ты ведь не знакома с Джерри, да? Джерри Линдт. Моник Делорн!

Озабоченно кивнув, терка исчезла в комнате Бенни. Отряхнув руки, Артур прошел мимо Джерри, чтобы впустить его к себе.

– Все под контролем, – удовлетворенно сказал он. – Заходи, ну же!

Джерри подчинился, напоследок оглянувшись через плечо, но дверь Бенни уже захлопнулась. Если не считать незначительных мелочей, в тесном пространстве, которое Артур звал своим домом, ничего не изменилось. Здесь все так же царил невероятный хаос, и запах все так же наводил на мысль о разложении, словно здесь громоздились не всевозможные безделушки, а горы пищевых отходов. Однако и это тоже было частью Артура, его просто невозможно было представить в другом окружении.

На мгновение Джерри почти пожалел, что пришел. От такого человека, как Артур, едва ли можно ожидать восхищения тем, кто добровольно решил защищать выбранный им образ жизни. И все же было что-то липкое в одобрении людей, которые ах как тебя ценят...

– Слышал, призыв взял тебя за яйца, – сказал Артур. – Верно?

Сглотнув, Джерри кивнул.

– Утром мне нужно явиться на призывной пункт в Эллее.

– Тогда прощай, – бодро сказал Артур. – Так, с этим покончено. Что будешь?

– Э... что?

– Я сказал «прощай». Разве ты не за этим пришел? А покончив с прощанием, я предложил тебе... ну... что угодно, что могу предложить. Думаю, у меня есть водка, и знаю, что у меня есть трава, а еще немного триптина, который только-только выбросила на рынок «Джи-Ти» – и в этом хоть какое-то оправдание их существования. Бенни по крайней мере так говорит. Я сам пока еще его не пробовал, поскольку люди с моей группой крови к нему особенно

восприимчивы, и меня скорее всего вырубят на три-четыре дня. Поэтому подожду до свободных выходных. Ну?

– Э... выпить, наверное.

– Тогда расчисти себе стул, пока я налью.

Джерри нашел новое место для коробки с кассетами без наклеек и двух грязных одноразовых тарелок и сел. Потом оглядел комнату, и его внезапно охватило желание запомнить окружающее. В комнате все было вверх дном именно потому, что тут было слишком много всего, а Артуру не хватало терпения хоть как-то навести порядок, поэтому по мере необходимости он просто сдвигал в сторону то, что попадалось ему под ноги.

Однако то, что попадалось здесь под ноги, было бесконечно интересным или забавным, в основном азиатским: статуэтки, украшения, вышивки, манускрипты с затейливой вязью, курильницы, музыкальные инструменты, репродукции классических полотен. А еще тут было колесо от телеги, индейский барабан, и серебряная флейта, и бесчисленные книги, и...

– Джерри!

Вздвигнув, Джерри взял подсунутый ему под нос стакан.

Сам устроившись в кресле, Артур задумчиво уставился на него.

– Гм! Я ошибся, да? Просто попрощавшись, мы с тобой твоего отъезда не покончили. Она прямо до кишков тебя пробирает.

Джерри кивнул.

– Иногда ты меня удивляешь, – пожал плечами Артур. – Ты не из тех, кто жаждет приключений, и тем не менее позволяешь, чтобы увезти себя из твоего уютного, устоявшегося окружения людям, чьи решения случайны, потому что сами они лишены здравого смысла.

– Не понял.

– Не понял? Все генералы – психопаты. Все солдаты не в своем уме. Строгий психологический факт: территориальность на них отпечатана как штамп, и они никак не оправятся. Я-то думал, ты врубаешься. Даже Бенни просек, а ты гораздо умнее.

– Ты хочешь, чтобы я был как Бенни? – Джерри поморщился. – Ну ладно, он увильнул... И на что он потратил два сэкономленных года? Он же сдохнет еще до тридцати от отравы, которую непрерывно вливает себе в глотку.

– Собственными руками, – сказал Артур. – У тебя есть право убить себя. Ни у кого больше.

– Я думал, ты за эвтаназию.

– Расписка о согласии – удар, тобой же направленный. Остальное – просто механика, сравнимая с ожиданием, когда ванна заполнится кровью, после того как вскрыешь себе вены.

– Это совсем другое дело, – гнул свое Джерри. Он испытывал потребность оправдать перед кем-то свое решение, а перетянуть на свою сторону Артура было бы особой победой. – Факт остается фактом, есть люди, перед которыми я в долгу, и есть другие люди, которые готовы отобрать у нас все вплоть до самой жизни. Черт! Пример этому я видел всего десять минут назад, когда проходил мимо разоренного «Эклмена». Знаешь, тот склад спорттоваров через улицу от моего дома?

Артур усмехнулся:

– Ты ждешь от меня праведного гнева? По мне, так пусть лучше стволы и патроны к ним со склада «Эклмена» окажутся у людей с идеалами, чем у жирных тупиц-буржуа из твоего квартала, которым нечего защищать и которые со страху просто палили бы наугад.

– Наугад! Господи, разве не ты рассказывал мне о людях, которые беспорядочный саботаж превращают в хобби?

– Смотри не запутайся, как большинство, Джерри. Чувака, выбравшего себе в хобби беспорядочный саботаж, нельзя ставить на одну доску с тем, кто ради оружия грабит оружейный склад. Этот чувак наносит беспорядочные удары, потому что не знает, что именно в окружа-

ющем мире его раздражает. У партизан хотя бы есть своя теория о том, что неверно, и свой план, как это исправить.

– И как долго ты протянешь при правительстве, которое они хотят нам навязать? – спросил Джерри.

– Меня они расстреляют в первый же день, как только придут к власти. Такие, как я, – на взгляд любого авторитарного правительства, – недопустимые подрывные элементы уже потому, что мне неинтересно навязывать мои идеи силой.

– Но минуту назад ты говорил, что никто не имеет права отнимать жизнь у другого человека. Если у них нет на это права, то что дурного в попытке их остановить?

– Две вещи, – вздохнул Артур и как будто вдруг потерял интерес к разговору. – Кстати, хочешь узнать, что с тобой будет?

– Что?

Пошарив на полу у кресла, Артур нашел какую-то книгу и сдул с нее пыль.

– Старый верный друг, – нежно сказал он. – Не так часто тобой пользовался, как ты заслуживаешь, а? Слушай, Джерри, ты ведь раньше спрашивал совета у «Книги перемен», да?

– Да. Ты мне ее показал, когда мы познакомились. – Опустошив стакан, Джерри отставил его в сторону. – Я тебе сказал, что, на мой взгляд, это куча дерьма.

– А я тебе сказал, что она работает по той же причине, почему нет такой вещи, как искусство. Я напомнил тебе про балинезийцев, в языке которых вообще нет такого слова, но которые просто стараются все делать как можно лучше. Жизнь – континуум. Я, наверное, тебе это говорил, потому что я всем это говорю. Я учил тебя пользоваться стеблями тысячелистника?

– Нет.

– Тогда достань три монеты. Одинаковые, если есть. Я одолжил бы тебе свои, но понятия не имею, где под всем этим мусором мои. Будь тут Моне, он бы живо нам их намонетил.

– Артур, ты отлетел?

– Спускаюсь, спускаюсь. Новый сорт от «Хайтрип» – просто праздник какой-то. В кои-то веки реклама не врет. Просто чудо из чудес. Хочешь, возьми с собой на утро пачку?

– Думаю, мне не разрешат. В повестке что-то об этом сказано.

– Логично. Один из стандартных методов превратить человека в солдата – это отобрать у него радость, от которой он может почувствовать, что жить стоит – даже человеку по ту сторону прицела. Нашел монеты?

Выбирая три из кармана, Джерри думал: *Я был прав, что избегал Артура, пока не стало слишком поздно что-то менять. Он в своем цинизме чертовски уверен, а я вообще ни в чем не уверен – даже в том, что этот древний оракул куча дерьма.*

Монеты были брошены, гексаграмма нарисована, и Артур вперился в результат.

– Пи, – сказал он, не потрудившись свериться с книгой. – Со слабой чертой во второй позиции. «Когда рвут тростник, другие стебли тянутся за ним, так как он растет пучком». Проще говоря, единение с ближними еще может спасти положение. Хочешь сам прочесть полный текст?

Джерри со смехом покачал головой.

– Сам знаешь, что я думаю о предсказаниях судьбы!

– Да, знаю, и тебе должно быть стыдно, что ты не воспринимаешь их всерьез. Потому что мне не нравится, как твоя слабая черта поднимается в гексаграмме, превращая ее в Сикань, «Двойную бездну», а это означает «преумножение опасности». Иными словами, держись на чеку, шестерка, иначе будет беда.

– О риске я подумал. Мне не нужна мистическая книжка, чтобы сказать, что, отправляясь в армию, я, возможно, подвергаю себя опасности.

Это Артур пропустил мимо ушей.

– Знаешь, что я думаю? Я думаю, что слабая черта проявится завтра, когда от единения с другими ты перейдешь к подверганию себя опасности.

– Но я и собираюсь «объединиться с другими»! Как еще яснее перевести «пойти в армию» на язык этой книжки!

– Ага! Но более логичный перевод – «оставайся с семьей и друзьями».

Джерри обиженно поднялся на ноги.

– Извини, Артур, – сказал он. – Я надеялся, ты поймешь, что я принял решение и перестать убеждать меня уже поздно.

– Ну да, признаю. Я только пытаюсь показать, что ты делаешь. Тебе не хочется сесть и продолжить разговор?

– Боюсь, нет. Я просто зашел попрощаться. И мне еще кое к кому нужно зайти, прежде чем идти спать.

– Как хочешь. Но окажи мне услугу. – Артур порылся в горе книг. – Возьми это с собой, почитай на досуге... если тебе его оставят. Не трудись возвращать. Я знаю ее почти наизусть.

– Спасибо. – Взяв протянутую книгу, Джерри рассеянно запихнул ее в карман, даже не посмотрев, как она называется.

– Знаешь что? – продолжал Артур. – У меня такое чувство, что тебе, пожалуй, все-таки нужно послужить в армии. Хотелось бы только, чтобы у тебя было больше шансов вернуться живым.

– Как сейчас все поставлено, потери сведены к минимуму. Они же потеряли не более...

– Одни люди, – прервал его Артур, – с большей вероятностью впутываются в истории, чем другие, это относится и к успеху, и к поражению. Ты из тех, кто ни за что не желает расставаться с иллюзиями. Ты скорее всего бросишься искать... славы или чего там еще – чем объясняют, почему люди рискуют своей жизнью, и ты этого не найдешь, поэтому добровольно пойдешь на какое-нибудь идиотское задание и этот шанс сведешь к тысяче против одного, и...

Он перевернул руку, точно ссыпал с ладони горку песка.

Мгновение Джерри стоял как каменный, потом внезапно дернул на себя дверь и вышел.

Проходя мимо двери Бенни Ноукса, он услышал слабые звуки: скрип, вздох, смешок.

Сгноит себя до смерти, учитывая, сколько дерьма принимает! И у него есть потрясающая терка, красивая терка, а у меня...

В это мгновение он понял, что не может не верить пророчеству Артура.

И разумеется, его ждет не Учебный лагерь. И разумеется, это Плавающая база. Десятки понтонов, отделенных от берега милей воды. Водная преграда дезертиров не остановит, но пляжа достигнут только самые выносливые пловцы.

Там у длинных столов призывникам приказывают вывернуть карманы и раздеться догола. Капитан в сопровождении старшего сержанта медленно идет вдоль столов, осматривая разложенные на них предметы, а тем временем другой сержант следит, чтобы новобранцы стояли по стойке смирно, а не то... Капитан останавливается против Джерри и переворачивает данную Артуром книгу, чтобы прочесть заголовок.

– «Словарь гиперпреступности», – говорит капитан. – Арестуйте его, сержант. Владение подрывной литературой.

– Но!.. – взрывается Джерри.

– Закрой варежку, солдат, хватит с тебя и одного нарушения.

Джерри давит в себе ярость.

– Разрешите обратиться, сэр, – по всей форме говорит он.

– Разрешаю.

– Я ни разу не открывал эту книгу, сэр. Один друг дал мне ее вчера вечером, и я просто положил ее в карман, а потом забыл...

– Она зачитана до дыр, страницы едва не выпадают, – отвечает капитан. – Добавьте, сержант, ложь офицеру.

Ему удалось легко отделаться: двадцать четыре часа строевой подготовки в полной выкладке – можно сказать, прощение.

Как соизволил заметить капитан, это ведь, в конце концов, первое нарушение.

Режиссерский сценарий (8)

Хребет верблюда

Дональд был потрясен, насколько обыденным показался ему вечерний город. Народу на улицах было меньше, чем днем, из-за той самой паранойи, которой поддался и он, но все же достаточно, чтобы создать приятное оживление и дать ему почувствовать, что он вернулся в те времена, когда только-только окончил колледж и тел на тротуарах толклось на миллион меньше.

Я что, подспудно рассчитывал увидеть, что магазины исчезли с привычных дневных мест?

Ему захотелось рассмеяться над собственными дурными предчувствиями. Тем не менее что-то не давало ему покоя. Постепенно его мозг распознал причину, Дональд специально это в себе вырабатывал: исходить из мелких вторичных признаков и, не посвящая себя проблеме целиком, подсознательно отыскивать нужную ниточку.

Чересчур шумно. Музыка, в основном хиты последнего поп-парада, гремела повсюду, и потому два или даже три отдельных ритма беспорядочно смешивались в полутоновой диссонанс, но иногда к шлягерам примешивалась и классика: пройдя сто ярдов, он идентифицировал Бетховена, Берга, Ойяку. Впрочем, то же можно было бы сказать и про дневные часы, особенно с тех пор, как производители радиоодежды начали встраивать в швы не наушники, а колонки. Необычным ему показался звук голосов. Повсюду кругом болтали и сплетничали – непозволительная роскошь в суматошные дневные часы.

Подсказка: Эти люди друг друга знают, друг с другом здороваются.

Безымянные для него, но знакомые между собой, они сбивались на тротуарах в группки по пять-шесть человек. Он едва не принял их за бездомных, как вдруг понял, что даже по нынешним меркам их слишком много, и начал замечать в толпе настоящих нищих: мужчин, женщин и даже детей с печальными глазами, которые цеплялись за мешки с пожитками и ждали ночи и законного шанса прилечь где удастся.

– Ты устал, тебя тяготят заботы? Приди к Иисусу, приди и отдохни на его груди! – взывала с паперти через ручной громкоговоритель женщина-пастор.

– Нет уж, мэ, спасибо, у меня пока мозги на месте! – крикнул ей проходящий мимо Центровой в «крокодиловке», и его шестерки хрипло рассмеялись и похлопали его по спине. Центровой был чернокожим, и пасторша тоже. Вообще кругом афрамов было в пять-шесть раз больше, чем днем.

Они посмотрели на меня с любопытством. Подсказка: Цвет кожи?

Но это был ложный след. Постепенно он отыскал истинную причину. На нем был консервативный, несколько устаревший и совсем немодный пиджак, какой он обычно носил. Большинство прохожих были либо в лохмотьях, как бездомные, которые зачастую по десятку раз натягивают на себя одноразовую одежду, либо те, кто наступление сумерек воспринимал как сигнал дать волю воображению. Не только гопники в «крокодиловках» особого покроя, создававшего впечатление огромных мускулов, но прохожие постарше носили одежду броскую, как оперенье павлина: алый и бирюза, черное дерево и хром. Они красовались в чем угодно – от длинных одеяний в стиле стран РЕНГ до ритуальной раскраски, оттененной парой перьев в стратегических местах.

Ответ: словно в чужой мир попал.

Он задумчиво кивнул. Было что-то от карибских традиций в том, как эти люди преспокойно расположились посреди улицы точно в палисаднике перед собственным домом. Толч-

ком к этому, вероятно, послужило сооружение купола, поддерживавшее и усилившее ощущение разгара лета, которое растянулось на целый год.

Характер кварталов начал меняться. Дональд заметил, что здесь его окликают зазывалы.

– Концерт статики в разгаре, чувак! Всего пятерка!

– Выдержки из Корана по-английски, живой чтец. Неужели это не заинтересует такого умного человека, как вы?

– Узнайте правду, которую скрывает от вас правительство! Записи прямо из Пекина, все факты доступны!

Только пройдя с милю или около того, он – благодаря улыбкам и жестам прохожих – обнаружил небольшую люминесцентную листовку, которую кто-то незаметно наклеил ему на спину. Раздраженно сорвав ее, он прочел:

Этот чувак не знает, куда податься. На триптине он, недолго думая, уже был бы там.

«Джи-Ти» толкает свой продукт? Маловероятно. Ни для кого не секрет, что правительство держит в узде ретивых сотрудников Наркоконтроля, поскольку психоделики оттягивают на себя большую часть потенциальных диссидентов, но официально в большинстве штатов еще существовали законы против них. Скомкав листовку, Дональд бросил ее в урну.

Худощавый, интеллигентного вида афрам пошел вдруг с ним рядом, то и дело бросая на него косые взгляды. Шагов через десять он кашлянул.

– Вы не были на...

– Нет, – сказал Дональд. – Валяйте, гоните свою телегу, а я скажу, интересует ли она меня, тогда мы оба сэкономим время.

Афрам моргнул. Еще несколько шагов спустя он пожал плечами.

– Жаловаться не будешь, отец?

– Нет.

– Хочешь, проверю твой генотип? Покажи мне руки. За пятерку получишь точный научный анализ, у меня и сертификаты есть.

– Спасибо, у меня хватает денег на генанализ.

– Но потомства нет, а? – Афрам глянул на него проницательно. – Может, неприятности с Департаментом евгенической обработки? Нет, не надо мне говорить. Как бы плохо ни было, всегда есть способ поправить дело. У меня есть кое-какие связи, и если тебе по карману генанализ, то, наверное, и их услуги тоже.

– Я чист, – со вздохом сказал Дональд.

Афрам остановился как вкопанный. Дональд непроизвольно сделал то же самое и повернулся, так что теперь они стояли лицом друг к другу.

– Ах ты сукин сын! – прохрипел афрам. – У меня вот... у меня-то серповидный эритроцит, в малярном поясе это даже на руку было бы, но здесь-то мне ничего не позволяют, хотя я уже трижды был женат.

– Тогда почему бы вам не поехать в малярные страны? – отрезал Дональд. И опустил руку в карман с газовым баллончиком.

– Чего еще ждать от бледнозадого! – фыркнул афрам. – Почему бы тебе не убраться назад в Европу?

Раздражение Дональда внезапно утихло.

– Послушай, брат, – сказал он, – тебе бы познакомиться с моим соседом, тогда сам все понял бы. Он тоже афрам.

– Против тебя я ничего не имею, – сказал афрам. – Чем меньше вас живет как нормальные люди, тем лучше. Но плакать стоит о другом – у тебя ведь чернокожий сосед. В следующем поколении, того и гляди, и высокое содержание меланина в коже в список запрещенных генов внесут!

Плюнув так, чтобы плевок приземлился ровно в дюйме от ботинка Дональда, он повернулся на каблуках.

Подавленный этой стычкой, Дональд пошел дальше. Он даже не обращал внимания, переходит он улицу или сворачивает за угол. Сознание иногда реагировало на случайные раздражители: похожее на вой банши завывание полицейской сирены, вспыхнувшая из-за мелкой обиды потасовка детей, вездесущая музыка, – но мозг его напряженно работал.

Упомянутые афромом малярийные страны подтолкнули его на размышления, которые в конечном итоге привели его к сегодняшнему разговору с Норманом о Бенинии. Как всегда, компьютер в его подсознании перетасовал информацию и выдал ее в новом порядке.

Государство захочет знать, зачем Элиу Мастерс обращался в «Джи-Ти». Допустим: Государство знает зачем. Если или Дагомалия, или РЕНГ смогут уговорить Бенинию войти в их состав, противной стороне придется начать войну, иначе она потеряет лицо. Единственное, что может эту войну предотвратить: а) президент Обоми, который, как и все мы, смертен, и б) вмешательство внешней силы, против которой они могли бы сплотиться. В таком случае!..

Внезапно его осенило. Десять лет он читал по пять дней в неделю за вычетом отпуска, и в результате в его памяти скопились все сведения, необходимые для того, чтобы сделать наиболее вероятный прогноз.

Но в то же мгновение, когда его осенило, догадка была снова вытеснена в подсознание. Застыв как вкопанный, он удивился, куда это, собственно, его занесло?

Судя по названию улицы, он дошел до задворок Ист-Сайда. В настоящее время этот район находился на самой нижней ступени цикла разрушения и обновления, который временами уподоблял город живому организму. В конце прошлого века он пережил краткое мгновение славы: несколько десятилетий в этот район заброшенных домов у реки стекались, следуя из Виллидж за богемой, всевозможные очковтиратели и мнящие себя гениями неврастеники, пока к 1990-м или около того квартплата здесь не взлетела до небес. Но колесо повернулось снова, и заскукавшие и состоятельные выехали. Теперь элегантные здания снова ветшали под макияжем рекламы: «В пылу порки требуйте гель «Потенция», «Маскью-лайны» со всем миром справляются одним махом», «Спроси чувака, который чухал чуйку...» Поверх щитов зигзагами тянулись в высь пожарные лестницы, обросшие мусором словно деревья мхом.

Дональд медленно повернулся вокруг себя. Здесь людей на улицах было меньше. В воздухе пахло гнилью. Всего в нескольких минутах ходьбы – сияние огней, людская суeta и толчея, которые он, сам того не заметив, оставил позади, поэтому стоит ли удивляться, что местные жители предпочитают проводить свои вечера в другом месте? Магазины были закрыты, если не считать тех немногих, которые могли себе позволить автоматизированные кассы, но и в них почти не видно покупателей. Впрочем, тишины тут все равно не было, – в городе не осталось тихих мест, – но все звуки словно бы доносились издалека: не из ближайшего здания, а из следующего, не с этой улицы, а с соседней.

Сейчас перед ним раскинулась своего рода роскошь былых времен, более двадцати лет назад включенная архитекторами в проект обустройства квартала: тематическая детская площадка, умело втиснутая меж двух высотных зданий, по сути, трехмерная головоломка для лазанья, спроектированная так, чтобы беспечный ребенок никогда не мог упасть дальше одного невысокого уровня. С мгновение его разум отказывался улавливать взаимосвязь между абстрактными линиями и осязаемой реальностью. Потом благодаря перспективе, отделяющей далекое от близкого, сложилась внятная картинка, и он понял, что смотрит на самую настоящую римановскую лестницу из бетона и стали, подсвеченную фонарями на невысоких столбиках. Часть фонарей, разумеется, была разбита.

Среди пугающих железных балок-ветвей что-то двигалось. Не зная, человек ли это, Дональд осторожно опустил руку в карман и начал натягивать на пальцы каратан-ду.

Чудовищное, невероятно гибкое существо помаячило на трамплине миниатюрного обрыва и приобрело реальность – всего лишь тень, отброшенная прошедшим перед уцелевшим фонарем ребенком.

Дональд даже охнул от облегчения. Тут ему пришло в голову, что ему, наверное, подсушили психоделик, но потом он отмел эту мысль и задался вопросом, нет ли в воздухе паров какого-нибудь наркотика, который искажал бы его зрение.

Механически натянув до запястья каратан-ду, он стал поспешно отступать к привычным улицам: скорей – к знакомым местам.

Неожиданно для себя, ведь в этой местности такси не поймать, он в ста ярдах впереди увидел неспешно катящую машину с огоньком на крыше. Он окликнул водителя, и тот помахал в ответ – по лобовому стеклу скользнула тень.

Негромко урча, машина поравнялась с ним. Он почти уже было опустился на сиденье, когда водитель включил гидравлический контроль двери.

Не спеши.

Слова прозвучали у него в голове так ясно, словно кто-то произнес их с пассажирского сиденья. Задержав руку на дверце, он поискал глазами, что могло его встревожить.

Наверно, игра воображения. Уже собственной тени боюсь...

Но нет. К соплам кондиционера было прикреплено устройство, автоматически посылающее сигнал тревоги в полицейский участок, если таксист выпускал в кабину сонный газ. В устройстве кто-то покопался: пластмассовая печать с сертификатом ежегодной инспекции поменяла свой цвет на воспаленно-красный. Ему попался мошенник: есть такие таксисты, которые нелегально травят своих пассажиров газом, а потом везут их на темную улицу, чтобы ограбить.

Дверца закрылась. Но не захлопнулась. Даже учитывая силу гидравлики, она не смогла раздавить чувствительную к удару каратан-ду, которую Дональд оставил в щели. Раздался лязг металла, и руку Дональда до самого локтя трянуло ударной волной, но он сохранил достаточное присутствие духа, чтобы не выдернуть руку.

По закону, городские такси были спроектированы так, что не могли тронуться с места при незакрытой двери. С другой стороны, у Дональда не хватило бы сил отжать дверь и вырваться наружу.

Патовая ситуация.

Водитель за бронированным стеклом все давил и давил на кнопку контроля дверей. Дверца открывалась и закрывалась, но каратан-ду выдерживала. С внезапным спокойствием Дональд попытался рассмотреть таксиста, но тот осторожничал и не давал увидеть свое лицо даже в зеркальце заднего вида. Само зеркальце было повернуто так, что закрывало фотографию на лицензии, да и вообще его роль играл миниатюрный телевизор.

И что мне делать теперь?

– Ну ладно, Салманасар.

Дональд вздрогнул от рева, вырвавшегося из встроенного в крышу динамика.

– Я сейчас открою, ты пойдешь своей дорогой, и делу конец. Что скажешь?

– Нет, – ответил Дональд, удивляясь собственной решимости.

– Ты не сможешь выйти, если я тебе не позволю.

– Ты не сможешь тронуться, если я тебе не позволю.

– Надеешься, что патрульная машина проедет, а? Легавые сюда по собственной воле не заглядывают!

– Ну, рано или поздно кто-то заметит такси, которое стоит посреди улицы с огоньком «занято», а с места не двигается.

– Кто сказал, что он горит?

– Его нельзя выключить, пока дверь незакрыта!

– Думаешь, нельзя? А я ведь отрезал сигнализацию полиции.

– И это всем видно, теперь печать красная.

– Ты первый за две недели, кто это заметил. Прошлему я оттяпал пальцы.

Облизнув губы, Дональд воззрился на ближайший тротуар. Этот район был немногочислен, но не совершенно пуст. Как раз сейчас подходила старая афроамериканка. Высунувшись в щель, Дональд позвал:

– Леди! Вызовите полицию! Этот таксист – мошенник!

Старуха уставилась на него, перекрестилась и поспешила дальше.

Таксист кисло рассмеялся.

– Ты что, не знаешь, как тут обстоят дела, Салманасар? Забыли тебя на это запрограммировать?

У Дональда упало сердце. Он уже готов был признать свое поражение и предложить выйти, когда его внимание привлекло движение на углу улицы.

– А ты говорил, что полицейские здесь не ездят, – воскликнул он.

– Верно.

– А как насчет машины, которая к нам приближается?

Таксист тревожно вперился в экран телевизора.

Он что, думает, я блефую? Но это не блеф... это самая что ни на есть настоящая патрульная машина!

Бронированная, вооруженная слезоточивым газом и огнеметом патрульная машина осторожно подкрадывалась к неподвижному такси. Водитель включил сигнал сирены – «проезжайте».

– Убери руку с колонки, – сказал таксист. – Давай по-хорошему. Чего тебе надо? У меня есть связи... мозголом, ягинол, терки, чего хочешь устрой.

– Нет, – сказал Дональд, на сей раз победно.

Теперь ему уже видны были силуэты полицейских в патрульной машине. А еще на тротуаре успели собраться с десяток прохожих. Парочка подростков-афроамериканцев кричали полиции что-то неразборчивое и складывались пополам от хохота.

Дверца патрульной машины открылась, и Дональд расслабился. Осталась каких-то пара секунд.

Но едва легавый ступил на тротуар, словно из ниоткуда его накрыло градом мусора. Громко выругавшись, он вытащил тазер и выстрелил наугад в темноту детской площадки. Послышался крик. Прохожие бросились в укрытие. Водитель из машины Дональда вывалился на мостовую, и полицейский выстрелил еще раз – в него, – но промахнулся. Теперь с какой-то площадки пожарной лестницы наверху обрушился уже мусорный бак: сперва его содержимое, а затем сам контейнер, раздался скрежет, потом грохот. Высунувшись из окна, второй полицейский выстрелил приблизительно в сторону нападавших.

Запоздало сообразив, что дверь уже больше не давит ему на пальцы, Дональд выкарабкался из машины и закричал полиции: надо не тратить попусту патроны, а ловить психа. Полицейский, выглядывавший из-за приспущенного бокового стекла, распознал в нем только живую мишень и открыл огонь. От свиста болта, пролетевшего у него над ухом, Дональд судорожно сглотнул и поспешил перебраться на тротуар.

Высунувшаяся из-под низкого навеса рука схватила его за колено. Возможно, жест был дружеский, но откуда Дональду было это знать? Выхватив из кармана газовый пистолет, он пустил струю в лицо вцепившемуся в него человеку.

Крик. Девчоночий голос: «Не смей трогать моего брата...»

По обеим сторонам улицы распахнулись окна. Из злобещих теней детской площадки с воплями выбежали упивающиеся потасовкой дети и принялись швырять всем, что попадалось под руку: кусками битого асфальта, пустыми банками и пачками, обломками труб. Перед

Дональд возникло красивое темное лицо, искаженное яростью. Беспорядочные вспышки тазеров – это полиция палила без разбору. Кто-то цветисто выругался по-испански: «Да подхватит этот козолоб сифилис и трипак!»

Дональд замахнулся на девушку, пытавшуюся расцарапать ему лицо, и запоздало вспомнил про каратан-ду. Затвердевшее до металла ребро ладони пришлось ей по губам, и, заливаясь кровью и постанывая, она отлетела на середину улицы под яростные прожектора патрульной машины.

– Бей паршивцев!

Откуда они повылезали?

Вся улица внезапно ожила, точно разворошенный муравейник, окна и двери выблевали людей. Блестели металлические прутья, из глоток рвался визг звериной ярости, лопались стекла, и осколки острым ранящим дождем сыпались на головы вниз. Сирена патрульной машины только увеличивала общий гвалт, и два полицейских, рискнувших из нее выйти, поспешили убраться назад за секунду до второго мусорного залпа. Между патрульной машиной и такси, сидя на корточках, раскачивалась покалеченная девица, из рассеченной губы на зеленое переливчатое мини-платье капала кровь. Дональд вжался в декоративную нишу ближайшего здания, никто не обращал на него внимания, ведь те, кто присоединился к драке с опозданием, сочли, что в воплях девушки повинны полицейские.

Патрульная машина попыталась сдать назад. Через все еще приоткрытое окно Дональд услышал, как сидящие в ней кричат в микрофон, требуя прислать подкрепление. У фонарной тумбы ргнул огнемёт, и металл растекся, как жир на сковородке. На багажник машины рухнул фонарный столб и тем лишил ее пути к отступлению. С криками радости десятки людей побежали достраивать импровизированную баррикаду. Откуда-то сверху бросили банку с маслом, а огнемёт ее поджег. Приплясывая, как дервиши, мальчишки и девчонки издевались над полицейскими в свете фар их же машины. Кто-то сумел заработать очко, подбив левую фару, и она со звоном разлетелась. Водитель слишком поздно вспомнил, что следовало бы поднять щиты из проволоочной сетки. Еще один победный крик, и от удара очередным камнем крыша машины загудела, как стальной барабан. Полетели чешуйки краски и осколки, один попал в глаз стоящему поблизости, и он, закрывая лицо руками, закричал, что ослеп.

Это предопределило ситуацию.

– О Господи, – пробормотал Дональд. С тех пор как он ходил в школу, ничто в его устах не походило на молитву так, как эта фраза. – Это же бунт. Это же... это же... *бунт!*..

Контекст (9)

Критика оружия

«Те, кто испытывает потребность засорять свое восприятие алкоголем, ягинолом или мозголомом, попросту не врубаются в простую истину, что от измененного состояния сознания реальный мир всегда можно распознать по одному его уникальному свойству: он, и только он один способен совершенно заставить нас врасплох.

Возьмите два куска сероватого вещества и соедините их. Результат: разрушенный город.

Разве мог кто-нибудь предсказать или предвидеть нечто подобное, пока о реальном мире не стало известно достаточно, чтобы установить свойства вещества под названием «уран-235»?

Люди не устают удивляться тому факту, что у хиромантии есть солидная научная база. Как только была сформулирована идея генетического кода, любой, у кого есть хоть крупица ума, мог бы сказать, что нет никакой априорной причины, почему расположение складок и линий на ладони человека не должно быть связано с его темпераментом – это все равно что связь генов с общей хромосомой. И впрямь полно причин предположить, что это именно так, поскольку мы не полные идиоты – как я уже указывал раньше, – и не будь в хиромантии какого-то весомого и соответствующего реальному опыту элемента, мы бы давно уже от нее отказались и стали бы гоняться за другой химерой. А их всегда хватает.

Но потребовалось сорок лет, чтобы провести доскональное исследование и продемонстрировать, что подозрения вполне обоснованны. Это представляется мне удивительным – или, лучше было бы сказать, приводящим в уныние.

Ну ладно, чему сегодня стоит удивляться?

Тому факту, что, узнав так многое о самих себе – рисунки на наших ладонях всего лишь один пример того, как мы готовы проанализировать себя до составляющих молекул, и можно смело утверждать, что недалек тот день, когда мы не просто сумеем гарантировать пол нашего потомства (если цены будут по карману), но даже выбирать, заполучим ли мы в семью математического гения, музыканта или дебила (думаю, кто-то захочет разводить дебилов как комнатных собачек), – мы придем к тому, что будем меньше знать о наших реакциях вообще, чем мы знаем о поведении неживых предметов, вроде кусков урана-235.

Или, быть может, здесь нет ничего поразительного. Не будучи полнейшими идиотами, мы проявляем к этому потрясающую склонность».

«Вы: Зверь» Чада С. Маллигана

(ИСТОРИЯ: Папаша Гегель говорил, что у истории мы учимся лишь тому, что мы ничему у нее не учимся. Лично я знаю людей, которые не способны даже научиться на ошибках и событиях сегодняшнего утра. Гегель, похоже, смотрел в будущее.

«Словарь гиперпреступности» Чада С. Маллигана)

Прослеживая крупным планом (9) Маковое семя

Это правда грязная, скучная дыра или только такой кажется, потому что кончился трип? В такое место следует входить, уверенно и тяжело ступая на своих двоих, просто на случай, если они протестировали все, что им пришлось в голову подвергнуть анализу, но если верить людям сведущим, то конечные продукты выводятся из организма за тридцать шесть часов воздержания, что означает свободное падение.

Но оно так быстро наскучивает.

Деталь за деталью: поблекшая желтизна пластмассовых стен, окна, наполовину затемненные, потому что солнце светит на дальнюю их сторону; различные плакаты в рамках, наглядно демонстрирующие всевозможные правила, которым нужно следовать; скамьи, по всей видимости, спроектированные так, чтобы на них было неудобно сидеть, чтобы лицам без определенного места жительства не захотелось бы являться снова – чтобы посидеть и погреться; повсюду запах затхлости, пыли, древней бумаги и старой обуви.

О природе здесь напоминал только пол, выложенный плиткой с рисунком из опавшей листвы, запаянной под прозрачным пластмассовым покрытием. Но и он – чистой воды обман, ведь, присмотревшись, замечаешь, как орнамент повторяется, а если скосить глаза, листья исчезают за пеленой царапин и потертостей, наследием бесчисленных прошаркавших по комнате ног, и в результате видна только единая плоскость цвета навоза.

– Уже недолго.

– Хорошо бы.

Остальные ожидающие подняли глаза: звук, сам факт человеческой речи здесь диковина, стимул продержаться еще немного. Тут были сплошь женщины, от двадцати до пятидесяти, и все на большей стадии, чем у Мак: у одних животы тяжело лежали на коленях, у других округлость едва-едва наметилась. Эти последние, надо думать, пришли за результатами кариотипирования²⁶. От одной только мысли, что длинной иглой у нее из чрева станут брать жидкость, Мак передернуло, и она спросила себя, из скольких сидящих здесь женщин бюрократы до срока извлекут бэбиков.

Словно для того, чтобы укрыться в ее защищающей женской ауре, Роджер, единственный здесь мужчина, придвинулся к ней ближе и приобнял за плечи. Погладив его пальцы, она улыбнулась углом рта.

Даже одетая как обычно, в давно не стиранные слаксы и в бесформенную блузетку, которая больше бы подошла женщине много крупнее нее, Мак была поразительно красива. У нее было правильное овальное лицо, обрамленное мелкими черными дредками, большие черные глаза и золотисто-смуглая кожа, так что она казалась красавицей из племени дикарей. И пока еще беременность никак ее не изменила, только улучшила форму груди.

Она усмехнулась собственным мыслям, и Роджер крепче сжал ее плечи.

– Мисс Шелтон, – произнес бестелесный голос. – И... э... мистер Гоуэн.

– Это мы, – сказал, вставая, Роджер.

За дверью, распахнувшейся при их приближении, оказался усталого вида мужчина лет сорока, который сидел за столом под портретом короля и королевы и их двоих (сосчитайте один-два, respectable число, как у ответственных людей, два!) детей. На столе перед ним

²⁶ Цитогенетическое исследование, посредством которого изучается набор хромосом человека, их структура и возможное нарушение строения.

выстроились стопки формуляров и анкет и несколько стерильно запечатанных контейнеров, на крышечках которых были оставлены места для имен и дат.

– Садитесь, – сказал он, даже на них не посмотрев. – Вы мисс Мак Шелтон?

Мак кивнула.

– И... э... сколько?

– Что?

– Сколько прошло с тех пор, как вы забеременели?

– Мой врач сказал, около шести недель. Я пошла к нему, когда у меня случилась задержка, а он посоветовал прийти к вам, как только я пойму, что это не дисфункция.

– Понимаю. – Мужчина занес ответы в формуляр. – А вы отец, да, мистер Гоуэн?

– Если Мак так говорит, то да.

Мужчина бросил на Роджера быстрый взгляд, будто подозревая его в легкомыслии.

– Ха! Ну, всегда хорошо, когда объявляется предполагаемый отец. Хотя, конечно, сегодня на это нельзя полагаться. И вы хотите выносить до конца срока, мисс Шелтон?

– Что?

– Вы действительно хотите родить ребенка?

– Конечно хочу!

– Тут «конечно» не уместны. Большинство приходящих сюда женщин тащат с собой ворох всего, что, по их мнению, даст им разрешение на аборт: список перенесенных в детстве болезней, сказки про бабушку, на сто первом году жизни впавшую в маразм, или лицемерные шутки про мальчика в соседнем квартале, у которого, по слухам, была корь. Вы собираетесь пожениться?

– А это тоже предписано законом? – огрызнулась Мак.

– К несчастью, нет. И мне не нравится ваш тон, барышня. То, что, как вы выражаетесь, «предписано законом», просто вопрос человеческой экологии. Учитывая, что при ста тысячах жителей наш остров и так перенаселен, не было бы смысла и дальше растрачивать наши материальные и человеческие ресурсы на такую роскошь, как обучение идиотов или подтирание задниц слабоумным. Все развитые страны мира уже стали на эту точку зрения, и если вы хотите обойти юридические ограничения на деторождение, вам придется поехать в страну, которая все равно не сможет дать вам приличного здравоохранения. Здесь, по крайней мере, вы будете уверены, что у вашего ребенка, с одной стороны, не будет наследственных заболеваний, а с другой – ему обеспечат должную защиту от пред- и постнатальных рисков. Что вы станете делать с ребенком после того, как он родится, дело ваше.

Мак снова захихикала, и Роджер сжал ей локоть, чтобы заставить ее замолчать.

– Если лекция закончена... – намекнул он.

Мужчина пожал плечами:

– Хорошо. Ваш врач сказал, что вам следует с собой принести?

Из отвисших карманов «крокодиловки» Роджер выгрузил несколько герметически закрытых контейнеров.

– Образцы мочи, ее и моей. Образец спермы вот в этом пластиковом пакете. Обрезки ногтей, волос, образцы слюны и носовой слизи. Все здесь.

– Хорошо. – Но, судя по голосу, мужчина доволен не был. – Протяните руку, мисс Шелтон.

– Это больно?

– Да.

Уколов ей палец иглой, он выдавил каплю крови и собрал ее на листок фильтровальной бумаги, которую положил в подписанный конверт.

– Теперь вы, мистер Гоуэн.

Повторив процедуру, он откинулся на спинку стула.

– На сегодня все. Если не проявится очевидного наследственного дефекта, вам позволят сохранить беременность до тринадцатой недели, а затем вы должны явиться в больницу на кариотипирование. Вам сообщат за три дня. Всего хорошего.

Мак мешкала.

– А что будет, если мне не позволят? – помолчав, спросила она.

– Как повернется. Если проблема в ваших генах, вас ждут аборт или стерилизация, если это из-за его генов, к которым вы привнесли рецессив, то аборт и судебное постановление, запрещающее вам зачинать детей вместе.

– А если я не явлюсь на аборт?

– То попадете в список разыскиваемых. Если вас поймают, то арестуют и посадят в тюрьму. В любом случае ни одна больница страны не примет вас к себе в родильное отделение, вас не станет обслуживать ни одна акушерка, а если ребенок родится с дефектами, то будет помещен в закрытую клинику. – Тут мужчина несколько смялся. – Звучит, наверное, жестоко? Но, боюсь, это бремя ответственности перед следующим поколением, которую приходится брать на себя нам сегодня.

Мак снова хихикнула, и Роджер, краснея от неловкости, вывел ее из кабинета.

На улице она порывисто обняла его и запрыгала на месте.

– Роджер, у нас получится, у нас получится!

– Да-да, надеюсь, – с меньшим энтузиазмом ответил он.

– Ах ты старый пессимист! Может, это от того, что ты давно не закидывался? У тебя с собой что-нибудь есть?

– Жвачка мозголом. Но разве тебе не положено такого избегать?

– Нет, док сказал, малышу может повредить только ягинол.

– Ты уверена?

– На все сто. Я специально его спрашивала, и он мне сам сказал.

– Тогда ладно.

Он вынул пачку из кармана, и они вместе зачавкали жевательной резинкой со слабым привкусом аниса, ожидая, когда их поволочет и поднимет. В ожидании они осматривались по сторонам. В дальнем конце мрачной лондонской улочки маячили заграждения с большими плакатами, где указывалось, что проезд закрыт из-за дорожных работ; согласно плану переустройства мегаполиса новые трассы закладывались поверх существующих улиц, пешеходам оставались лишь узкие дорожки и туннели.

Мало-помалу красные с белым шесты заграждения стали превращаться в стебли экзотических растений, в особенности полыхали маками алые полосы. Воспоминание о серой приемной врача, о гадком бюрократе, который их допрашивал, поблекло как сон. Прижимая руку к животу, словно силой воли благословляя совершающееся там чудо, Мак благоговейно округлила глаза.

– Он ведь увидит этот мир, правда? – прошептала она. – Не именно этот... не этот заляпанный дерьмом, закопченный и пыльный, жуткий город, а другой, прекрасный и всегда удивительный. Роджер, какой амфетамин выводится с молоком? Нужно позаботиться, чтобы наш малыш вообще никогда противного мира не видел!

– Нужно будет у дока спросить, – сказал Роджер. По его лицу разлилась безмятежная уверенность. – Док много кому, кроме нас, помог, уж он-то знает.

Он взял ее за руку, и они пошли – два единственных реальных человека во вселенной по вымощенной самоцветами улице в страну любви.

Контекст (10)

С водой ребенка выплеснули

«Ладно, согласен, сушая глупость тратить годы на подготовку квалифицированного медицинского персонала, психологов и им подобных, а потом отправлять эти кадры туда, где их труд все равно не даст никакого осязаемого результата, поскольку предложенный им материал изначально безнадежен: слабоумные, например. Я даже готов допустить, что у таких людей застарелый комплекс жажды власти и им нравится распоряжаться беспомощными овощами, хотя вам придется немало потрудиться, чтобы окончательно меня убедить. И уж конечно, я не стану оспаривать тот факт, что нас просто слишком много – в качестве доказательства мне хватает программ новостей со всеми этими голодами в Азии, эпидемиями, еще вспыхивающими в Латинской Америке, и наделавшим шуму феноменом кочевничества в Африке, который возник лишь потому, что земля по полгода не в состоянии кормить тех, кто на ней живет. Тут я с вами спорить не стану.

Но мы-то какие меры принимаем? Возьмем для примера гемофилию. Это заболевание не помешало своим жертвам становиться коронованными главами Европы, и почти все они неплохо себя зарекомендовали, за исключением совсем уж откровенных кровососов, которые просто просиживали троны, пока не проявились гены. Только не говорите мне, что английский король Генрих VIII или русский царь Иван Грозный были потомками королевы Виктории. Или возьмем билль, согласно которому некоторые штаты объявили вне закона тех граждан, у кого есть перепонки между пальцами рук и ног. Найдется немало врачей, которые будут доказывать, что это всего лишь адаптация, начавшаяся в те времена, когда люди были близки к амфибиям, обитали в низинах и на болотах и питались в основном сорняками и моллюсками.

А как насчет шизофрении? Специалисты так до сих пор и не договорились, являются ли ее биохимические симптомы результатом реакции на стресс или они врожденные, или все зависит от ситуации, и те, кто в определенных ситуациях подвержены им больше других, в иных, более благоприятных обстоятельствах совершенно безопасны. Что до меня, я вообще не верю в подлинную наследственность. На мой взгляд, мы склонны копировать модели поведения, какие детьми наблюдали в своих семьях, а дальше просто срабатывает спроецированный групповой рефлекс вроде убийства младенцев, которые, по статистике, намного чаще случаются среди детей и внуков жестоких или неумелых родителей вне зависимости от их генотипа. У вас склонные к шизофрении родители, вы усваиваете их модель поведения, вот и все.

А как насчет диабета? Да, признаю, это серьезное заболевание, и больному приходится как на костыль опираться на медикаменты. Ну да, моя фамилия Дринкуотер, что вполне может означать, что кое-кто из моих предков – как французы с фамилией Буало и немцы по фамилии Тринквассер – был больным диабетом маньяком с патологически усиленной жадой.

И существуй евгеническое законодательство в те давние времена, когда люди обзаводились фамилиями, моим предкам запретили бы иметь детей, и меня бы на свете не было.

Разве вы не понимаете? *Меня бы на свете не было!»*

Режиссерский сценарий (9)

Разделится сам в себе²⁷

Как рука, которая, сжав ком пластилина, оставляет в мягкой поверхности рисунок из папиллярных линий и меж пальцев выдавливаются вязкие валики, так реальность чудовищным формовщиком накрыла, придавила собой Дональда Хогана. Выдавилась, разбрызгалась во все стороны сама его личность, а с ней растворилась и способность думать и принимать решения, так что он превратился в пустую оболочку, реагирующую на внешние раздражители.

Некоторые социологи доказывали, что в настоящее время городской житель балансирует на грани нестабильного равновесия: его здравый смысл способен рухнуть под весом последней капли, соломинки, как хребет пресловутого верблюда. Люди, свиньями гардаринскими копошащиеся и хрюкающие над обрывом, по утверждению социологов, это чувствуют и потому стараются по возможности избегать скопления себе подобных в чрезмерно переполненных городах. В таких странах, как Индия, от скученности никуда не деться: в городской среде смерть от голода наступает медленнее, поскольку тут люди ближе к пунктам раздачи рационированного продовольствия, к тому же порожденная недоеданием летаргия уменьшает трение и взрывы насилия, сводя его до спорадических вспышек. Но сравнительно хорошо питающееся население Америки и Европы может ввергнуться в хаос без предупреждения иного, нежели общее ощущение раздраженности, для снятия которой наши сограждане обычно носят при себе упаковку транков.

Последняя связанная мысль, какую смог сформулировать Дональд, была о том, что одно дело читать о вероятности возникновения, совсем другое – смотреть, как эта вероятность воплощается в реальности.

Мир завертел Дональда, и он потерял себя.

НА АВАНСЦЕНЕ: патрульная машина.

Выкрашенный белым, трапезиевидной формы бронемобиль тринадцати футов в длину и шести в ширину. Его колеса скрыты от попадания пуль под защитными подкрылками, в центре – плоская плита батареи, от которой работает мотор, в окнах передней части кабины – бронированное стекло, дополнительно защищенное поднимающимися и опускающимися решетками. В задней части кабины, предназначенной для перевозки арестованных и, в случае необходимости, раненых, – массивный металлический откидной борт, а также полозья для носилок и сопла подачи усыпляющего газа. На капоте – две фары белого света с охватом 150 градусов (одна сейчас разбита, так как водитель замешкался и не поднял вовремя защитный экран из проволочной сетки), по углам крыши – прожектора с регулируемым широкоизлучателем; еще на крыше вращается в небольшой башенке газовая пушка дальнобойностью в шестьдесят ярдов, выстреливающая гранаты, начиненные битым стеклом. Для использования только в экстренных случаях под юбкой капота – сопла подачи реактивного масла: им можно затопить прилегающие улицы озерцом огня, чтобы отразить любые атаки, пока сидящие в машине ждут помощи, дыша подаваемым в маски кислородом из встроенных в систему кондиционирования баллонов. Машину могут повредить мины, три последовательных попадания в корпус из ручного тазера, при условии, что удары придутся на расстоянии меньше двух дюймов друг от друга, или падение на нее стены здания, но все остальное, с чем она может столкнуться в ходе средней руки городских беспорядков, ей нипочем. Тем не менее мощности батареи не хватило, чтобы протаранить или оттолкнуть с дороги как брошенное такси, в котором автоматически

²⁷ «И если дом разделится сам в себе, не может устоять дом тот», от Марка, 3:25.

включился и остался заблокированным до закрытия дверей ручной тормоз, так и фонарный столб, упавший ей поперек кормы, теперь он к тому же придавлен наваленным (с отчаянными усилиями и ругательствами) мусором на тумбу и надежно заякорен почтовым ящиком, надетым на сам фонарь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.